

СЕРИЯ «БИБЛИОТЕЧКА СУДЕБНОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА»

Н. С. Бондарь

АКСИОЛОГИЯ СУДЕБНОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА:

**конституционные ценности
в теории и практике
конституционного правосудия**

*Axiology of Judicial Constitutionalism:
Constitutional Values
in the Theory and Practice of Constitutional Law*

Издательство «Юрист»

Москва – 2014

УДК 84.342
ББК 67.400 (405)
Б81

Б81 Бондарь Н.С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 2. 2-е изд., доп. — М.: Юрист, 2014. 184 с.

N. S. Bondar. Axiology of Judicial Constitutionalism: Constitutional Values in the Theory and Practice of Constitutional Law. The Library of Judicial Constitutionalism Series. Issue 2. Moscow, Jurist Publishers. 2014. 184 pages.

ISBN 978-5-91835-214-4

УДК 84.342
ББК 67.400 (405)

В настоящем издании, которое является очередным выпуском серии «Библиотечка судебного конституционализма», раскрываются как общетеоретические подходы к пониманию конституционных ценностей в системе судебного конституционализма, особенности юридической природы, так и их практическое назначение для нормоконтрольной деятельности Конституционного Суда РФ как критерия оценки нормативных правовых актов на соответствие Конституции РФ. Поиск баланса конституционных ценностей и разрешение на этой основе социальных противоречий и правовых коллизий является важнейшей задачей конституционного правосудия. В современных условиях глобализации особое значение приобретает проблема конституционных ценностей в контексте соотношения национальной конституционной и европейской конвенционной юрисдикций.

Адресована широкому кругу читателей, интересующихся проблемами современного российского конституционализма, перспективами формирования правовой российской государственности, повышения конституционной культуры.

This book is another issue of the Library of Judicial Constitutionalism Series. It shows both the general theoretic approaches to the conception of constitutional values within the judicial constitutionalism system, the peculiarities of legal nature, and their practical purpose for the rule checking activities of the Constitutional Court of Russia as a criterion for the assessment of normative legal acts in what concerns their correspondence to the Constitution of Russia. A search for a balance in constitutional values and a settlement, upon this basis, of social contradictions and legal collisions is among the priority objectives of constitutional justice. Under the conditions of globalization of today of special importance is the problem of constitutional values within the context of correlations between the national constitution and the European conventional jurisdiction.

The book is intended for a wide circle of readers interested in the problems of modern Russian constitutionalism, prospects in formation of the legal statehood of Russia, rise of constitutional culture.

© Бондарь Н. С., 2013

ISBN 978-5-91835-214-4

© Издательство «Юрист», 2013

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

ПРЕДИСЛОВИЕ	7
<i>PREFACE</i>	
1. ФЕНОМЕН ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМЕ: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ПРОЯВЛЕНИЯ	12
<i>1. THE PHENOMENON OF VALUES IN CONTEMPORARY CONSTITUTIONALISM: GENERAL PROPERTIES AND MANIFESTATIONS</i>	
1.1. Ценности в теории и практике современного конституционализма: основные измерения	13
<i>1.1. Values in the theory and practice of contemporary constitutionalism: basic dimensions</i>	
1.2. Об особенностях юридической природы конституционных ценностей как категории действующего права	17
<i>1.2. On the peculiarities of the legal nature of constitutional values as an actual law category</i>	
1.3. Метаюридический эквивалент конституционных ценностей в соотношении с их политическим содержанием	22
<i>1.3. Meta-legal equivalent for constitutional values in relation to their political content</i>	
1.4. Обеспечение баланса конституционных ценностей – важная качественная характеристика судебного конституционализма	35
<i>1.4. Provision of a constitutional values balance as an important qualitative characteristic of judicial constitutionalism</i>	

2. ЦЕННОСТЬ КОНСТИТУЦИИ КАК НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО ЯДРА СУДЕБНОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА	49
2. VALUE OF THE CONSTITUTION AS A NORMATIVE AND LEGAL NUCLEUS OF JUDICIAL CONSTITUTIONALISM	
2.1. Методология аксиологического познания сущности Конституции как выражения социальных противоречий	51
2.1. <i>Methodology of axiological perception of the essence of the Constitution as an expression of social contradictions</i>	
2.2. Ценностное триединство онтологических компонентов Конституции: власть–свобода–собственность	58
2.2. <i>Axiological triunity of the ontological components of the Constitution: power — freedom — ownership</i>	
2.3. Ценность юридических свойств Конституции в соотношении с ее социокультурными характеристиками	65
2.3. <i>Value of the legal properties of the Constitution in relation to its social and cultural characteristics</i>	
2.4. Конституционализация государственного (конституционного) права, его место и роль в российской правовой системе	72
2.4. <i>Constitutionalization of state (constitutional) law, its place and role in the legal system of Russia</i>	
3. РЕШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ В ЦЕННОСТНОМ ИЗМЕРЕНИИ	82
3. JUDGMENTS OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF RUSSIA IN THE VALUE DIMENSION	

3.1. Нормативно-доктринальные характеристики решений Конституционного Суда РФ — главное в их аксиологических свойствах	82
<i>3.1. Normative and doctrinal characteristics of the judgments of the Constitutional Court of Russia as the basic element in their axiological properties</i>	
3.2. Правовые позиции — квинтэссенция ценностных начал в решениях Конституционного Суда РФ	90
<i>3.2. Legal positions as a quintessence of the axiological fundamentals in the judgments of the Constitutional Court of Russia</i>	
3.3. Акты конкретного и абстрактного нормоконтроля в ценностном измерении: соотношение публичных и частных начал	98
<i>3.3. Concrete and abstract rule check acts in the value dimension: correlation between public and private elements</i>	
4. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ СООТНОШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИОННОЙ ЮРИСДИКЦИЙ	120
<i>4. CONSTITUTIONAL VALUES IN THE CONTEXT OF CORRELATION BETWEEN THE NATIONAL CONSTITUTIONAL AND EUROPEAN CONVENTIONAL JURISDICTIONS</i>	
4.1. О конституционно-ценностном значении европейской конвенционной юрисдикции	120
<i>4.1. On the constitutional axiological significance of European conventional jurisdiction</i>	
4.2. Конвенционные права и свободы в европейском правовом пространстве, их конституционная природа	125
<i>4.2. Conventional rights and liberties in the European legal space, their constitutional nature</i>	

4.3. Степень обязательности решений Европейского Суда для национального конституционного правосудия: соотношение казуальных и нормативных начал в контексте ценностного подхода	128
<i>4.3. Obligatoriness of the judgments of the European Court for national constitutional justice: correlation between the casual and normative elements in the context of axiological approach</i>	
4.4. Конвенционное истолкование в соотношении с национальным конституционным нормоконтролем	136
<i>4.4. Conventional interpretation in correlation with the national constitutional rule check</i>	
4.5. Правовые позиции Европейского Суда как ценность конституционно-судебного контроля в России . . .	140
<i>4.5. Legal positions of the European Court as a constitutional judicial review value in Russia</i>	
4.6. Акты конвенционного контроля как основания для пересмотра конкретного дела заявителя в национальной правовой системе: позиция Конституционного Суда РФ	154
<i>4.6. Conventional control acts as a ground to revise a definite applicant party case within the national legal system: position of the Constitutional Court of Russia</i>	
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПОИСКА НОВЫХ ЦЕННОСТНЫХ КРИТЕРИЕВ ПРАВОВОГО ПРОГРЕССА	163
<i>FOR A CONCLUSION: CONSTITUTIONAL VALUES UNDER GLOBALIZATION AND SEARCH FOR NEW AXIOLOGICAL CRITERIA OF LEGAL PROGRESS</i>	
ОБСУЖДЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ...	175
<i>DISCUSSION CONTINUES...</i>	
Почему меняется понимание Конституции? . . .	176
<i>Why the understanding of the Constitution is changing?</i>	

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее издание — новый, очередной выпуск «Библиотечки судебного конституционализма», основной темой которого являются ценности российского конституционализма, анализ их места и роли в судебной практике, прежде всего — в нормоконтрольной деятельности Конституционного Суда Российской Федерации.

В представленной проблематике находит свое подтверждение — и это не является преувеличением — особое значение ценностного подхода как в теории современного конституционализма, так и в практике конституционного правосудия. Эти проблемы могут быть представлены весьма широким спектром вопросов, относящихся не только к чисто правовой тематике; это комплексная проблема, имеющая философские, социально-политические, нравственно-этические, национально-этнические, культурологические, мировоззренческие и одновременно универсальные транснациональные, международно-правовые аспекты понимания. В этих многообразных, междотраслевых подходах не может затеряться, однако, и один из основных — конституционный аспект исследования данной проблемы, предполагающий, в частности, анализ самих по себе конституционных ценностей, получивших (вслед за социальным признанием) как формально-юридическое, государственно-правовое закрепление, так и нормативно-доктринальное обоснование в решениях Конституционного Суда Российской Федерации.

Вся деятельность Конституционного Суда РФ неразрывно связана с конституционной аксиологией, использованием ценностного подхода, поскольку конституционное правосудие всегда предполагает взвешивание и сопоставление различных конституционных ценностей.

При этом, как справедливо заметил Г.А. Гаджиев, ценности Конституции рефлекторно отражают ценности самого общества, а общество всегда очень противоречиво, что и предполагает необходимость гармонизации, сбалансирования данных ценностей, включая такие «бинарные пары», как правовое государство и социальное государство, свобода слова и свободные выборы, право на судебную защиту отстраненного от должности выборного лица и стабильность итогов волеизъявления народа на выборах и т.п.¹

В современном мире глобальных перемен, связанных в том числе с системным кризисом современного конституционализма, охватившим не только институциональные, функциональные, но и аксиологические его начала, уяснение основополагающих ценностей общества, их защита от политических вызовов, нравственно-этических деформаций является сегодня одной из важных задач гуманитарных, в том числе правовых, наук. Речь идет, прежде всего, о ценностях нашей национально-исторической, религиозной, духовной идентичности, которые отражают все богатство социальных, политических, экономических, культурологических и, естественно, правовых характеристик современной российской государственности.

И это не случайно. Ведь для нас, россиян, для России вопросы «Кто мы?», «Кем мы хотим быть?» всегда были актуальны, а сегодня они «звучат все громче». Для ответа на эти вопросы «необходимо историческое творчество, синтез лучшего национального опыта и идей, осмысление наших культурных, духовных, политических традиций с разных точек зрения с пониманием, что это не застывшее нечто, данное навсегда, а это живой организм»².

¹ В Госдуме раскрыли противоречивость Конституции // Коммерсант. 2013. 24 октября.

² См.: Путин В.В. Выступление на Валдайском форуме // URL: <http://www.rg.ru/2013/09/26/valdai.html> (дата обращения: 30 октября 2013 года)

При всем том, что социальные ценности имеют предельно широкую, сложную систему своей материализации, множество источников кристаллизации в качестве общепризнанных, обязательных величин (начиная с Библии с ее священными заповедями и продолжая не писаными, но не менее значимыми традициями и обычаями), сегодня общепризнанным является тот факт, что своего рода светской библией, в которой получают формально-юридическое закрепление социально признанные ценности современного демократического общества, являются конституции. Конституции и основывающаяся на них система современного конституционализма — главный хранитель, а при определенных условиях и своеобразный генератор, творец ценностных нормативов современного общества и государства.

Поэтому исследование соответствующих проблем в рамках проекта, имеющего целью дальнейшее развитие концепции судебного конституционализма¹, представляется весьма актуальным. Важным стимулом является в этом плане и то обстоятельство, что ранее предложенные подходы получили определенный научный резонанс, поддержку, в том числе зарубежных исследователей².

Аксиология судебного конституционализма — это, в конечном счете, не только научно-теоретическая, но и важная практико-прикладная проблема, имея в виду, в частности, значение конституционных ценностей как основополагающего критерия судебного нормоконтроля. Этому обстоятельству соответствует интенсивность научных исследований конституционных ценностей не только в теории, но и в практике судебного правосудия, по суще-

¹ Данная концепция получила авторское обоснование в монографии Н.С. Бондаря «Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия» (М.: Норма, 2011).

² См., напр.: Бринцев В.Д. Судовий конституціоналізм в Україні: доктрина і практика формування. У двох книгах. Харків. Право, 2013.

ству регулярные научно-практические конференции, посвященные соответствующей проблематике¹.

При всем том, что в последнее время появился ряд интересных работ по конституционной аксиологии², следует иметь в виду, что заявленная в самом названии данной публикации проблема — аксиология судебного конституционализма — представляет собой относительно самостоятельное направление научных исследований, имеет свою специфику. По крайней мере, некоторым из этих вопросов, в том числе в постановочно-дискуссионном плане, посвящена данная работа.

Хочется надеяться, что в дальнейшем эти проблемы станут предметом новых комплексных исследований с участием как ученых (и не только юристов), так и практиков, в особенности судей, призванных активно использовать категорию конституционных ценностей в своей профессиональной деятельности.

¹ См., напр.: XIII Ереванская Международная конференция «Фундаментальные конституционные ценности и общественная практика». 3–5 октября 2008 г. // Международный альманах. Конституционное правосудие в новом тысячелетии. Ереван. 2008; XI Международный форум по конституционному правосудию «Конституционные ценности в теории и судебной практике». Москва, 20–21 июня 2008 г. // Конституционные ценности в теории и судебной практике: Сборник докладов. М.: Институт права и публичной политики, 2009; Конституционные ценности как фактор стабильности демократического режима. Международная конференция, посвященная 15-летию Конституции Республики Молдова, 22–23 июля 2009 г., Кишинев / Отв. ред. — Димитру Пулбере, Майа Банареску, Нина Партак. Кишинев: DepoPromo, 2010; Конституции стран мира о высших ценностях государства: российская рефлексия. Материалы постоянно действующего семинара. Вып. 4. М.: Научный эксперт, 2007; Аксиология российского конституционализма: история и современность / Под ред. С.И. Дудника, И.Д. Осипова. СПб., 2012 (Коллективная монография, подготовлена на основании результатов симпозиума, проходившего в рамках Дней философии в Санкт-Петербурге в 2011 г.).

² Важно при этом отметить, что в последнее время аксиологические проблемы становятся предметом исследования не только конституционалистов, но и философов, представителей общей теории права. См., напр.: Аксиология российского конституционализма: история и современность / Под ред. С.И. Дудника, И.Д. Осипова. СПб., 2012; *Ветютнев Ю.Ю.* Аксиология правовой формы: Монография. М.: Юрлитинформ, 2013.

Мне же остается в заключение данной части работы (вводных ее положений) выразить признательность своим коллегам, судьям Конституционного Суда РФ, в обсуждении и дискуссиях с которыми рождались подходы, в той или иной мере получившие отражение, в том числе, в настоящей публикации. Конституционные судьи, как и Конституционный Суд в целом (включая его весьма квалифицированный аппарат), и есть живое воплощение конституционных ценностей, которые получают свою реализацию в повседневной нормоконтрольной деятельности высшего органа конституционного правосудия. Одним словом, глубокая благодарность коллегам по Конституционному Суду — незримым соавторам настоящей публикации! При этом вполне естественно, что кто-то из них не во всем будет согласен по тем или иным конкретным вопросам, затронутым в публикации; в этом случае за ними сохраняется, конечно, право на «особое мнение», но на этот раз не в процессуальном, а в научном жанре. Без научных дискуссий, столкновения мнений невозможно представить конституционное правосудие. Это вполне естественно, как и то, что, с одной стороны, категория конституционных ценностей — важный инструмент разрешения противоречий в конституционно-нормоконтрольной деятельности, а, с другой, сами по себе концептуальные подходы к исследованию данной категории требуют новых исследований и обсуждений.

1. ФЕНОМЕН ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОМ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМЕ: ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ПРОЯВЛЕНИЯ

Конституционная аксиология — одно из новых, уникальных направлений исследования современного конституционализма, в котором, как ни в каком другом, концентрируется единство сложных, недостаточно исследованных, научно-теоретических, концептуальных проблем с вопросами практической реализации конституционно-правовых ценностных величин во всех сферах законотворческой, правоприменительной, в особенности (имея в виду тему настоящей публикации) — судебной нормоконтрольной деятельности.

В этом плане проблема конституционных ценностей может рассматриваться — ярким подтверждением этого являются появившиеся в последнее время новые весьма интересные публикации¹ — в различных аспектах: с общетеоретических позиций конституционной философии, что связано с выявлением существа, содержания и системы конституционных ценностей, характера их влияния на конституционное мировоззрение; в прагматически-прикладном плане — как элемент не только аксиологии, но и конституционной праксиологии, имея в виду необходимость разработки рабочего инструментария примене-

¹ См.: Зорькин В.Д. Аксиологические аспекты Конституции России // Конституционные ценности в теории и судебной практике: Сб. докладов. М., 2009; Маврин С.П. Конституционные ценности и их роль в российской правовой системе // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 3. С. 1–13; Витрук Н.В. Конституция Российской Федерации как ценность и конституционные ценности // Конституция Российской Федерации: доктрина и практика. М., 2009; Кравец И.А. Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2004; Крусс В.И. Российская конституционная аксиология: актуальность и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2007. №2.

ния (реализации) конституционных ценностей в правотворческой, правоприменительной, нормоконтрольной и иных формах практической деятельности при решении конкретных задач конституционного развития.

Уже поэтому конституционные ценности представляют собой не только аксиологический, но и гносеологический, а одновременно и предметно-онтологический эквивалент философии современного конституционализма. В этом находит свое подтверждение тот факт, что аксиология, сфера ценностей есть «основная компетенция и ответственность философии»¹. Иными словами, в основе юридической, в особенности конституционно-правовой, науки должна лежать *идея ценностной обусловленности познания современного мира*, включая ценностное познание системы современного российского конституционализма во всех его основополагающих проявлениях и компонентах — доктринальном, нормативно-правовом, практико-реализационном (онтологическом), мировоззренческом, политико-идеологическом. Иными словами, аксиология как философия конституционализма приобретает практическое значение — как учение о конституционных ценностях демократического правового развития общества и государства, признания и защиты прав и свобод граждан, равенства и справедливости, их воплощения в жизнь, в том числе с помощью конституционно-правовых средств, основных ценностей нашей жизни.

1.1. ЦЕННОСТИ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ СОВРЕМЕННОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА: ОСНОВНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ

«Ценность» — понятие универсальное и многомерное, оно охватывает все области и уровни социальной жизнедеятельности, в том числе находящиеся в сфере

¹ См.: Гусейнов А.А. Философия: между знаниями и ценностями // Философские науки. 2001. №2. С. 19–20.

конституционно-правового воздействия. Формирование ценностных подходов к тому или иному явлению (объекту) требует генерирования оценки, то есть субъективно-волевой фиксации объекта в соответствии с избранным масштабом и критериями определенной полезности, объективной и (или) субъективной необходимости, политической и (или) экономической целесообразности и т.п. Это позволяет обнаружить («снять») в сфере конституционного регулирования некий идеализированный слепок (модель) *аксиологических конституционных начал и отношений*, которые имеют непосредственное нормативное оформление в конституционном законодательстве.

При этом следует иметь в виду известную истину: «ценности абстрактны, цены — конкретны» (Габриэль Лауб). К оценке проверяемых на соответствие Конституции правовых норм тоже необходимо подходить *конкретно*, в том числе — когда приходится оценивать их с позиций *абстрактных* конституционных ценностей. Но для этого необходима разработка *практической конституционно-судебной аксиологии*.

Очевидно, что практическая аксиология конституционного правосудия должна строиться на непротиворечивых научно-теоретических представлениях о конституционных параметрах ценностной модели общества и государства, которая, в свою очередь, функционирует и развивается при активном участии судебно-правовых субъектов конституционного контроля. Соответственно, анализ юридически значимых свойств конституционных ценностей как судебно-правового фактора конституционного контроля предполагает проведение конституционного измерения самого по себе феномена ценностей, выявление его конституционно-правовых ипостасей.

В рамках аксиологических начал, имеющих прямое или косвенное нормативное отражение в конституционном законодательстве, обнаруживается, прежде всего, *ценность самой по себе Конституции* как акта, установ-

ливающего свод основополагающих ценностных императивов государственно организованного общества, а также более конкретных конституционных установок, утверждающих ценностные основы и ориентиры правопорядка в отдельных сферах общественной и государственной жизни. Ценностное значение Конституции наиболее полно воплощается, прежде всего, в ее юридических свойствах как политико-правового документа, что подробнее будет представлено в дальнейшем.

Одновременно ценностная значимость присуща не только Конституции в целом, но и конкретным нормам Основного закона, которые являются в этом случае отражением фактически сложившихся и юридически признанных представлений о социальных приоритетах и наиболее оптимальных моделях обустройства общественной и государственной жизни, о соотношении ценностей власти и свободы, равенства и справедливости, рыночной экономики и социальной государственности и т.д. Ценностный характер соответствующих конституционных положений, как, впрочем, и иных установлений Конституции, получает подтверждение в практике Конституционного Суда РФ, который активно задействует аксиологический потенциал конституционных норм для формирования правовых позиций по конкретным делам и конституционно-правовым спорам.

Еще одна разновидность аксиологических начал современного конституционализма связана с *генерированием конституционных ценностей*, прежде всего, как результата конституционно-оценочной деятельности судебных органов конституционного контроля. В этом случае конституционные ценности — в отличие от ценностей самой по себе Конституции — не имеют прямого текстуального конституционного оформления, не являются формальными, эксплицитными установлениями Основного закона; их конституционное признание и значение коренится в глубинном содержании и системно-семантических взаи-

мосвязах нормативных положений Конституции. Соответственно, их конституционная значимость требует герменевтического выявления и позитивного оформления в процессе конституционно-контрольной деятельности судебных органов (по крайней мере, на уровне актов официального толкования или истолкования Основного закона). В условиях отсутствия конкретной «прописки» в отдельных статьях и нормах Конституции соответствующие ценности наиболее глубоко проникают в сам дух Конституции, что требует тонкого герменевтического выявления и позитивного (категориально-понятийного) оформления этих ценностей в процессе конституционно-контрольной деятельности судебных органов (прежде всего, на уровне актов официального толкования или истолкования положений Конституции).

В практике Конституционного Суда РФ получил свое обоснование целый ряд формально не имеющих прямого закрепления в Конституции РФ ценностей, включая такие, как: справедливость и правовая определенность¹, устойчивость публичных правоотношений, стабильность условий хозяйствования, поддержание баланса публичных интересов государства и частных интересов субъектов правоотношений² и др. Эти ценности оказывают фундаментальное воздействие на правопорядок, определяют само содержание и основные характеристики *судебно-го конституционализма* как особой политико-правовой

¹ См. Постановления Конституционного Суда РФ (здесь и далее по тексту в сносках — КС РФ): от 16 мая 2007 года №6-П // СЗ РФ. 2007. №22. Ст. 2686; от 26 ноября 2012 г. №28-П // СЗ РФ. 2012. №50 (Ч. 6). Ст. 7124; от 14 февраля 2013 года №4-П // СЗ РФ. 2013. №8. Ст. 868.

² См., напр.: Постановления КС РФ: от 27 апреля 2001 года №7-П // СЗ РФ. 2001. №23. Ст.2409; от 10 апреля 2003 года №5-П // СЗ РФ. 2003. №17. Ст.1656; от 14 июля 2005 года №9-П // СЗ РФ. 2005. №30 (ч.2). Ст.3200; от 5 апреля 2013 года №7-П // СЗ РФ. 2013. №15. Ст. 1843; от 22 апреля 2013 года №8-П // СЗ РФ. 2013. №18. Ст. 2292; Определения КС РФ: от 21 апреля 2005 года №191-О // ВКС РФ. 2005. №6; от 8 февраля 2007 года №381-О-П // ВКС РФ. 2007. №5.

категории, характеризующей режим судебного обеспечения верховенства права и прямого действия Конституции, безусловного гарантирования конституционных ценностей на основе баланса власти и свободы, частных и публичных интересов, единства социокультурных и нормативных правовых факторов конституционализации экономического, социального, политического развития России как демократического правового государства.

Таким образом, в системе судебного конституционализма феномен ценностей проявляется в *трех основополагающих измерениях*: а) сама по себе Конституция как ценность; б) получающие прямое закрепление в нормах и институтах Конституции ценности; в) имплицитно выраженные конституционные ценности как результат практической конституционно-судебной аксиологии. Соответственно конституционные ценности как нормативно-аксиологический атрибут судебного конституционализма — не только инструментальное средство нормоконтрольной деятельности органов конституционного контроля, но и, в определенной мере, результат такой деятельности, а также показатель реальности системы российского конституционализма. Подтверждением действенности, в том числе важного инструментального значения конституционных ценностей являются особенности не только их социокультурных, национально-исторических, но и юридических характеристик.

1.2. ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ КАК КАТЕГОРИИ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ПРАВА

Конституционные ценности — не только общетеоретическая, доктринально-гносеологическая категория, но это и категория действующего права. Особенности нормативно-правовых характеристик данной категории предопределяются как ее собственными (конституционно-

правовыми) свойствами, вытекающими, в конечном счете, из природы Конституции как акта особого рода, так и особенностями деятельности Конституционного Суда как квазиправотворческого органа, нормативно-доктринальной спецификой его решений.

Специфика нормативной энергии конституционных ценностей такова, что они имеют предметом (сферой) своего влияния и, одновременно, формой политико-правового бытия, прежде всего, *нормативные величины наиболее высокого, абстрактного уровня* — общие принципы права, конституционные принципы, декларации, конституционные презумпции, статусно-категориальные характеристики субъектов конституционного права и конституционных явлений и т.п. С помощью конституционных ценностей происходит, своего рода, *приращение и актуализация нормативного содержания соответствующих норм, институтов, принципов*, а также *установление их сбалансированного взаимодействия*. Это особенно важно, если иметь в виду, что Конституционный Суд нередко сталкивается с ситуациями, когда возникают противоречия между представлениями о различных конституционных принципах, да и конституционные принципы могут быть внутренне противоречивы¹. Достаточно отметить такие, нередко вступающие друг с другом в конфликт конституционные принципы, как, например: принципы правового государства и социального государства; принципы свободы и ответственности; принцип единства государственной власти и принцип федерализма и т.д.

Нормативно-правообразующее значение конституционных ценностей проявляется и в том, что с их помощью Конституционный Суд выявляет и оценивает правовые модели организации тех или иных сфер общественных отношений, преодолевает пробелы и дефекты в правовом

¹ См.: Гаджиев Г. Принципы права и право из принципов // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. №2. С. 26.

регулировании и, одновременно, определяет тенденции развития конституционных отношений, обосновывает конституционную стратегию совершенствования законодательства по направлениям, попавшим в сферу конституционного нормоконтроля. Весьма характерным в этом отношении является Постановление Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2007 года №2-П¹, предметом рассмотрения по которому стал институт надзорного производства в гражданском процессе в том виде, в каком он был урегулирован на тот момент ГПК РФ. Установив наличие нарушения оспариваемыми законоположениями конституционных принципов правосудия и ценностей судебной защиты прав граждан, Конституционный Суд указал, что признание соответствующих положений противоречащими Конституции РФ и утратившими силу создавало бы такой пробел в правовом регулировании, который в данном случае не может быть устранен непосредственным применением Конституции РФ и требует внесения системных изменений в действующее законодательство о судостроительстве и о гражданском судопроизводстве. Поэтому, опираясь на вытекающие из преамбулы и ст. 1 (ч. 1), 2, 15 (ч. 1 и 4), 17, 18, 19, 46 и 118 Конституции РФ ценности правовой справедливости и основанный на них принцип справедливости судебных актов, Конституционный Суд принял решение — в целях защиты основ конституционного строя Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина, поддержания баланса конституционно защищаемых ценностей и с учетом объективно сложившихся реалий — воздержаться в указанном деле от признания оспариваемых законоположений не соответствующими Конституции РФ в той части, в какой ими предопределяется множественность надзорных инстанций, возможность неоднократного пересмотра судебных постановлений, принятых в порядке надзора, неопределенность сроков надзорного

¹ См. СЗ РФ. 2007. №7. Ст. 932.

обжалования и производства. При этом в названном Постановлении была сформулирована развернутая программа реформирования института надзорного производства в целях приведения его в соответствие с Конституцией РФ и европейскими стандартами правосудия.

Отражаемые в Конституции социальные ценности представляют собой качественные характеристики государственно-правовых явлений высшего порядка, связанные с осознанием обществом — через призму общедемократического опыта и национально-исторической практики — идей человеческого достоинства, добра и справедливости, фундаментальных целей и норм развития, наиболее целесообразных форм общественного и государственного устройства. Посредством конституционного закрепления, они трансформируются в конституционные идеи-принципы и обретают формально-юридическую нормативность, а в результате их восприятия отдельными индивидами, социальными группами, обществом в целом становятся элементом их конституционного правосознания, демократической культуры.

Конституционализируясь, соответствующие социальные ценности упорядочиваются, встраиваются в определенную иерархическую систему многоуровневых связей и корреляций, основанную на объективно существующем в государственно-организованном обществе социальном порядке в его социокультурном контексте, поскольку правовой социальный порядок, будучи системой связей прав и обязанностей, свободы и ответственности, выступает одновременно и действительным масштабom социальных ценностей.

Следовательно, конституционные ценности находятся в тесной (имплицитной и эксплицитной) связи с нормативной энергией Основного закона. С одной стороны, они выступают социально-правовым генератором этой энергии, обеспечивая перевод фактически (консенсуально) признаваемых обществом в качестве общезначимых и общепользительных правил жизнедеятельности в нормативное

содержание общеобязательных конституционных положений. Тем самым сложившиеся в общественной практике конституционные ценности посредством адекватной конституционализации (возведения в ранг норм Основного закона) не только упрочивают легитимность Конституции, но и обретают формально-юридическую нормативность и обязывают всех субъектов права, включая государство в целом.

С другой стороны, с момента конституционной формализации определенной системы социально-правовых ценностей фактические аксиологические конституционные отношения оказываются под воздействием принудительной силы норм Основного закона и уже не могут развиваться иначе как посредством коррелирующего взаимодействия с формально закрепленными правилами и нормами. Стало быть, соответствие фактических социально-правовых ценностей формальным удваивает их нормативный потенциал, а противоречие — не только снижает доверие к Конституции и затрудняет реализацию ее положений, но и снижает эффективность всего правового регулирования, поскольку оно проистекает из норм Основного закона. Гармонизация же фактических и формальных социально-правовых ценностей в нормативном содержании положений действующей Конституции — пожалуй, генеральная задача Конституционного Суда РФ в рамках возложенных на него функций и полномочий.

Нормативные начала конституционных ценностей, обобщенно говоря, проистекают из их объективной социальной значимости для народа, волей которого они утверждаются в качестве первичного и безусловного основания как для правовой системы государства в целом, так и для каждой ее юридической нормы. В свою очередь социальная значимость конституционных ценностей состоит в том, что выраженные в них социальные начала (цели, интересы, отношения, институты и т.п.) обеспечивают наиболее оптимальное (эффективное, прогрессивное) разви-

тие общества на основе согласования интересов не только внутри государства, но и на международной арене.

Соответственно, конституционные ценности обусловлены внутренней и внешней социальной средой, а потому при их анализе следует учитывать, в том числе складывающиеся закономерности международных отношений и тенденции общепланетарного развития, которые воздействуют и на становление (формирование) конституционных ценностей, и на порядок их реализации. В то же время необходимо принимать во внимание, что сам по себе международный социально-правовой порядок, будучи производным от взаимодействия между суверенными волями равноправных народов мира, выступает, своего рода, результирующей от соотношения и сбалансирования фактических национальных конституционных ценностей государств мирового сообщества.

Одной из фундаментальных закономерностей и тенденций современного этапа развития человечества следует признать все более активную и глубокую плюрализацию ценностно-социальных систем, утверждение принципов культурно-идеологического многообразия и равноправия, что естественным образом отражается на содержательных характеристиках системы современного конституционализма и соотносится как с сущностными, так и юридическими ценностными характеристиками самой по себе Конституции.

1.3. МЕТАЮРИДИЧЕСКИЙ ЭКВИВАЛЕНТ КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СООТНОШЕНИИ С ИХ ПОЛИТИЧЕСКИМ СОДЕРЖАНИЕМ

В основе действенности, эффективности современной конституции как основного закона общества и государства, а, соответственно, и ценностных характеристик, лежит сочетание социальных, сущностных и формально-

юридических характеристик данного документа. Очевидно, что в современном мире нет идеальных конституций, но есть эффективные и фиктивные, неработающие (как юридический акт, основной закон) конституции; ценность последних может соотноситься разве что с политическими целями и их идеологическим значением.

При всей многоплановости условий и предпосылок эффективного действия основных законов принципиальное значение имеет — применительно, в частности, к Конституции РФ — наличие в ней, своего рода, генетического (социокультурного) кода многонационального народа России, который должен определять конституционные параметры достигнутого и обозначать нормативно-правовые ориентиры дальнейшего развития общества и государства. Юридическим выражением данного кода являются весьма специфичные, поистине сакральные по своим нормативным характеристикам категории конституционного права, составляющие своего рода иерархическую нормативно-категориальную систему, получающую конституционное оформление.

Это, прежде всего, конституционные ценности, а также конституционные принципы, конституционные основы (начала), конституционные аксиомы, конституционные презумпции. При всех очевидных различиях и весьма существенной специфике каждой в отдельности, эти категории могут быть выстроены в один категориальный ряд благодаря неким общим характеристикам, в основе которых лежит высокий удельный вес в них нравственных, гуманистических начал, их соотносимость с ценностными характеристиками Конституции. В этом плане не только конституционные ценности, но и другие, указанные выше категории конституционного права (принципы, основы, аксиомы, презумпции) обладают определенными аксиологическими характеристиками, что также подчеркивает их категориальную рядность. Вместе с тем при совпадающей онтологии соответствующих понятий они не заменя-

ют и не подменяют друг друга, сохраняют свою категориальную самостоятельность и собственное назначение.

Не противоречит этому и то обстоятельство, что конституционные ценности имеют, как мною это ранее отмечалось¹, предмет своего воздействия и одновременно — формой политико-правового бытия, прежде всего, общие принципы права, конституционные принципы, декларации, конституционные презумпции и т.п. В связи с этим вряд ли можно согласиться, что «при таком подходе конституционные ценности лишаются самостоятельного значения в качестве правовых регуляторов, становятся второстепенным источником конституционно-правового регулирования, метаюридическим явлением»².

Конечно, прав С.А.Белов, что «если ценности сводить исключительно к нормативному содержанию конституционных положений и не отличать их от норм, которые уже записаны, закреплены в Конституции, в частности, от конституционных принципов, то тем самым ставится под сомнение вообще необходимость существования такого понятия, как конституционные ценности»³. Но в том-то и дело, что конституционные ценности, обладая нормативно-правовыми свойствами прямого (регулятивного!) действия и получая во многих случаях нормативную энергию, в том числе, от конституционных принципов, основ, презумпций и т.п., в то же время не сводятся

¹ Бондарь Н.С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма, 2011. С. 169.

² Белов С.А. Конституционные ценности и их нормативное закрепление // Современный российский конституционализм: доктрина и практика. Материалы межвузовской научно-практической конференции (Южный федеральный университет) и «круглого стола» (Санкт-Петербургский госуниверситет) / Отв. ред. проф. Н.С. Бондарь. Ростов н/Д–СПб.: Профпресс, 2011. С. 360.

³ Судебный («живой») конституционализм: доктрина и практика. Стенограмма круглого стола кафедры государственного и административного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (5 марта 2011 г.) // Журнал конституционного правосудия. 2011. №3. С. 23 (выступление С.А. Белова).

к этим категориям. И это ни в коей мере не противоречит тому обстоятельству, что конституционные ценности имеют генетические корни, строго говоря, не столько в тексте, сколько в духе Конституции. Ведь и конституционные принципы, основы не всегда имеют текстовое оформление в Основном законе. В этом плане вполне обоснованно рассматривать конституционные ценности в качестве особых, своего рода метаюридических, нормативно-правовых величин. В противном случае, противопоставляя, например конституционные принципы, с одной стороны, и конституционные ценности, с другой, выстраивая между ними «китайскую стену», можно прийти к весьма сомнительному выводу, что, например, «принцип равенства нельзя считать конституционной ценностью»¹.

Одновременно нельзя не учитывать, что конституционные ценности (как и смежные категории, включая принципы, аксиомы и презумпции) выступают не только, а во многих случаях не столько конституционно-правовыми категориями, но также категориями морали, нравственности, цивилизационных, общедемократических требований. Тем самым по своей внутренней природе они как раз и могут быть представлены как категориальная форма выражения, квинтэссенция духа Конституции, а их юридические характеристики определяются в этом плане тем, что *это не только доктринальные, но и нормативно определенные категории действующего конституционного права*. Обладая предельно высоким уровнем нормативного обобщения, они позволяют обнаружить («снять») в сфере правового регулирования некий идеализированный слепок (модель) конституционных перспектив общественного и государственного развития. Как метаюридическая форма выражения нравственных, социокультурных начал соответствующие категории, имея наиболее абстрактное

¹ Белов С.А. Конституционные ценности и их нормативное закрепление. С. 362.

содержание, наполнены вместе с тем повышенным уровнем концентрации нормативной (конституционно значимой) энергии, ориентированной на законодателя и правоприменителя, включая все отрасли законодательства и все сферы правоприменения.

Что же касается конституционно-текстовой материализации данных категорий, то здесь особое значение имеют Преамбула, а также главы 1 и 2 Конституции. Соответствующие структурные части Конституции — это своего рода нормативно-правовой генератор конституционного духа, с помощью которого становится возможным проникать в глубинное содержание всех других статей Конституции, обнаруживать их сакральные свойства. Особый, метаюридический характер соответствующих положений подчеркивается, в частности, и тем обстоятельством, что никакие другие положения Конституции не могут противоречить основам конституционного строя (ч. 2 ст. 16 Конституции), а положения главы 2, как и главы 1, не могут быть пересмотрены Федеральным Собранием (ч. 1 ст. 135) и, стало быть, их изменение невозможно иначе, кроме как путем принятия новой Конституции. И это не случайно: законодателю подвластен текст, буква Конституции, но не ее дух. В таком соединении буквы и духа Конституции 1993 г., кроме того, залог сочетания в ней стабильности и динамизма как живого организма, что способно оказывать прямое влияние и на эффективность ее реализации.

Категория конституционных ценностей является наиболее ярким воплощением метаюридических начал духа Конституции. В этом плане, пожалуй, именно аксиологическими свойствами во многом определяется уникальность Конституции — с точки зрения ее юридических, политико-идеологических, философско-мировоззренческих характеристик. При этом ценностная значимость присуща и Конституции в целом (с точки зрения, прежде всего, ее юридических характеристик), и конкретным ее нормам, которые являются в этом случае отражением фактически

сложившихся и юридически признаваемых представлений о социальных приоритетах и наиболее оптимальных моделях обустройства общественной и государственной жизни, о соотношении ценностей власти и свободы, равенства и справедливости, рыночной экономики и социальной государственности и т.д.

Ценностный подход объективно необходим при выявлении духа Конституции, что получает подтверждение в практике Конституционного Суда РФ, который активно задействует аксиологический потенциал Конституции как для самой по себе оценки проверяемых норм на конституционность, так и для формирования своих правовых позиций. При этом конституционные ценности как воплощение духа Конституции проявляют себя, как это ранее отмечалось, в практике Конституционного Суда РФ двуедино: с одной стороны, как инструментальное средство нормоконтрольной деятельности и, с другой, как результат такой деятельности. В этом — проявление особой роли Конституционного Суда и подтверждение его уникальных возможностей при выявлении духа Конституции.

Но нельзя не учитывать и того обстоятельства, что своего рода посредником — и весьма активным — между конституционными ценностями и текстом Конституции, а, в конечном счете, между буквой и духом Конституции, как свидетельствует не только отечественная история, неизбежно выступает *политика*, стремящаяся наполнить конституционно оформленные юридические нормативы политической целесообразностью. И это вполне естественно, если иметь в виду, что сама Конституция — не только юридический, но и политический документ своей эпохи. Однако главная ценность Конституции — не в политических, а в нормативно-правовых ее характеристиках. Поэтому весьма актуальным является вопрос о том, возможна ли между ценностными началами буквы Конституции, с одной стороны, и ее духа, с другой, гармония, основанная на бережном отношении к тексту конституционного зако-

на, на его одухотворении, а не политическом прочтении, искажении в конъюнктурных политических целях?

Это тем более важно учитывать, имея в виду, что, *во-первых, конституционные ценности* (в том числе те, которыми оперирует Конституционный Суд), имеют не только юридическое, нормативно-правовое значение, но они содержат также фундаментальные политические начала, *являются политико-правовыми ценностями*. Объективные предпосылки для наличия тесных связей конституционных ценностей с политикой коренятся в самой системе общественных отношений, составляющих сам предмет конституционно-правового регулирования, как и других форм конституционного воздействия, в которых проявляются соответствующие ценностные величины¹. Политическое содержание объективно присутствует во всей системе отношений, составляющих предметную сферу конституционного воздействия, что, однако, не означает ее сведение к политическим отношениям или к неким властеотношениям.

Во-вторых, высокий удельный вес политических начал характерен также для механизмов реализации конституционных ценностей, их вторжения в ткань государственной, социально-культурной, экономической и других сфер жизни, имея в виду в том числе конституционно-судебные механизмы. Политическое значение деятельности органов конституционного правосудия, влияние их решений на политическую сферу государственной и общественной жизни очевидны. Подтверждение тому — многие политически резонансные решения как Конституционного Суда Российской Федерации, так и органов конституционного

¹ В связи с этим попутно будет отмечено, что понятие конституционно-правового регулирования (и, соответственно, его предмета) не тождественно понятию предмета конституционно-правового воздействия, которое является более широким и включает, например, предметную сферу осуществления нормоконтрольной и иных форм юрисдикционной деятельности органов конституционного правосудия.

правосудия зарубежных стран. Являются такие решения показателем «политизации» деятельности соответствующих судебных органов, свидетельством неконституционных форм их взаимоотношений с высшими органами других ветвей государственной власти или за этой деятельностью и политически значимыми решениями органов конституционного правосудия скрываются другие, более глубокие причины, отражающие сущностные характеристики данной формы юрисдикционной деятельности?

При поиске непреложного ответа на эти вопросы нельзя, конечно, не учитывать конкретно-исторические условия, как и субъективные факторы, влияющие — и порой весьма существенно — на степень политизации конституционного правосудия. С учетом особенностей, зрелости демократических начал национальных конституционно-правовых систем, уровня конституционно-правовой культуры в обществе и государстве эти обстоятельства, включая субъективные факторы, могут проявляться по-разному, с неодинаковой степенью очевидности, но, в конечном счете, они всегда являются показателем реальной самостоятельности органа конституционного правосудия, его независимости в национальной системе разделения властей¹.

В этом плане конституционный анализ соотношения конституционного правосудия и политики не исчерпывается формально-юридическими аспектами; выход на социально-политические, социокультурные, конкретно-исторические, национально-специфические и иные аспек-

¹ Как хрестоматийный пример вторжения российского конституционного правосудия в политику (и меньше — проникновения политики в сферу конституционного правосудия) исследователи чаще всего называют сложившуюся к осени 1993 г. ситуацию, когда Конституционный Суд РФ оказался втянутым в противостояние между высшей законодательной и исполнительной властью в лице Верховного Совета и Президента РФ. Различные оценки этих событий (см., напр.: Зорькин В.Д. В хаосе нет морали // Российская газета. 2012. 11 декабря; Моммсен М., Нуссбергер А. Российский Конституционный Суд между правом и политикой // Журнал конституционного правосудия. 2008. №6. С. 11–14).

ты действия Конституции в ее соотношении с законами, функционирования органов конституционного правосудия неизбежен и абсолютно необходим. Однако, заявленная в самом названии статьи цель — избежать политизации при анализе в том числе... политических проблем конституционного правосудия ориентирует меня на необходимость сформулировать, своего рода, *конституционно-правовую максиму*: в основе соотношения конституционного правосудия и политики должны лежать *не подчинение конституционного правосудия политике и политизация конституционно-правовой сферы, а конституционализация политики* в том числе с помощью конституционного правосудия, ее подчинение Конституции.

Формально-юридические начала этой максимы, отражающие одновременно и нормативно-правовые аспекты соотношения конституционных ценностей и политики, очевидны и едины — по крайней мере, на уровне конституционных требований — для всех современных демократических правовых государств. Так, согласно формуле ст. 3 (ч. 3) Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд РФ решает исключительно вопросы права (далее — ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»)¹. В этом смысле предметные характеристики конституционного правосудия в соотношении с политикой и политико-правовыми ценностями могут быть представлены (если к ним подходить опять же с формально-юридических позиций) достаточно аксиоматично: *конституционное правосудие находится вне политики*, имея в виду, например, что Конституционный Суд РФ «воздерживается от установления и исследования фактических обстоятельств» (ч. 4 ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»), включая, естественно, и обстоятельства реальной политической жизни.

¹ Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 года №1-ФКЗ (в ред. от 5 апреля 2013 г.) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 1994. №13. Ст. 1447.

Вместе с тем при более глубоком погружении в проблематику нельзя не признать, что отношения между конституционным правосудием как специфической разновидностью государственно-властной деятельности и политикой как реальным отражением государственно-правовой и социальной действительности имеют многовекторный, разноуровневый характер. Они не укладываются даже в самые емкие нормативно-правовые формулы, их оценки требуют всестороннего, комплексного анализа в единстве, естественно, с юридическими оценками.

В этом плане Конституционный Суд РФ, реализуя возложенные на него полномочия: а) дает государственно-правовую оценку и обеспечивает юридическое закрепление происходящих политических изменений, имеющих по своей сути конституционно-правовое значение; б) обеспечивает баланс коллизионных ценностей и политических интересов; в) определяет конституционные основания и пределы усмотрения законодателя при принятии тех или иных решений, совершенствовании законодательства на основе актов Конституционного Суда; г) оказывает непосредственное влияние на проводимую государством политику в различных областях, формирование и реализацию конституционной политики государства, поскольку это касается защиты конституционных ценностей, принципов, норм Конституции в соответствии с высшими, в том числе политическими, интересами общества и государства, человека и гражданина. Что же касается запрета решать политические вопросы, то это в данном случае означает, что принимаемое Конституционным Судом РФ решение (по какому бы то ни было вопросу в порядке конкретного или абстрактного нормоконтроля!) должно основываться исключительно на требованиях Конституции РФ, юридической (а не абстрактно-социальной) справедливости и конституционной (но не политической) целесообразности. Если же политические интересы соответствуют требованиям Конституции, вытекают из ее

принципов и ценностных начал, Конституционный Суд РФ посредством своих решений объективно становится как бы проводником этого «политического», а фактически — конституционно-правового вектора развития.

Так, одна из важных задач конституционного правосудия состоит в обеспечении баланса политической и экономической властей в соотношении со свободой, правами человека и гражданина. Правовые позиции Конституционного Суда РФ, базируясь на конституционно значимых принципах соотношения политики и права, разделения политической и экономической властей, недопустимости их слияния, сращивания и в то же время добиваясь достижения гармоничного баланса между ними, ориентированы, прежде всего, на *недопущение подчинения политической властью власти экономической*¹. Одновременно в практике конституционного правосудия отражен и другой аспект соответствующих конституционных требований, *призванный исключить неправовое влияние экономической власти на принятие политических решений конституционными органами*. Наиболее ярким примером здесь может служить правовая позиция, согласно которой недопустимо распространение договорных отношений (*и, очевидно, в более широком плане — рыночных начал — Н. Б.*) и лежащих в их основе принципов на те области социальной жизнедеятельности, которые связаны с реализацией государственной власти; поскольку органы государственной власти и их должностные лица обеспечивают осуществление народом своей власти, их деятельность (как сама по себе, так и ее результаты) не могут быть предметом частноправового регулирования, так же как и реализация гражданских прав и обязанностей не может предопределять конкретные решения и

¹ На это обстоятельство Конституционный Суд РФ обратил внимание уже в одном из первых своих решений. См.: Постановление КС РФ от 28 апреля 1992 года №4-П // Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. №21. Ст. 1141.

действия органов государственной власти и должностных лиц¹.

Вместе с тем, поскольку Конституционный Суд РФ в силу своих компетенционных особенностей разрешает исключительно вопросы права, это предполагает установление уже на стадии принятия обращения к рассмотрению наличия юридических оснований для решения соответствующего вопроса, а именно: *имеет ли поставленная перед Судом проблема конституционно-правовой, а не политической уровень оценки*. В конечном же счете это означает, что Конституционный Суд РФ в рамках проверки допустимости обращения должен выяснить, имеет ли поставленный перед Судом вопрос конституционное решение, т.е. фактически выясняется, охватываются ли урегулированные оспариваемой нормой общественные отношения предметом регулирования Конституции. Отсюда ясно, что вытекающие из правовой природы судебных актов Конституционного Суда РФ нормативные параметры воздействия конституционного правосудия на проводимую государством политику, в том числе на социально-экономическое развитие общества, имеют в своей основе объективные ограничители судебного-конституционного влияния на соответствующую сферу отношений; в основе этих ограничителей лежат, прежде всего, показатели охвата данных отношений (социальных, экономических, государственно-политических и прочих) предметом конституционного регулирования и, соответственно, включенность этих отношений в предмет конституционного права и, соответственно, в сферу конституционно-судебного воздействия.

Так, роль Конституционного Суда РФ в социальной политике состоит главным образом в том, чтобы гарантировать правовое согласование и разграничение социально-политических интересов, формировать раз-

¹ Постановление КС РФ от 23 января 2007 года №1-П // СЗ РФ. 2007. №6. Ст. 828.

умный правовой баланс между ценностями социальной защищенности и личной свободы, поддержкой нуждающихся и экономической эффективностью, обеспечением социального мира и созданием условий для динамичного развития. При этом Конституционный Суд РФ ограничен в своих возможностях по решению соответствующих задач: он интерпретирует Конституцию РФ, наполняет конституционным смыслом проверяемые нормативные акты, но он не может подменять органы других ветвей власти по решению соответствующих вопросов. Иное предполагало бы, в том числе, оценку со стороны Конституционного Суда политической целесообразности и экономической обоснованности решений законодателя.

Более того, и в государственно-политической сфере Конституционный Суд РФ, обеспечивая гарантирование и защиту политической свободы, ценностей демократии, федерализма, местного самоуправления, разделения властей и т.п., *не вправе вмешиваться в текущий политический процесс*, вторгаться в политические прерогативы иных высших органов государственной власти, а также предопределять их позицию в отношении тех вопросов, которые с точки зрения Конституции РФ могут иметь различные возможные варианты решения. Так, в свое время Конституционный Суд РФ справедливо пришел к выводу о неподведомственности ему вопроса о проверке так называемых хасавюртовских соглашений 1996 г., поскольку они имели сугубо политический характер¹. В ряде других своих решений Конституционный Суд РФ неоднократно указывал на то, что именно от законодательного органа зависит решение конкретных вопросов, например, будет ли избирательная система мажоритарной, пропорциональной или смешанной, в том числе на том или ином уровне публичной власти, будет ли введен определенный процент

¹ Определение КС РФ от 26 декабря 1996 года №103-О // Архив КС РФ. 1996.

голосов избирателей, который необходимо собрать в поддержку списка избирательного объединения, с тем чтобы оно имело право участвовать в распределении депутатских мандатов; каковы возможные формы волеизъявления на выборах и относится ли к ним голосование против всех кандидатов; допустимы ли муниципальные или иные специальные «фильтры» в рамках избирательного процесса по выборам глав субъектов РФ, каковы основания и конкретный порядок (механизм) досрочного прекращения полномочий депутата Государственной Думы и т.п.¹ Соответственно, Конституционный Суд РФ исходит из того, что решение такого рода проблем является вопросом политической целесообразности.

Существуют, таким образом, объективные предпосылки и условия, позволяющие говорить о закономерных, глубинных началах тесных связей между правом и политикой как в природе самих по себе конституционных ценностей, так и в механизмах их практической реализации с помощью институтов конституционного правосудия.

1.4. ОБЕСПЕЧЕНИЕ БАЛАНСА КОНСТИТУЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ — ВАЖНАЯ КАЧЕСТВЕННАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СУДЕБНОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Современный этап развития конституционализма, связанный с активным воздействием на него со стороны институтов конституционного правосудия, характеризуется не только изменениями частного, содержательно-го характера, но и качественным преобразованием его существенных, в том числе аксиологических, начал, станов-

¹ См. определения КС РФ: от 20 ноября 1995 года №77-О // СЗ РФ. 1995. №49. Ст. 4867; от 15 ноября 2007 года №845-О-О // Архив КС РФ. 2007; от 18 декабря 2007 года №921-О-О // Архив КС РФ. 2007; Постановление КС РФ от 7 июля 2011 года №15-П // СЗ РФ. 2011. №29. Ст. 4557; Постановление КС РФ от 24 декабря 2012 года №32-П // СЗ РФ. 2012. №53 (Ч. 2). Ст. 8062.

лением такого нового явления, как судебный конституционализм. *Судебный конституционализм* может быть представлен как политико-правовой режим судебного обеспечения верховенства права и прямого действия Конституции, безусловного судебного-правового гарантирования конституционных ценностей на основе баланса власти и свободы, частных и публичных интересов, единства социокультурных и нормативных правовых факторов конституционализации экономического, социального, политического развития России как демократического правового государства.

Идея баланса конституционных ценностей относится к основным характеристикам судебного конституционализма. Во многом именно посредством конституционно-судебной аксиологии как механизма соотношения, взвешивания и согласования конституционных ценностей конституционализм приобретает системно-всеобъемлющий, корректирующий и праввосстановительный характер, становится возможным на его основе сформировать правопорядок, основополагающими принципами и высшими ценностями которого являлись бы конституционные ценностные ориентиры в их нормативно-правовом и реальном (конституционно-практическом) воплощении. При этом предполагается, что субъектом и инициатором процесса конституционализации правовых норм, правоприменительной практики и правопорядка в целом на основе институтов конституционно-судебного контроля являются не только публично-властные субъекты, но и каждый гражданин, человек как носитель принадлежащих ему от рождения естественных прав и свобод человека и гражданина, а также податель *конституционной жалобы* как «вторичного основного права»¹.

¹ Такая характеристика конституционной жалобы дается, в частности в статье: Пфферманн О. Селективное правовое государство и конституционная жалоба // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2003. №3 (44). С. 175.

В механизме российской государственности властей Конституционный Суд РФ является уникальным публично-властным субъектом, призванным находить оптимальный баланс между высшими социальными ценностями — властью и свободой, публичными и частными интересами, защищать личность, общество и государство от необоснованных посягательств, поддерживать состояние защищенности и безопасности ценностных основ конституционного строя. Такой подход непосредственно вытекает из конституционных полномочий и функций Конституционного Суда как единственного органа, могущего толковать Конституцию и оценивать на ее основе действующее правовое регулирование и правоприменительную практику, а, следовательно, и обладающего возможностью взвешивать воплощенные в тех или иных анализируемых конституционных и законодательных нормах и институтах конституционные ценности. Это подтверждается и положениями ч. 1 ст. 1 и ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», из которых вытекает необходимость обеспечения Конституционным Судом равновесия между основными правами и свободами человека и гражданина и иными ценностями основ конституционного строя, что и является важнейшим условием поддержания верховенства и прямого действия Конституции.

В этом плане все полномочия Конституционного Суда РФ по осуществлению нормоконтроля и разрешению компетенционных споров, официальному толкованию Конституции РФ, как и все виды обращений в Конституционный Суд, включая запросы Президента РФ или Правительства РФ, парламента в лице его отдельных палат или одной пятой депутатов Государственной Думы (членов Совета Федерации), высших органов судебной власти, органов законодательной и исполнительной власти субъектов Российской Федерации непосредственно или в конечном счете, направлены в том числе и на обеспечение оптимального и гармоничного сочетания (равновесия)

различных конституционных ценностей в политической, социальной, экономической, экологической, духовно-культурной, информационной сферах.

Разрешая конкретные дела о конституционности оспариваемых законодательных положений и, тем более, осуществляя непосредственное толкование Основного закона, Конституционный Суд РФ раскрывает содержание конституционных норм, оценивает проверяемые положения отраслевого законодательства в их системной взаимосвязи, одновременно утверждая на основе конституционных императивов верховенства и прямого действия Конституции РФ (ст. 15) непосредственность действия и самих по себе конституционных ценностей, включая прежде всего ценность прав и свобод человека и гражданина (ст. 18) в коллизионном единстве с ценностью суверенной демократической государственности (преамбула, ст. 1) — как для законодателя, так и для всех правоприменителей¹. В этом плане Конституционный Суд не только призван обеспечивать достижение баланса конституционных ценностей, создавать условия для конституционно-правовой оптимизации публичной власти, с одной стороны, и для эффективной защиты прав и свобод человека и гражда-

¹ Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — императивная обязанность государства. Вместе с тем признание человека высшей ценностью не должно абсолютизироваться, восприниматься таким образом, что ради блага одного индивида можно пожертвовать общим благом. Неограниченная свобода опасна настолько же, насколько опасна и чрезмерная власть. Поэтому Конституция РФ, основываясь на принципе единства свободы и ответственности, исходит из необходимости установления пределов осуществления прав и свобод, фундаментальными среди которых являются следующие: 1) принцип недопустимости злоупотребления правом, вытекающий из ч. 3 ст. 17 Конституции РФ; 2) принцип допустимости соразмерного ограничения прав и свобод в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства, т.е. в том числе и в целях поддержания нормального режима функционирования публичной власти, стабильности политической системы, в рамках которых создаются условия для удовлетворения и (или) удовлетворяются основные потребности всех или большинства членов общества (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

нина — с другой, но Суд играет активную роль в формировании новых доктринальных подходов к институтам конституционного строя и механизмам их обеспечения, а в конечном счете, и в утверждении приоритетов конституционных ценностей, в разработке, уточнении, развитии критериев оптимального баланса между ними.

Важнейший критерий баланса конституционных ценностей связан с соблюдением требований равенства и справедливости. Требования справедливости и равенства, представляя собой квинтэссенцию идеи права как меры свободы, задают фундаментальные юридические параметры социальной жизни и одновременно конкретизируются в Конституции, законах и других нормативных правовых актах, а также в судебных актах и правоприменительных решениях. Последовательная реализация этих требований в социальных отношениях и поведении людей является необходимым условием верховенства права как важнейшей конституционной характеристики реального юридического состояния общества и государства¹.

Одновременно равенство и справедливость лежат в основе сбалансированности таких начал конституционной организации общества и государства, как власть, свобода, собственность, в том числе в их соотношении с законом, политикой, социальными целями обеспечения достойной жизни. В свою очередь, это позволяет рассматривать категории равенства, справедливости, свободы в качестве ценностной основы политико-правового режима, складывающегося в обществе и государстве на основе верховенства права и прямого действия Конституции и приобретающего характеристики судебного конституционализма. Можно даже утверждать, что справедливость, равенство и свобода являются в этом смысле некой правовой («метаюридической») квинтэссенцией современного конституцио-

¹ См.: Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. М., 2010. С. 92–93.

нализма, так как именно эти категории воплощают в себе основополагающие ценностные начала доктринально-нормативных решений Конституционного Суда РФ.

Роль Конституционного Суда РФ как главного инструмента обеспечения баланса конституционных ценностей раскрывается в его конкретных решениях, касающихся различных аспектов реализации Конституции РФ в изменяющейся общественной практике. Примерами концептуально-нормативно-доктринального вторжения Конституционного Суда в разрешение ценностных коллизий между нормами Конституции, поиска баланса между несовпадающими конституционными ценностями, могут быть следующие:

1) между нормами ч. 3 ст. 3 и ч. 1 ст. 29. В связи с этим в соответствующем Постановлении прямо указывается на то, что, «осуществляя нормативное регулирование, направленное на разрешение **возможных коллизий между правом на свободные выборы, с одной стороны, и свободой слова и выражения мнений** (выделено мной — Н.Б.) — с другой, федеральный законодатель связан необходимостью обеспечения конституционных прав граждан как избирателей». Далее дается конкретный анализ соответствующих конституционных норм в их коллизионном единстве¹;

2) между нормами ч. 3 ст. 3 и ч. 2 ст. 32, когда со ссылкой на эти конституционные нормы делается вывод о том, что **«конституционные ценности, связанные с реализацией избирательных прав, могут вступать между собой в известное противоречие** (выделено мной — Н.Б.), поскольку интересы отдельных избирателей, которыми предопределяется их волеизъявление в процессе выборов, в том числе путем голосования «против всех кандидатов», не всегда совпадают с публичным интересом формирования органов публичной власти. На уровне конституционно-правового статуса личности это, с одной стороны, право

¹ См.: Постановление КС РФ от 14 ноября 2005 года №10-П // СЗ РФ. 2005. №47. Ст. 4968.

каждого гражданина принимать участие в избрании представителей народа в выборных органах публичной власти и быть избранным в качестве такого представителя, а с другой — право каждого гражданина по своему усмотрению отказываться в доверии некоторым или всем участвующим в выборах кандидатам; на уровне же института выборов в целом это формирование органов публичной власти, их представительный и легитимный характер»¹;

3) конституционно значимыми являются с точки зрения соотношения конституционных ценностей и защиты прав граждан коллизии — и они также были проанализированы в решениях Конституционного Суда РФ — между нормами ч. 4 ст. 5 и ст. 78 Конституции²; между положениями ч. 3 и 4 ст. 5, с одной стороны, и ч. 1 и 2 ст. 19 и ч. 2 ст. 32 — с другой³; между положениями ч. 1 ст. 34 и ч. 1 ст. 48 в их соотношении с ч. 1 ст. 120 и ч. 3 ст. 123⁴; между п. «н» ч. 1 ст. 72 и ч. 1 ст. 131⁵ и т.д.

На основе выявленного Конституционным Судом РФ баланса конституционно защищаемых ценностей должны устанавливаться пределы вмешательства государства в отношения собственности⁶, условия владения, пользования и распоряжения таким специфическим видом имущества, как оружие⁷, конкретные требования несовместимости парламентского мандата с занятием другой оплачиваемой

¹ См.: Постановление КС РФ от 29 ноября 2004 года №17-П // СЗ РФ. 2004. №49. Ст. 4948.

² См.: Определение КС РФ от 13 января 2000 года №10-О // Архив КС РФ. 2000.

³ См.: Постановление КС РФ от 17 ноября 1998 года №26-П // СЗ РФ. 1998. №48. Ст. 5969.

⁴ См.: Постановление КС РФ от 23 января 2007 года №1-П // СЗ РФ. 2007. №6. Ст. 828.

⁵ См.: Определение КС РФ от 5 марта 2009 года №375-О-О // ВКС РФ. 2009. №5.

⁶ См.: Постановление КС РФ от 16 июля 2008 года №9-П // СЗ РФ. 2008. №30 (Ч. 2). Ст. 3695.

⁷ См.: Постановление КС РФ от 29 июня 2012 года №16-П // СЗ РФ. 2012. №29. Ст. 4168.

деятельностью¹, условия обращения потерпевших с заявлением о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок², правила допуска к педагогической деятельности³, ограничения конституционного права быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления, ведущие к исключению определенных категорий граждан из числа лиц, имеющих право претендовать на занятие выборной публичной должности⁴ и пр.

На основе практики конституционного правосудия получили свое конституционное научно-теоретическое обоснование подходы, связанные с конституционной ценностью муниципальных институтов демократии в их соотношении с государственными институтами народовластия⁵, проблемы коллизии и баланса конституционных ценностей самостоятельности местного самоуправления и социального выравнивания⁶ и т.п.

Представляют безусловный интерес также выработанные в практике конституционного правосудия критерии *баланса конституционных ценностей централизации и децентрализации*, что требует установления для каждой сферы подлежащих государственному регулированию общественных отношений разумной меры публично-властного воздействия и саморегулирования. Принцип баланса цен-

¹ См.: Постановление КС РФ от 27 декабря 2012 года №34-П // СЗ РФ. 2013. №1. Ст. 78.

² См.: Постановление КС РФ от 25 июня 2013 года №14-П // СЗ РФ. 2013. №26. Ст. 3428.

³ См.: Постановление КС РФ от 18 июля 2013 года №19-П // СЗ РФ. 2013. №30 (ч. 2). Ст. 4189.

⁴ См.: Постановление КС РФ от 10 октября 2013 года №20-П // Российская газета. 2013. 23 октября.

⁵ Джагарян А.А., Джагарян Н.В. Конституционная ценность муниципальной демократии в России. — Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2012.

⁶ Джагарян А.А. Российское местное самоуправление и его роль в системе социальной государственности: конституционно-правовые аспекты. Ростов-н/Д.: Изд-во Южного федерального университета, 2012. С. 64–81.

трализации и децентрализации, непосредственно не закрепленный в Конституции РФ, имеет объективные конституционные предпосылки, а на формально-юридическом уровне его источником являются более общие юридические постулаты, связанные с признанием в качестве основополагающих принципов разделения властей, федерализма, местного самоуправления, с одной стороны, а также свободы и автономии индивида, частной инициативы, неприкосновенности собственности и т.д. — с другой.

В связи с этим Конституционный Суд РФ, анализируя содержание конституционного принципа разделения властей, неоднократно указывал на то, что вытекающие из него требования распределения публично-властных полномочий по законотворчеству, исполнению законов и осуществлению правосудия, их организационного и персонального обособления, и недопустимость концентрации власти у одного из соответствующих органов должны быть соотнесены с требованиями взаимного уравнивания ветвей единой государственной власти, невозможности ни для одной из них подчинить себе другие¹.

Раскрывая смысл конституционного регулирования принципа федерализма, Конституционный Суд РФ пришел, в частности, к следующим выводам, значимым с точки зрения уяснения параметров баланса централизации и децентрализации. Несмотря на то что принцип федерализма предполагает принципиальную децентрализацию государственной власти по вертикали, исходя из которой за субъектами РФ признается вся полнота государственной власти вне пределов ведения Российской Федерации и совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, он одновременно обязывает к недопущению умаления государственного единства и государственной целостности и потому не допускает признания за респу-

¹ См., напр.: Постановление КС РФ от 18 января 1996 г. №2-П // СЗ РФ. 1996. №4. Ст. 409; от 29 мая 1998 г. №16-П // СЗ РФ. 1998. №23. Ст. 2626; от 11 декабря 1998 г. №28-П // СЗ РФ. 1998. №52. Ст. 6447.

бликами (равно как и за иными субъектами РФ) качеств суверенных государств: соответствующие полномочия и предметы ведения субъектов РФ, в сфере которых они реализуются, проистекают не из волеизъявления республик, а из Конституции РФ как высшего акта суверенной власти всего многонационального народа России¹.

Принцип разумного сочетания централизации и децентрализации в федеративных отношениях не является некой научно-теоретической абстракцией, а проявляется в конкретных институтах федерализма, включая распределение нормотворческих полномочий между уровнями государственной власти. Так, например, в постановлении от 30 ноября 1995 г. №16-П Конституционный Суд РФ указал, что отсутствие соответствующего федерального закона по вопросам совместного ведения само по себе не препятствует субъекту Российской Федерации принять собственный нормативный акт, что следует из смысла ст. 72, ч. 2 ст. 76 и ч. 1 ст. 77 Конституции РФ и вытекает из самой природы совместной компетенции². Вместе с тем, если субъект РФ не принял закона по вопросу, отнесенному к его компетенции федеральным законодателем в порядке осуществления полномочий, закрепленных п. «н» ч. 1 ст. 72 и ч. 2 ст. 76 Конституции РФ, то федеральный законодатель в случае необходимости сам может осуществить правовое регулирование в этой сфере³.

Особым образом принцип баланса централизации и децентрализации проявляется в институтах местного самоуправления: с одной стороны, конституционный принцип самостоятельности местного самоуправления есть безусловное требование децентрализации публич-

¹ См., напр.: Постановление КС РФ от 7 июня 2000 г. №10-П // СЗ РФ. 2000. №25. Ст. 2728; определение КС РФ от 18 января 2001 г. №2-О // СЗ РФ. 2001. №6. Ст. 606.

² См.: Постановления КС РФ: от 30 ноября 1995 г. №16-П // СЗ РФ. 1995. №50. Ст. 4969; от 1 февраля 1996 г. №3-П // СЗ РФ. 1996. №7. Ст. 700.

³ См.: Постановление КС РФ от 3 ноября 1997 г. №15-П // СЗ РФ. 1997. №45. Ст. 5241.

ной власти, связанное с приближением публичной власти к населению, созданием условий для наиболее полного и оперативного выявления и удовлетворения потребностей населения¹; с другой — местное самоуправление, будучи уровнем публичной власти, является формой территориальной самоорганизации населения, институтом гражданского общества, что находит подтверждение и в решениях Конституционного Суда².

Поиск баланса конституционных ценностей — сложный, трудоемкий, требующий большой деликатности процесс. Подтверждением этого может служить, в частности, рассмотренное Конституционным Судом РФ дело, касающееся обращения взыскания по исполнительным документам на жилые помещения должников³. В основе этого дела лежала проблема *гармонизации ценностей, касающихся имущественных притязаний кредитора-взыскателя, с одной стороны, и прав гражданина-должника на обеспечение минимально необходимого для него уровня жизни, включая право на жилище, с другой.*

Конституционные аспекты этой темы усиливаются также требованиями обеспечения *справедливости и юридического равенства*: установление в отношениях, складывающихся в сфере исполнительного производства, имущественного (исполнительского) иммунитета неизбежно порождает исключения из принципа полной имущественной ответственности и, соответственно, требований равенства, а отсутствие подобных ограничений, напротив, могло бы породить социальную несправедливость, связанную с существенными нарушениями прав отдельных категорий должников, находящихся в уязвимом имущественном положении.

¹ См.: Постановления КС РФ от 24 января 1997 г. №1-П // СЗ РФ. 1997. №5. Ст. 708; от 15 января 1998 г. №3-П // СЗ РФ. 1998. №4. Ст. 532; от 30 ноября 2000 г. №15-П // СЗ РФ. 2000. №50. Ст. 4943.

² См.: Постановление КС РФ от 2 апреля 2002 г. №7-П // СЗ РФ. 2002. №14. Ст. 1374.

³ См.: Постановление КС РФ от 14 мая 2012 года №11-П // СЗ РФ. №21. Ст. 2697.

Вопрос об установлении имущественного (исполнительского) иммунитета при обращении взыскания по исполнительным документам на принадлежащие гражданину-должнику на праве собственности объекты недвижимости, включая жилые помещения, урегулирован ст. 446 (ч. 1) ГПК РФ. Взыскание по исполнительным документам, согласно этой норме, не может быть обращено на принадлежащее гражданину-должнику на праве собственности жилое помещение (его части), если для гражданина-должника и членов его семьи, совместно проживающих в принадлежащем помещении, оно является единственным пригодным для постоянного проживания помещением, за исключением случаев, когда подобное имущество является предметом ипотеки и на него в соответствии с законодательством об ипотеке может быть обращено взыскание. Таким образом, действующее законодательство исходит не из идеи поиска баланса интересов, а из *приоритета и преимущественной защиты жилищных интересов должника* в соотношении с имущественными интересами кредитора-взыскателя, ограничиваясь при этом лишь общей (абстрактной) нормой, не детализируя конкретные параметры объектов недвижимости (жилых помещений), изъятых из сферы притязаний кредитора.

В научной литературе подобное законодательное решение оценивается по-разному: от позитивно-объективистских, до резко критических подходов. При этом справедливо отмечалось, что положение абз. 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ на практике может приводить к тому, что если в собственности должника есть «большое и великолепное здание, отличающееся своей архитектурой» (по словарю С.И. Ожегова, это дворец), то и на него не может быть наложено взыскание, если дворец — единственно пригодное для проживания помещение¹. Соответственно, предлагалось

¹ Ганеев В.Н. Заметки о некоторых положениях ГК РФ в свете процессуальных установлений // Вестник Саратовской государственной академии права. 2004. №4. Ч. 2. С. 102–103.

скорректировать этот подход, вплоть до крайнего варианта решения — отменить названное законоположение (при наличии возможности продажи доли должника в жилом помещении на торгах с обременением)¹.

По итогам рассмотрения Конституционным Судом дела был избран, в конечном счете, подход, основанный на подтверждении ранее высказанных правовых позиций и признании положения абз. 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ не противоречащим Конституции РФ. В острых дискуссиях — подтверждением чего явились особые мнения по принятому решению² — был сделан вывод, что оспариваемое положение «направлено на защиту конституционного права на жилище не только самого гражданина-должника, но и членов его семьи, в том числе находящихся на его иждивении несовершеннолетних, престарелых, инвалидов, а также на обеспечение указанным лицам нормальных условий существования и гарантий их социально-экономических прав и в конечном счете на реализацию обязанности государства охранять достоинство личности» (абз. 4 п. 3.3 мотивировочной части, п. 1 резолютивной части).

Одновременно Суд определенно указал на имеющиеся в правовом регулировании соответствующих отношений дефекты конституционно-правового характера, но, руководствуясь *принципом разумной сдержанности*, воздержался от признания оспариваемого законоположения противоречащим Конституции РФ и одновременно обратился к федеральному законодателю с требованием внести в него необходимые изменения и дополнения в целях устранения выявленных недостатков. Но если согласиться с тем, что действующее правовое регулирование имеет столь существенные дефекты, что это «может приводить к несоразмерному и не подкрепленному

¹ Щепалов С. Курьезы статьи 446 ГПК РФ в пользу мошенников и аферистов // Российская юстиция. 2003. №10. С. 109–114.

² См.: Особое мнение судьи КС РФ Н.С. Бондаря; Особое мнение судьи КС РФ Г.А. Жилина // ВКС РФ. 2012. №4.

никакой конституционно значимой целью ограничению прав кредиторов в их имущественных отношениях с гражданами-должниками» (абз. 3 п. 4 мотивировочной части), то представляется вполне правомерным вопрос: можно ли считать оспариваемое законоположение отвечающим требованиям баланса конституционных ценностей? Отсутствие же в итоговой части Постановления пункта о пересмотре дела Ф.Х. Гумеровой (если бы для этого не было иных препятствий) свидетельствует о том, что возможное нарушение баланса интересов должника и кредитора и после принятого Конституционным Судом решения не может быть преодолено правоприменительными органами.

Это дает основание для вывода о том, что положение абз. 2 ч. 1 ст. 446 ГПК РФ в системе действующего правового регулирования не позволяет достичь оптимального баланса интересов кредиторов (взыскателей) и должников, а отсутствие дифференцированных критериев применения имущественного (исполнительского) иммунитета в отношении принадлежащего гражданину-должнику на праве собственности жилого помещения (его части), как и правового механизма реализации обращения взыскания свидетельствует о наличии такого пробела в законодательстве, который влечет нарушение конституционных прав граждан.

А между тем поиск путей и способов восстановления нарушенного баланса таких интересов — конституционно-правовая квинтэссенция большинства решений Конституционного Суда РФ, в особенности по жалобам граждан в связи с нарушениями их конституционных прав и свобод. Очевидно, что главным инструментом взвешивания конкурирующих ценностей и несопадающих интересов является Конституция. Одновременно и сама по себе конституция как уникальное явление правовой жизни современных демократий является важнейшей социально-политической, правовой, социокультурной ценностью.

2. ЦЕННОСТЬ КОНСТИТУЦИИ КАК НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО ЯДРА СУДЕБНОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Ценностные характеристики всякой конституции, в том числе Конституции России, могут быть представлены в самых различных аспектах — как правовых, так и политических, социокультурных, национально-исторических и т.п. Своего рода, квинтэссенцией таких ценностных подходов могут служить слова Председателя Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькина: «Конституция — самое большое достижение всего постсоветского развития, основа стабильности и динамизма России»¹.

Вместе с тем понимание внутренней природы Конституции РФ как демократической, правовой, социокультурной ценности вполне согласуется с критическими оценками данного документа, в особенности, если иметь в виду практику реализации Основного закона; на нее влияют как внутренние условия конституционного развития государства, традиционно низкий уровень демократической правовой культуры в нашем обществе, так и очевидные проявления глобального кризиса современного конституционализма, включая и институционные, и функциональные, и аксиологические его проявления. Но при этом нельзя не видеть главного: несмотря на крайне сложные исторические условия разработки и принятия, Конституция РФ 1993 г. отражает в сущностных своих характеристиках фундаментальные интересы, конституционные идеалы многонационального народа России и не находится в плену космополитических иллюзий, которые столь активно навязывались нам после распада Союза

¹ См.: Зорькин В.Д. Россия и Конституция в XXI веке. 2-е изд., доп. М.: Норма, 2008. С. 30.

ССР. При всей важности и вытекающей из самой Конституции РФ приоритетности международно-правовых стандартов в области демократии, прав и свобод человека и гражданина (ч. 4 ст. 15, ч. 1 ст. 17) важно учитывать, что каждая национальная правовая система имеет свою собственную систему конституционных координат. Импорт конституционных ценностей, как и самого текста основного закона, невозможен в суверенную государственно-правовую систему. В этом плане весьма примечателен тот подмеченный исследователями факт, что наметившееся в последние десятилетия признание собственно самого права как высшей конституционной ценности не происходит одинаково, а воплощается, по крайней мере, в трех разных формах, обусловленных соответствующими национальными традициями права. Так, конституции стран общего права выдвигают доктрину верховенства права, сложившуюся в результате многовекового развития судебной практики; в основных законах континентальной традиции права воспринята кантианская идея правового государства; в конституциях же государств религиозных (прежде всего исламской) традиций права высшей ценностью провозглашают священные писания¹.

Поэтому сам по себе вопрос о ценностном значении Конституции РФ должен рассматриваться не только как одна из фундаментальных проблем современного российского конституционализма, но с учетом реальной практики конституционно-правового развития России, подтвердившей либо ставящей под сомнение содержательные, нормативно-правовые, а возможно, и ценностные характеристики Конституции 1993 г.

Аксиологический анализ Конституции предполагает охват весьма широкой по объему проблематики. В данном же случае представляется важным обратить внимание

¹ См.: Лафитский В.И. Право как высшая конституционная ценность (очерк исторического и сравнительно-правового исследования) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. №1. С. 4.

лишь на некоторые вопросы, в частности, выявить ценность Конституции РФ как особого правового акта, имея в виду его уникальную юридическую природу и те аксиологические характеристики, которые определяются не самим по себе текстом, буквой Конституции, а сущностными, социокультурными началами Основного закона современного российского общества и государства.

2.1. МЕТОДОЛОГИЯ АКСИОЛОГИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ СУЩНОСТИ КОНСТИТУЦИИ КАК ВЫРАЖЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Конституция — при всей космополитичности данного понятия и самого по себе термина *constitutio* — представляет собой явление конкретно-историческое, социокультурное и уже в этом смысле всегда имеющее национальную ценность. Это тем более важно учитывать, имея в виду, что содержание и, тем более, иерархия ценностей демократии, свободы, равенства, справедливости, священной и неприкосновенной частной собственности, естественных прав человека, в концентрированном виде сформулированные еще на заре современного конституционализма, не остаются неизменными. Вместо прежних, линейных в своей основе юридических формулировок, например о безусловном примате прав личности в соотношении с правами социальных общностей и т.п., современные демократические конституции исходят из необходимости активного участия государства в поиске баланса между конкурирующими ценностями на основе конституционных принципов демократического правового государства, верховенства права, рыночной социально ориентированной экономики и — обязательно! — с учетом конкретно-исторических, в том числе национальных, особенностей развития общества и государства.

При поверхностном же прочтении Основного закона слишком большим может оказаться соблазн впасть в

формально-юридические, чисто текстовые оценки отдельных ее статей (которые, будем откровенны, порой напоминают формулировки конституционных актов полутора-двухвековой давности) без учета сегодняшнего социокультурного духа Конституции России как целостного нормативно-правового акта, положения которого находятся в глубоких системных взаимосвязях.

Вполне уместно вспомнить в связи с этим библейское понимание соотношения внешней (юридической) формы и внутреннего (духовного) начала: «Закон дан чрез Моисея, благодать же и истина произошли чрез Иисуса Христа» (Евангелие от Иоанна. Глава I. Стих 17). В Конституции также присутствуют эти два начала: а) юридический закон как воплощение политической воли законодателя (Моисей, в соответствии с «Ветхим заветом», есть законодатель-пророк); б) правовой свод духовных ценностей общества, основанный на «благодати», «истине». В этом находит свое отражение коллизийное, порой весьма противоречивое сочетание формально-юридических и нравственно-этических, культурологических начал Конституции, в основе чего лежит единство нормативного текста и его духовного наполнения.

В этих условиях и объекты конституционного воздействия представляют собой такую систему общественных отношений и ценностных ориентиров, в рамках которых как человеческие поступки, так и действия публичной власти (на любом уровне ее реализации), нормируются, упорядочиваются, прежде всего, с точки зрения ценностей добра и зла, справедливости и несправедливости, чести и долга, человеческого достоинства, совести и греховности, других категорий нравственности, не обязательно получающих формально-юридическое, текстовое закрепление, но не утрачивающих от этого своей общеобязательности, нравственно-этической нормативности в сочетании с правовой императивностью.

При этом глубинные основы духа Конституции России (как своего рода юридического зеркала, отражающего

внутреннее состояние духовных сил многонационального народа) коренятся в ее сущностных характеристиках. Не подвергая сомнению различные, ранее высказывавшиеся соображения о сущности данного документа, представляется важным учитывать, что глубинная природа Конституции как политико-правового явления, призванного отражать важнейшие характеристики общества, государства и личности в их соотношении и взаимосвязях, предопределяет необходимость восприятия этого явления во всей его многоплановости и противоречивости, когда сущность Конституции раскрывается посредством реальных общественных отношений, коренится в сложившемся соотношении социальных сил как носителей конституционно значимых для общества политических интересов, социальных ценностей, идеалов и целей. Поскольку эти отношения определяются политической конкуренцией, борьбой (и не только в рамках избирательных, парламентских процедур), основное предназначение Конституции состоит в обеспечении согласованного взаимодействия, достижении баланса интересов посредством установления адекватного общественной практике и эффективного механизма разрешения возникающих в обществе социальных, политических, экономических противоречий.

В этом плане именно социальные противоречия лежат в основе сущностных характеристик Конституции, отражающих, в конечном счете, и ее социокультурные ценностные начала. Более того, и сам процесс конституционного регулирования общественных отношений опосредован, главным образом, механизмами ценностно-нормативной фиксации, поскольку по самой своей сути социальные противоречия могут быть разрешены на основе и в соответствии с ценностными предпочтениями и ориентирами как концентрированным отражением политических интересов и социокультурных условий развития общества, признанием важности тех или иных

общественно-политических идеалов и социальных благ для соответствующих субъектов конституционных отношений.

В соответствии с этим важно учитывать, что глубинная природа Конституции как политико-правового явления, призванного отражать важнейшие характеристики общества, государства и личности в их соотношении и взаимосвязях, предопределяет необходимость оценки конституционных явлений во всей их многогранности и противоречивости, когда сама сущность Конституции может рассматриваться как: *во-первых, порождение* глубинных социальных, экономических, политических противоречий, сложившихся на момент ее разработки и принятия; *во-вторых, отражение* и, в какой-то мере, позитивное закрепление, признание этих противоречий как неизбежных, требующих своего разрешения; *в-третьих, закрепление* на высшем уровне юридических механизмов преодоления соответствующих противоречий, конфликтов и коллизий, нормативно-правовое моделирование развития общества и государства в соответствии с провозглашенными конституционными целями, признаваемыми ценностями и идеалами¹.

Данный подход позволяет выявить конституционные истоки, коренящиеся в реальных общественных отношениях, выявить сферу (пределы) и закрепить на высшем правовом уровне систему важнейших общественных отношений в их ценностном измерении. Социально-правовые ценности, отражающие сущностные характеристики Конституции, представляют собой сформированные на основе исторического развития общественные представления о наиболее рациональных формах и ин-

¹ При этом Конституция РФ закрепляет — хотя бы попутно отметим — как универсальные механизмы разрешения социальных противоречий (например, принцип разделения властей, причем как по горизонтали, так и по вертикали; сочетание конституционных начал правового государства с принципами социальной государственности; и т.д.), так и специальные институты, особое место среди которых занимает Конституционный Суд РФ.

ститутах демократической организации социальной жизни, об общественном благе, нуждающемся во всеобщем признании и защите. Новая система социально-правовых ценностей, характерная для Конституции РФ 1993 г., как и сущностные характеристики последней, являются итогом сложных, противоречивых процессов не столько согласования несовпадающих интересов (что в классическом варианте определяет сущностные начала конституционных актов), сколько борьбы, дошедшей до военного противостояния различных политических сил на изломе эпох — при переходе к новой политической и экономической организации постсоциалистического общества.

С учетом отмеченного методология аксиологического познания не только сущности Конституции, но и отдельных ее положений, норм и институтов, «работающих» в новых, современных условиях, существенно отличных от обстановки начала 1990-х гг. прошлого века, с неизбежностью предполагает необходимость сочетания догматического изучения нормативно-правовой, публично-властной составляющей конституционализма с социологическим, историческим, нравственно-этическим, философско-мировоззренческим аспектами исследования сложных, комплексных по своей природе явлений конституционно-правовой действительности. Только на базе и с использованием соответствующих подходов становится возможным выявление и оценка внутренних связей, общих закономерностей и социокультурных характеристик Конституции, принятой в одних исторических условиях и работающей, получающей реализацию как юридический акт, — в других. Поэтому главный методологический вопрос, возникающий при анализе любой конституционной системы в контексте глобальных и весьма динамичных процессов, обновления современного мира, — это культурно-исторический, национально-специфический аспект при оценке и применении универсальных юридических механизмов реализации общепризнанных конституционных ценностей.

Культурологический метод исследования, благодаря которому становится возможным не только проникнуть в существенные пласты политико-правовых явлений, но и продуцировать новые знания социальной действительности, использовать их как инструментальное, в том числе нормативно-правовое, средство достижения конституционно значимых целей должен стать одним из основных в современной концепции исследования проблем конституционализма. Никакая рациональная правовая аргументация не может быть свободной от национальной культуры, нравственности.

В этих условиях вполне естественно, что современное состояние исследований конституционализма может быть охарактеризовано, говоря словами российского философа права И.А. Ильина, как утрата веры в спасительный методологический монизм и переход к принципиальному признанию методологического плюрализма¹. Предполагается, что различные концепции, подходы к праву при переходе к реальному конституционализму приобретают значение действенных доктринальных средств в той мере, в какой они могут быть аутентично интегрированы в пространство конституционно-правового регулирования, что требует, своего рода, «коммуникативно-интегрированного» или — что особенно значимо для конституционного исследования правовых систем — конституционного правопонимания². Это объективно предполагает признание и утверждение философско-мировоззренческого плюрализма — и как доктринального метода исследования, и как важнейшего (конституционно значимого) принципа нормативно-правовой системы организации и функционирования демократической государственности.

¹ См.: Ильин И.А. Понятия права и силы (Опыт методологического анализа) // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. М., 1994. Т. 4. С. 9–10.

² В российской правовой науке эти подходы исследованы с разных позиций, например: Крусс В.И. Теория конституционного правового пользования. М.: Норма. 2007; Поляков А.В. Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб., 2004.

Данный подход в полной мере отвечает универсальной аксиологической природе категории «конституция», которая охватывает своим содержанием как собственно правовые явления, так и неюридические (в том числе — предъюридические, постюридические), равно как и «метаюридические» феномены социального, экономического, политического, культурного характера. Причем, не только в той мере, в какой они выступают социокультурной предпосылкой выработки конституции, но и в качестве имманентных ее характеристик (социальных, культурологических, нравственно-этических и т.п.), институциональной нормативно-регулятивной системы и одновременно — средой реализации и последующего развития, что существенным образом влияет на основополагающие конкретно-исторические характеристики конституции как социально-правового явления.

Особое значение имеет в этом плане — с точки зрения развития конституционной системы в координатах философско-мировоззренческого плюрализма — сочетание позитивизма и естественного права. Оба эти типы правопонимания — позитивизм и естественное право — по своему важны в системе философско-мировоззренческого восприятия правовой действительности; для оценки, понимания сущностных начал конституции они означают приблизительно то же, что для философии «линия Платона» и «линия Аристотеля»¹.

Ценность Конституции РФ 1993 г. также может быть охарактеризована в этом плане с позиций философско-мировоззренческого плюрализма, сочетания естественно-правового и позитивистского подходов. Достаточно отметить, что она, с одной стороны, последовательно реализуя идеи естественно-правовой теории, закрепляет

¹ См., напр: Воротилин Е.А. Естественное право и формирование юридического позитивизма // Государство и право. 2008. №9; Рудковский В.А. Позитивизм и естественное право (философия права) в контексте современного правопонимания // Философия права. 2008. №5.

положения о человеке, его правах и свободах как высшей ценности (ст. 2), признает последние неотчуждаемыми и принадлежащими каждому от рождения (ч. 2 ст. 17); с другой, из самой Конституции вытекает необходимость реализации федеральным законодателем полномочий по государственно-правовому утверждению, регламентации прав человека (п. «в» ст. 71), имея при этом в виду, что права и свободы определяют смысл, содержание и применение законов (ст. 18), то есть, содержащиеся в правах и свободах естественно-правовые начала должны объективироваться в позитивных законах, получать реализацию в правоприменительной деятельности.

В системе философско-мировоззренческих основ Конституции России естественно-правовое и позитивистское начала интегрируются в идее правового закона. Основным же организационно-правовым механизмом согласования, достижения гармонии между этими двумя философско-мировоззренческими началами российского конституционализма выступает Конституционный Суд РФ. При этом главным инструментом согласования естественно-правового и позитивистского правопонимания в механизме конституционного контроля являются конституционные ценности как категории действующего права, во многом предопределяющие в том числе и «наличное бытие» (онтологию) современной конституции и системы судебного конституционализма в целом.

2.2. ЦЕННОСТНОЕ ТРИЕДИНСТВО ОНТОЛОГИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ КОНСТИТУЦИИ: ВЛАСТЬ–СВОБОДА–СОБСТВЕННОСТЬ

Социокультурный подход к анализу сущности и регулятивной роли Конституции предполагает необходимость формирования новых подходов, связанных в частности с пониманием характера и структуры конституционно-

правовых реалий, выявлением ценностного значения отдельных компонентов соответствующей структуры в их диалектическом единстве и противоречивости. Речь идет в том числе и об анализе бытия, онтологии современной конституции как отражении единства ее институционных, доктринальных, мировоззренческих, культурологических характеристик и, естественно, практики реализации, равно как и правовых средств, механизмов ее охраны.

Онтологическая структура Конституции и конституционного права в целом как ведущей отрасли права в их аксиологическом измерении, как это справедливо отмечается в научной литературе, значительно отличается от онтологических характеристик других законов и иных отраслей права; в онтологии Конституции важную роль играют — помимо позитивного закона, т.е. текстов Конституции и иных законов — нетипичные источники права, конституционные принципы, доктринальные представления об их нормативном содержании и практике реализации, где особая роль принадлежит решениям высших судов, раскрывающих смысл соответствующих принципов, основ, ценностей¹ и на основе чего — отмечу попутно — формируется политико-правовой режим судебного конституционализма.

Вместе с тем реализация подобного методологического подхода, надо полагать, требует не только отказа от отождествления Конституции с ее формально-юридическим (текстовым) выражением, но и осмысления того, что лежащие в основе конституционного регулирования объектные характеристики социальных противоречий и, соответственно, основания и пределы конституционного воздействия во многом обусловлены характером, содержанием и сбалансированностью основополагающих социально-правовых ценностей в их конкретном социально-историческом контексте.

¹ См. об этом: Гаджиев Г.А. Онтология права: критическое исследование юридического концепта действительности. М.: Норма, 2013. С. 188–192.

При всем многообразии, многоплановости проблематики, охватываемой онтологией Конституции, представляется, что такими «ценностями бытия Конституции», имеющими в системе современного конституционализма, по сути, универсальное значение, являются *власть, свобода, собственность*, которые как раз и выступают аксиологическим воплощением важнейших предметно-онтологических характеристик Конституции как основного закона государства и общества, регулятора всех основных сфер социальной жизни. Одновременно именно в этом конституционном треугольнике («власть–свобода–собственность») проявляются наиболее значимые социальные, экономические, политические противоречия, определяющие, в конечном счете, как отмечалось, глубинные (сущностные) начала правовой организации общества и государства. Конституция при таком ее измерении может рассматриваться как порождение и своего рода нормативный правовой код разрешения противоречий между властью, собственностью и свободой.

«Власть–свобода–собственность» — это некий философско-экзистенциальный (троичный) образ основ современного конституционализма. Общефилософский, мировоззренческий смысл троичности общеизвестен, он связан с христианским образом Пресвятой Троицы. Вероятно, эти духовные начала, имеющие сакральное происхождение и проникающие во все сферы человеческого бытия, также свидетельствуют, что одним из важных условий гармонизации отношений в рассматриваемой конституционной триаде являются морально-этические, духовно-культурные ориентиры, имеющие в том числе и религиозно-философское обоснование. Так, как следует из Основ социальной концепции Русской Православной Церкви, хотя Церковь и не определяет прав людей на собственность, но «материальная сторона человеческой жизни не остается вне ее поля зрения»; полагая же, что «каждый человек должен иметь достаточно средств для

достойного существования», вместе с тем «Церковь предостерегает от чрезмерного увлечения материальными благами, осуждая тех, кто обольщается заботами, богатством и наслаждениями житейскими (Лк. 8, 14)»¹. В этом плане и само право, Конституция призваны быть одним из главных средств укрепления общественной и личной нравственности: поскольку юридический закон есть средство к осуществлению нравственного блага, он должен оцениваться именно с точки зрения принципов добра и справедливости². Поэтому такие основополагающие конституционные принципы, как справедливость, равенство, которыми определяется характер отношений между собственностью, властью и свободой, предполагается оправданным рассматривать как юридические формы реализации соответствующих духовно-нравственных начал, подтверждение духовного суверенитета светского государства (Преамбула, ч. 1 ст. 3 в нормативном единстве со ст. 13, 14).

Вместе с тем экзистенциальный, философско-спекулятивный смысл указанной конституционной троичности имеет, в том числе, и материалистические предпосылки. Речь идет о том, что соответствующие отношения, складывающиеся по поводу собственности, власти, свободы, составляют фактическую конституцию общества как реальное соотношение и выражение социальных, экономических, политических сил в обществе. Они и есть, в своей основе, предмет конституционного регулирования и материальная основа троичности системы современного российского конституционализма.

При этом по существу, цивилизационной закономерностью развития современных конституций является усиление юридизации собственности–власти–свободы как основополагающих компонентов современных социально-

¹ См.: Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М.: Издание Московской патриархии, 2000. С. 83.

² См.: Романец Ю.В. Этические основы права и правоприменения. М.: Зерцало-М, 2012. С. 10.

политических и экономических систем. Но юридикация должна оцениваться не по количественным показателям (с ориентацией на объемы нормативно-правового массива, например, рыночного законодательства), не только как средство нормирования, упорядочения соответствующих отношений, но, прежде всего, как инструмент разрешения противоречий, поиска баланса между властью, свободой, собственностью как основополагающими явлениями конституционализма.

Гармонизация политической и экономической власти в соотношении со свободой — первостепенная задача и вытекающая из этого самоценность Конституции. Сегодня перед Россией, как и другими государствами, стоят острые проблемы преодоления и упреждения кризисных явлений в экономике, создания действенных механизмов преодоления новых политических вызовов и обеспечения устойчивого развития. Их решение предполагает наращивание государственно-правового влияния, в том числе в социально-экономической сфере, что, в свою очередь, обостряет противоречия между политической и экономической властью, властью и свободой. Более того, и сама по себе модернизация требует повышения активности государственного аппарата, что может иметь своим следствием не только ограничение самостоятельности хозяйствующих субъектов, но и определенное «сращивание» политических и экономических субъектов на базе общности (как правило, не имеющей правовых предпосылок) финансово-политических интересов.

Между тем многовековой исторический опыт свидетельствует, что условием и предпосылкой успешного развития эффективной и социально ориентированной экономики является «отпочкование» собственности от власти, дистанцирование власти экономической от политической власти. Цивилизованный рынок, основанный на принципах конституционной экономики, предполагает отношения самостоятельного функционирования государствен-

ной (политической) власти и власти собственности (экономической). Дистанцирование экономической власти от политической стало в свое время величайшим достижением нового буржуазного строя, основанного на принципах конституционализма. В этой связи чрезвычайно актуальной является конституционная по своей природе проблема оптимальной удаленности собственности от власти.

Нельзя, однако, не учитывать, что в современных условиях перехода к постиндустриальному обществу возникает новое глобальное конституционное противоречие в отношениях собственности, проявляющееся в очередном витке *сближения и порой слияния политической и экономической власти*, как бы возврате политической власти в свое исходное состояние. Весьма опасны в этом плане процессы углубления корпоративной «демократии», которая является результатом слияния политической, экономической и административной сил, своим характером искажена, игнорирует принцип верховенства права, основана на теневой экономике и реалиях абсолютизации власти и по своей сути, будучи основана на искаженных конституционных ценностях, «более опасна для общественной системы, чем тоталитарная система»¹.

Вместе с тем, проблемы, связанные с политизацией (бюрократизацией) экономики, очевидно, располагаются не только в социально-экономической плоскости, но имеют и юридическое, прежде всего — конституционно-правовое, измерение. При этом речь идет не только о том, что та или иная негативная социальная практика может порождать отклоняющиеся от конституционно заданных типы, методы и конкретные способы нормативного регулирования социально-экономических отношений, «узаконивающие» сближение политической и экономической власти. Существует и обратная связь, заключающаяся в том, что текущее

¹ См.: Арутюнян Г. Угрозы корпоративной демократии // Конституционное правосудие. Ереван. №3 (33). 2006. С. 41, 42.

законодательство может оказывать (прямо или косвенно) фактическое стимулирующее воздействие на формирование «теневых» связей между политической властью и хозяйствующими субъектами. В настоящее время факторами такой негативной коммуникации являются, в частности, неопределенность статуса субъектов конституционного права с точки зрения отнесения их к юридическим лицам и взаимосвязанная с этим проблема фрагментарного (пробельного) определения параметров участия субъектов публичного права в гражданских правоотношениях.

В этой ситуации существенно возрастает потребность в государственном влиянии на соответствующие процессы с целью поддержания автономии и цивилизованного обособления названных властей, которое — подчеркнем особо — должно проявляться не в наращивании нормативного массива, регулирующего экономические отношения и взаимоотношения бизнеса и власти, а через планомерное внедрение конституционных принципов публичной власти в ее организационном, функциональном и целевом воплощениях, с одной стороны, и основ экономической системы, с другой.

Таким образом, сами объекты, предметные характеристики конституционно-правового воздействия находятся в прямом соотношении с социокультурными ценностными началами Конституции. Это позволяет обнаружить применительно к Конституции РФ 1993 г. некий идеализированный слепок (модель) *аксиологических конституционных начал самих по себе отношений*, которые не только являются предметом конституционного регулирования и имеют непосредственное нормативное оформление в Конституции, но и отражают сущностные характеристики данного социально-правового явления. Речь идет о том, что, с одной стороны, Конституция является нормативно-правовым носителем высших правовых ценностей, получающих воплощение в ее нормах и институтах, принципах и основах. С другой стороны, сама по себе Конституция как особый юридический акт обладает

некими ценностными характеристиками, является нормативной правовой самооценностью.

При этом сама природа Конституции такова, что благодаря повышенной концентрации ценностной нормативности и, соответственно, способности быть общеобязательным мерилем свободы не только для отдельных индивидов, но для всех социальных субъектов, включая само общество и его государство, она (Конституция) способна воплощать ценностные начала как в содержательных характеристиках норм и институтов, так и в юридических свойствах Основного закона.

2.3. ЦЕННОСТЬ ЮРИДИЧЕСКИХ СВОЙСТВ КОНСТИТУЦИИ В СООТНОШЕНИИ С ЕЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫМИ ХАРАКТЕРИСТИКАМИ

Не только конкретные конституционные нормы и институты, но и сама по себе Конституция как социально-правовое явление имеет аксиологическое значение.

Аксиологические нюансы данного явления были замечены давно, например, как это отмечает тонкий исследователь проблем современного конституционализма Г.Г.Арутюнян, в изданной еще в 1837 г. книге, где конституция характеризуется как «предельно значимые решения и Провидение Божие»¹. Очевидно, что в этом случае речь идет, как справедливо отмечает Г.Г.Арутюнян, не только о некоем высшем «решении» конституирующего значения, но в основе такого решения лежит **«данная свыше ценностная система, Высшее провидение (выделено автором)»**². В

¹ См.: Арутюнян Г. Гарантии реализации основополагающих конституционных ценностей на уровне государственной политики и в общественной практике // Конституционное правосудие в новом тысячелетии. Международный альманах. Ереван. 2008. С. 28.

² Арутюнян Г. Конституция и конституционализм в контексте конституционной культуры нового тысячелетия // Конституционное правосудие. Вестник Конференции органов конституционного контроля стран новой демократии. Вып. 2 (60). Ереван. 2013. С. 8.

этом также отчетливо прослеживается то обстоятельство, что формально-юридические свойства Конституции тесно связаны с ее нравственно-этическими, культурологическими ценностными началами, получающими юридическое выражение в требованиях свободы, равенства, прав человека, государственного единства, веры в добро и справедливость, ответственности за свою Родину перед нынешним и будущими поколениями (Преамбула Конституции РФ). В этом проявляются качества сакральности, святости Конституции.

Социальная ценность права как такового, и, соответственно, Конституции РФ, ее нормативных свойств связывается, как правило, с обеспечением всеобщего устойчивого порядка, определенности в содержании общественных отношений, возможности нормативно упорядоченных действий человека, оптимального сочетания свободы и справедливости и т.п.¹ Вместе с тем вполне обоснованно говорить и о социальной ценности самих по себе юридических свойств такого уникального правового явления, как Конституция.

Ценностное значение Конституции РФ 1993 г. как юридического акта подкрепляется весьма высоким уровнем ее юридической техники, что проявляется во всех ее основополагающих формально-юридических свойствах, имеющих не только доктринальное значение, но и нормативное подтверждение.

Это, *во-первых*, ценность *учредительных свойств Конституции*, проявляющаяся во всей полноте ее нормативного содержания, в особенности — в главе 1. Ценность этих свойств связана с утверждением и формированием на основе Конституции новой, основанной на демократических принципах, системы российской государственности,

¹ Одним из первых, еще в советское время, обозначил эту проблематику С.С. Алексеев. (См. его кн.: Социальная ценность права в советском обществе. М.: Юрид. лит., 1971). В то же время нельзя не отметить, что в современной литературе имеются и иные подходы к проблеме права как ценности (См., напр.: Лафитский В.И. Право как высшая конституционная ценность (очерк исторического и сравнительно-правового исследования) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2013. №1).

создании организационно-правовых, институционных и иных механизмов реализации этой системы на практике. В этом плане Конституция 1993 г. явилась, своего рода, основополагающим нормативным, политико-правовым средством легитимации статуса многонационального народа как единственного источника власти в Российской Федерации, носителя суверенитета (ч. 1 ст. 3, ч. 1 ст. 4).

Во-вторых, ценность верховенства Конституции РФ, что предполагает особое место и значение Конституции как исходного и главенствующего источника всего национального законодательства — федерального и субъектов Российской Федерации, определяет муниципальное правовое регулирование и, соответственно, служит единым и универсальным сводом основополагающих нормативно-правовых и нравственно-этических ценностей для всего многонационального народа Российской Федерации, для каждого из входящих в его состав этносов на всей территории Российской Федерации (ч. 2 ст. 4). Важно при этом учитывать, что в соответствии с правовыми позициями Конституционного Суда РФ¹ верховенство Конституции проявляется в органическом единстве с общепризнанным принципом верховенства (господства) права, ценностное и нормативно-доктринальное значение которого положено в основу всего содержания Конституции РФ. Одновременно и само по себе верховенство права с его требованиями равной для всех меры свободы и справедливости, выступая основополагающим принципом современного демократического правового государства, предстает как важнейшая конституционная ценность².

¹ См., напр.: Постановления КС РФ: от 21 января 2010 г. №1-П // СЗ РФ. 2010. №6. Ст. 699; от 19 июля 2011 г. №17-П // СЗ РФ. 2011. №30 (ч. 2). Ст. 4699; от 2 июля 2013 г. №16-П // СЗ РФ. 2013. №28. Ст. 3881.

² В.Д. Зорькин, например, определяет верховенство права как конституционную ценность «в юридическом аспекте» (наряду с властью, свободой и законом) в качестве «движущего начала политического социума» (См.: Зорькин В.Д. Аксиологические аспекты Конституции России // Конституционные ценности в теории и судебной практике. Сборник докладов. М.: Институт права и публичной политики. 2009. С. 58.

В-третьих, ценность высшей юридической силы Конституции РФ, что предполагает ее активную системообразующую роль, обеспечение на основе Конституции строгой правовой иерархии, имея в виду, что ни один правовой акт, входящий в состав правовой системы Российской Федерации, не может противоречить Конституции (ч. 1 ст. 15). Более того, аксиологическое значение данного юридического свойства Конституции лежит, фактически, в основе института конституционно-судебного нормоконтроля: ведь законы и иные правовые акты не должны противоречить Конституции РФ (ч. 1 ст. 15), а те акты или их отдельные положения, которые признаны неконституционными, утрачивают силу без всяких дополнительных условий и процедур (ч. 5 ст. 125).

*В-четвертых, ценность прямого действия Конституции означает, в конечном счете, признание юридической самоценности данного акта независимо от степени его конкретизации в текущем законодательстве, так как конституционные нормы являются непосредственным регулятором общественных отношений, они определяют способы правореализационного процесса, включая соблюдение, исполнение, использование и правоприменение (ч. 1 ст. 15). Аксиология данного свойства усиливается и тем, что посредством прямого действия Конституции обеспечивается, в конечном счете, *признание прав и свобод человека и гражданина как непосредственно действующих* (ст. 18 Конституции РФ); но таковыми они являются не сами по себе, а именно в связи с нормативной формализацией в установлениях Основного Закона, т.е. как праворегулирующие юридические требования, воплощающие в себе единство естественно-правовых и позитивистских начал¹.*

В-пятых, несомненные аксиологические начала заложены в таком свойстве Конституции, как сочетание юри-

¹ См.: Бондарь Н.С., Крусс В.И. Статья 18 Конституции РФ // Комментарий к Конституции Российской Федерации. Под ред. В.Д. Зорькина. 2-е изд. М.: Норма, 2011. С. 177.

дической стабильности и социокультурного динамизма. Нормативно-правовым эквивалентом этих качеств Конституции являются, прежде всего, ст. 134–137 во взаимосвязи, в частности, со ст. 125, а также ст. 76, 80 Конституции РФ. Это предполагает, что нормы Конституции проявляют свое регулирующее воздействие в определенной системе законодательства и в изменяющемся социально-историческом контексте, а, следовательно, возможна адекватная их основной сути трансформация смыслового содержания конституционных положений без непосредственного вторжения в сам текст Основного закона. К этим же характеристикам примыкает *особый, усложненный порядок принятия и изменения Конституции*, который обеспечивает формально-юридическую целостность и устойчивость всей системы конституционно-правового регулирования и, соответственно, выраженных посредством него исходных (базовых) социально-правовых (социокультурных) ценностных императивов общества.

Конституционный Суд РФ, раскрывая в своей практике смысл основополагающих формально-юридических свойств Конституции РФ, неоднократно указывал на то, что Конституция РФ является конституирующим актом в отношении всей правовой системы государства, включая конституции (уставы) субъектов Российской Федерации — их учредительный характер обусловлен учредительным характером Конституции РФ¹; верховенство, высшую юридическую силу и прямое действие имеют все и каждое положение Конституции РФ, при том, что их приоритет в правовой системе Российской Федерации распространяется на все существующие в ней нормативные правовые акты, включая и те, которые сама Конституция упоминает в качестве используемых наряду с ней регуляторов общественных отношений (Федеративный договор)². При

¹ См.: Постановление КС РФ от 18 июля 2003 года №13-П // СЗ РФ. 2003. №30. Ст. 3101.

² См.: Постановление КС РФ от 9 января 1998 года №1-П // СЗ РФ. 1998. №3. Ст. 429.

этом Конституционный Суд РФ, обладая возможностями «оживлять» Конституцию, развивать ее без изменения текста, в то же время не вправе проверять конституционность самой Конституции ни по каким параметрам¹. Вместе с тем Конституционным Судом РФ активно задействуется аксиологический потенциал собственно конституционных норм для формирования правовых позиций по конкретным делам и разрешения конституционно-правовых споров, прежде всего это касается ценностей, выраженных в основах конституционного строя (глава 1 Конституции РФ).

При этом для устойчивого эффективного конституционно-правового развития России одинаково опасны как недооценка социокультурных начал Конституции, так и игнорирование ее формально-юридических характеристик как нормативного правового акта, обладающего высшей юридической силой. Для России в этом плане серьезным уроком стали события конституционного кризиса, который предшествовал принятию действующей Конституции.

Известно, что сам процесс выработки и принятия Конституции 1993 г. был сопряжен с открытым противостоянием и, в конечном счете, военным конфликтом в октябре 1993 г. между политическими силами, представлявшими — по разные стороны — власть силы и силу закона, действовавшей Конституции. Он завершился отказом от формально-юридических начал сложившейся на тот момент системы конституционализма (советского) в пользу идей «высшей справедливости», что соответствовало, как считали носители этих политических идей, требованиям общедемократических ценностей и перспективам демократических преобразований нашего общества и государства. Тем самым высшие правовые принципы в их неформальном, метафизическом выражении были по-

¹ См.: Определение КС РФ от 1 апреля 1996 года №13-О // Архив КС РФ. 1996.

ставлены выше юридической Конституции, предлагалось «подняться над законодательством, пусть это даже сама Конституция, и судить с позиций высшего права»¹. Принятие в последующем Конституции РФ 1993 г. знаменовало собой не только преодоление глубокого конституционного кризиса, но и выработку некоей матрицы, идеальной, устремленной в будущее, модели развития демократической правовой государственности. Именно будущее — место «прописки» конституций, принимаемых на изломе социально-политических эпох, что в полной мере характерно и для действующей Конституции России. При этом надо отдавать отчет, что всякая такого рода конституция, которая, по образному выражению А. Шайо, «бредит будущим», может стать и «совершенно непригодной для решения своей реальной функциональной задачи — защитить общество и его граждан от государственной власти»². Ведь конституция как юридический документ, закрепляющий идеальную (желаемую для господствующих политических сил) модель организации общества и государства, неизбежно сопряжена с конфликтом должного и сущего, в основе чего, как правило, лежат завышенные социальные ожидания и политические иллюзии по поводу реального значения конституции для осуществления политических и социально-экономических преобразований. В этом проявляется социально-психологический феномен конституционной мифологии как искаженной, основанной на завышенных ожиданиях системы мировоззренческих идей, взглядов, оценок социальной действительности политических сил, стремящихся к завоеванию власти.

Однако, понимание Конституции в качестве некоего правового идеала не должно вводить в заблуждение от-

¹ См.: ... И нет суда. Интервью Т.Г. Морщаковой // Новая газета. 2004. 19 июля. О критике этого подхода см.: Зорькин В.Д. Осторожно: праворазрушительство! // Российская газета. 2004. 22 июля.

² См.: Шайо А. Самоограничение власти (краткий курс конституционализма). М.: Юристъ. 2001. С. 12.

носителю ее практической, операционной значимости, что обеспечивается во многом благодаря формально-юридическим свойствам Конституции как Основного Закона государства и общества. При этом эффективность конституционно-правового регулирования во многом определяется заложенными в самой Конституции механизмами согласования конституционно-правового должностования и социальной реальности, нахождения гармонии буквы и духа Конституции, в том числе — на основе поиска баланса конституционных ценностей при безусловном гарантировании верховенства Конституции как социокультурной самоценности личности, общества, государства.

Выявленные ценностные характеристики Конституции как социокультурного документа и юридического акта со всей очевидностью подтверждают порочность поиска неких «параллельных» с Основным законом — тем более приоритетных в соотношении с ним (!) — неких эрзац-конституций. Конституция по самой природе и ценностным характеристикам такова, что она не нуждается в каких-либо суррогатах — экономической, финансовой, муниципальной и им подобных «конституциях».

Таким же образом — сквозь призму конституционной аксиологии — необходимо оценивать *место и роль конституционного права в современной правовой системе.*

2.4. КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО (КОНСТИТУЦИОННОГО) ПРАВА, ЕГО МЕСТО И РОЛЬ В РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ

Сама природа конституционного права такова, что благодаря повышенной концентрации нормативности и, соответственно, способности быть общеобязательным мерилем свободы не только для отдельных индивидов, но для всех социальных субъектов, включая общество и государство, конституционное право способно выражать

согласованную волю различных социальных групп общества, устанавливать, поддерживать, охранять и защищать определенный баланс между основополагающими ценностями и интересами.

Между тем, в последнее время наблюдаются активные попытки подвергнуть сомнению ведущую роль конституционного права в современной правовой системе — в рамках очередных «новаторских» подходов, связанных прежде всего с представлениями о частно-правовых методах правового регулирования как единственно надежном правовом гаранте свободы и равенства в современном обществе.

Аксиологический анализ конституционного права предполагает выявление, прежде всего, различных содержательных аспектов самого по себе понятия «конституционное право». Последнее проявляется, как известно, в следующем смысловом триединстве: 1) как самостоятельная отрасль правовой системы, 2) как юридическая наука, 3) как учебная дисциплина. И каждое из этих понятий имеет свое аксиологическое наполнение, ценностные начала присутствуют в каждом из соответствующих понятий конституционного права. Более того, каждое из них является не только носителем социальных ценностей, их нормативно-правовым (если это отрасль), научно-теоретическим (наука), профессионально-образовательным (учебная дисциплина) эквивалентом, но и само по себе конституционное право (в указанном триединстве) являет собой социальную, правовую, политическую самооценку современно-го демократического правового государства.

Ценность конституционного права определяется, прежде всего, особенностями самого предмета данной отрасли права и вытекающими из этого характеристиками юридической природы данной отрасли права, ее социально-целевым предназначением в правовой системе государства.

Трудно найти другую, более неблагодарную (но, хочется надеяться, не бесперспективную с точки зрения исследования) проблему, чем предмет конституционного

права. Нигде, ни в одной другой стране, как справедливо отмечается в литературе, не ломается столько копий по вопросу о предмете конституционного права как у нас¹. Не касаясь давних и многочисленных дискуссий на эту тему, отмечу, что в данном случае для автора важным является вопрос о том, *в каком соотношении с ценностными характеристиками конституционного права находится сам предмет данной отрасли права?* Иными словами, какое видение предмета конституционного права (по крайней мере, в принципиальных подходах к его определению) в наибольшей степени соответствует особой природе, особому месту и особому назначению данной отрасли права в государственно-правовой системе?

Для ответа на эти вопросы необходимо уяснить, возможно, еще более «простой» вопрос: *благодаря чему данная отрасль права становится конституционным правом?* Возможно, это по-прежнему *государственное право?*

Универсального ответа, одинаково применимого ко всем государствам и правовым системам, не существует, как не существуют и одинаковые представления о соответствующей отрасли права, ее наименовании. Очевидно, однако, что ни в одной стране мира конституционное право не является и не может быть простым порождением самой по себе конституции как основного закона государства.

С учетом наших конкретно-исторических условий, в том числе связанных с преодолением государственно-тоталитарного наследия, очевидным является, что превращение государственного права в конституционное право не есть простая смена наименования данной отрасли. Это — некий длительный (продолжающийся и сегодня) *процесс конституционализации государственного права* на основе его переориентации на признанные ценности современного конституционализма (прав человека, разде-

¹ См.: Чиркин В.Е. Об объекте конституционного регулирования // Государство и право. 2005. №4. С. 5; см. также: Страшун Б.И. К вопросу о понятии конституционного права // Журнал российского права. 2006. №10.

ления властей, правовой социальной государственности, плюралистической политической демократии, рыночной экономики и т.п.).

Соответственно, уточняются акценты как в основополагающих *объектах* конституционно-правового воздействия, так и в *сфере, пределах конституционного регулирования*, имея в виду не только новые социально-политические, экономические условия, но и новые правовые реалии, связанные с появлением новых институтов, субинститутов, отраслей права, что, в конечном счете является отражением сложных процессов конституционализации, внедрения ценностей конституционализма в самые различные сферы социальной и правовой жизни.

В этом плане весьма тонким (что характерно для авторского стиля данного ученого) является замечание проф. Крусса В.А., что «фокус и центр конституционализации находятся в сфере позитивного конституционного (в широком смысле) права и его вторичной — законодательной — формы», а ее необходимыми научными и мировоззренческими предпосылками, с одной стороны, и залогом практического восприятия результатов, с другой стороны, выступают конституционное правопонимание и правосознание»¹. Оставив в стороне вопрос о том, какой смысл вкладывает автор в понятие «конституционное право в широком смысле», очевидно, что речь идет именно о тех процессах, которые обеспечивают преобразование отрасли государственного права (как исключительно властно-публичного права) в конституционное право. При этом едва ли не главные (интегральные по своей сути) показатели утверждения государственного права в качестве конституционного связаны с формированием конституционной культуры в обществе и государстве, утверждением индивидуального и массового конституционного миро-

¹ См.: Крусс В.И. Доктринальные инновации в контексте конституционализации Российской правовой системы // Конституционное и муниципальное право. 2013. №4. С. 3.

воззрения, в основе чего — безусловное признание национальных ценностей современного конституционализма.

Решение соответствующих проблем следует вести, в том числе, с учетом активного использования потенциала конституционного права, его места и ценностного назначения в российской правовой системе. Вряд ли удовлетворяет новым условиям, новой природе и назначению конституционного права его традиционная характеристика лишь в качестве *ведущей отрасли права*. В конечном счете, это предполагает, что конституционное право «соседствует» со всеми другими отраслями права на одном уровне, а их предметное разграничение должно проходить исключительно по «горизонтали», т.е. в зависимости от сферы общественных отношений и безотносительно к иным, качественным характеристикам этих отношений.

Ценностное назначение конституционного права заключается как раз в том, что это не просто одна из отраслей права (пусть даже ведущая), а *ядро всей правовой системы и каждой отрасли в отдельности*. Причем, в данном случае речь не идет о противопоставлении характеристик конституционного права как отрасли и как «ядра» правовой системы. Отраслевая характеристика конституционного права бесспорна. Но в качестве особой отрасли оно (конституционное право) выполняет ценностно-функциональное назначение ядра правовой системы. Поэтому не лишен оснований подход, согласно которому совокупный предмет всех отраслей национального права как раз и рассматривается как предмет и конституционно-правового регулирования, на который конституционное право воздействие с помощью специфических средств, т.е., иными словами, предмет конституционного права и предмет национального права принципиально совпадают, конституционное право «работает» везде, где «работает» национальное право¹.

¹ Кокотов А.Н. Конституционное право в российском праве: понятие, назначение и структура // Правоведение. 1998. №1.

Из этого вытекают некоторые принципиальные особенности конституционного права как ядра правовой системы, связанные, в том числе с новыми тенденциями развития данной отрасли права.

Во-первых, объектные характеристики конституционного регулирования в современных условиях необходимо искать не в самой по себе сфере организации и осуществления государственной власти, а на путях поиска баланса в соотношении, взаимовлиянии, как отмечалось выше, таких основополагающих ценностей нашей цивилизации, как власть, свобода, собственность. Сама природа конституционного права такова, что благодаря повышенной концентрации своей ценностной нормативности и, соответственно, способности быть общеобязательным мерилом свободы не только для отдельных индивидов, но для всех социальных субъектов, включая само общество и его государство, конституционное право способно выражать согласованную волю различных социальных групп общества, устанавливать, поддерживать, охранять и защищать определенный баланс между основополагающими ценностями и интересами. В конечном счете, это означает, что в качестве ядра правовой системы конституционное право призвано выполнять назначение: а) нормативного средства закрепления, охраны и обеспечения баланса фундаментальных социальных ценностей власти, собственности, свободы; б) обеспечения механизмов разрешения социальных и политических конфликтов и противоречий (между властью и свободой, политической властью и собственностью и т.п.), в которых проявляются, в конечном счете, сущностные начала самого предмета конституционного регулирования и Конституции как Основного закона общества и государства; в) основополагающего системообразующего начала государственно-правовой действительности и всей правовой системы, высшего регулятора государственной и общественной жизни, политического, экономического, социального развития.

Во-вторых, ценностные характеристики конституционного права как ядра правовой системы проявляются в том, что оно по своей природе сочетает в себе элементы частного и публичного права и является для каждого из них базовым, т.е. *конституционное право является отраслью публично-частного права*. В современном мире главным является поиск баланса, оптимального соотношения между ценностями публичного характера, с одной стороны, и личными, частными ценностями, с другой. В формализованном, нормативно-правовом выражении это проблема соотношения суверенной государственной власти (на характеристике власти как «суверенной» делаю акцент) и свободы, которая прямо или косвенно пронизывает всю систему конституционного регулирования, «присутствует» в каждом конституционном институте, каждой норме и статье Конституции. В этом смысле нахождение в рамках конституционного права баланса между частным и публичным началом в организации правовой системы, между властью и свободой составляет главное содержание теории и практики современного конституционализма¹.

Примечательно, что такое понимание природы конституционного права как частно-публичной отрасли имеет свое формально-юридическое подтверждение в практике Конституционного Суда РФ, который неоднократно, применительно к различным конституционно-правовым институтам, указывал на их сложный публично-частный характер. Так, в Постановлении от 29 ноября 2004 года №17-П Конституционным Судом РФ была сформулирована правовая позиция, в силу которой избирательные права, как права субъективные, выступают в качестве элемента конституционного статуса избирателя, и вместе с тем они являются элементом публично-правового института выборов, в них воплощается как личный интерес каждого конкретного избирателя, так и

¹ См.: Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. М.: Юстицинформ, 2005.

публичный интерес, реализующийся в объективных итогах выборов и формировании на этой основе органов публичной власти¹. В ряде других решений Конституционный Суд РФ установил «присутствие» как частных, так и публичных начал в конституционном праве социального обеспечения². Здесь же следует назвать и такую отстаиваемую Конституционным Судом РФ правовую позицию, согласно которой право на судебную защиту воплощает в себе как индивидуальный (частный) интерес, связанный с восстановлением нарушенных прав, так и публичный интерес, направленный на поддержание законности и конституционного правопорядка³. В соответствии с таким, комплексным пониманием природы конституционного права в практике конституционного правосудия выстраивается и конституционное обоснование различных отраслевых юридических институтов⁴.

В-третьих, ценностное значение конституционного права, рассматриваемого в качестве ядра правовой системы, находит свое проявление в изменении предметных характеристик конституционного права. С одной стороны, это выражается в расширении предмета конституционного регулирования. Предмет конституционного права нельзя рассматривать узко и одномерно, он является комплексным образованием. При этом предмет конституционного права имеет динамическое, исторически развивающееся содержание, что в полной мере соответствует его характеру ядра правовой системы и позволяет госу-

¹ См.: Постановление КС РФ от 29 ноября 2004 года №17-П // СЗ РФ. 2004. №49. Ст. 4948.

² См.: Постановление КС РФ от 25 декабря 2007 года №14-П // СЗ РФ. 2007. №53. Ст. 6674; Определение КС РФ от 6 марта 2008 года №430-О-О // Архив КС РФ. 2008.

³ См. Определения КС РФ: от 12 мая 2005 года №244-О // СЗ РФ. 2005. №32. Ст.3396; от 20 октября 2005 года №513-О // ВКС РФ. 2006. №2; от 24 января 2006 года №3-О // ВКС РФ. 2006. №4; от 2 марта 2006 года №58-О // ВКС РФ. 2006. №4; от 19 июня 2012 года №1227-О // Архив КС РФ. 2012.

⁴ См., например: Постановление КС РФ от 14 мая 2003 года №8-П // СЗ РФ. 2003. №21. Ст. 2058; Определение КС РФ от 19 января 2005 года №10-О // ВКС РФ. 2005. №3.

дарству эффективно в надлежащей юридической форме реагировать на изменяющуюся общественную практику. В современных реалиях вряд ли оправданным было бы ограничивать предмет конституционного права только так называемыми властеотношениями, т.е. теми общественными отношениями, которые возникают в процессе организации и осуществления государственной власти. Будучи материальной основой политических отношений, с одной стороны, и испытывая на себе их непосредственное воздействие, с другой, экономические и социальные отношения представляют собой важную сферу конституционного влияния, что находит свое подтверждение в опыте конституционного развития современных демократических государств.

С другой стороны, нельзя не учитывать, что социально-экономическая сфера является предметом правового воздействия многих отраслей права — как публично-го, так и частного характера. В данном случае имеет место межотраслевое правовое регулирование социально-экономических отношений, что, в свою очередь, естественным образом порождает проблему разделения «сфер влияния» между соответствующими отраслями и, стало быть, вопрос о пределах конституционно-правового воздействия на данную сферу отношений. В этом наиболее отчетливо отражается вторая основная линия изменений предметных характеристик конституционного права, связанная с необходимостью проведения его более последовательного «размежевания» с другими отраслями.

В-четвертых, ценностные аспекты конституционного права как ядра правовой системы могут раскрываться через специфический состав его источников, который является подвижным, развивается и обогащается, в том числе за счет практики конституционного правосудия. Это выражается, в частности: а) во внедрении в систему конституционного права самих по себе решений Конституционного Суда как особого вида источников права; б) в активном

влиянии конституционного правосудия на процесс постепенного проникновения в российскую правовую систему начал прецедентного права, которые имеют своим адресатом арбитражную и, в меньшей степени, общеюрисдикционную судебные системы. Наиболее значимым в этом плане явилось Постановление Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. №1-П, которым практически был дан «зеленый» свет для прецедентных источников права в условиях нашей правовой системы¹; в) во внедрении через конституционно-судебную практику в российскую правовую систему таких актов прецедентного характера, как решения Европейского Суда по правам человека², что имело решающее значение в их утверждении в качестве особых источников права, обладающих наднационально-прецедентным характером; г) в активном проникновении в судебную практику норм международного права и, соответственно, их утверждение в качестве составной части правовой системы РФ, как это предусмотрено в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Показательно в этом плане, что в одном из решений Конституционный Суд РФ прямо указал на то, что международный правовой акт, хотя бы и не ратифицированный, но подписанный Российской Федерацией, может быть признан существенным элементом правового регулирования соответствующих общественных отношений в пределах территории Российской Федерации³.

Особое значение — с точки зрения аксиологических характеристик — имеют в системе нетрадиционных источников конституционного права решения Конституционного Суда РФ.

¹ См.: Постановление КС РФ от 21 января 2010 года №1-П // СЗ РФ. 2010. №6. Ст. 699.

² См. Постановления КС РФ: от 5 февраля 2007 года №2-П // СЗ РФ. 2007. №7. Ст. 932; от 26 февраля 2010 года №4-П // СЗ РФ. 2010. №11. Ст. 1255.

³ См.: Определение КС РФ от 19 ноября 2009 г. №1344-О-Р // СЗ РФ. 2009. № 48. Ст. 5867.

3. РЕШЕНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ В ЦЕННОСТНОМ ИЗМЕРЕНИИ

3.1. НОРМАТИВНО-ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ — ГЛАВНОЕ В ИХ АКСИОЛОГИЧЕСКИХ СВОЙСТВАХ

Институт конституционного правосудия, будучи одной из важнейших конституционных ценностей современного демократического правового государства, не только выполняет охранительно-гарантирующую функцию в отношении Конституции, но и обеспечивает своего рода конституционализацию социально-политических ценностей. Именно в особенностях юридической природы решений Конституционного Суда РФ находит концентрированное выражение специфика их ценностного воздействия на государственно-правовую систему и Конституцию РФ, имея в виду, что такие решения не только служат источниками права особого рода, но и, одновременно, являются действенным фактором формирования в России судебного конституционализма.

Вопрос о юридической природе решений Конституционного Суда РФ не является специфически-национальным для российского конституционного права. Очевидно, что универсализация института конституционного правосудия (и не только в европейских странах континентального права) при всем многообразии соответствующей практики свидетельствует о неких общих закономерностях, касающихся основополагающих правовых характеристик принимаемых соответствующими органами актов. Поэтому именно в контексте общемировой конституционной практики должен решаться вопрос о нормативных началах решений органов конституционного правосудия, их влиянии на конституционное развитие общества и государства.

Как в нашей стране, так и в других государствах континентального права, в последние годы наметилась линия на признание судебной практики в качестве источника права; таким источником права рассматриваются в первую очередь решения конституционных судов; при этом, однако, юридическая природа последних, например, с точки зрения их соотношения с судебным прецедентом, определяется авторами по-разному¹.

Одновременно возникает вопрос: насколько правомерным является растворение решений Конституционного Суда в судебной практике, к которой относятся акты и иных, прежде всего высших, органов правосудия? Есть ли основания помещать в одну систему правовых координат решения всех высших судебных органов, включая Конституционный Суд?

Не отрицая наличие некоторых сопоставимых характеристик в юридической природе решений высших судебных органов и формулируемых ими правовых позиций², очевидным является тот факт, что акты конституционного правосудия обладают признаками источников права в силу

¹ См., например: *Марченко М.Н.* Судебное правотворчество и судебское право; *Зорькин В.Д.* Прецедентный характер решений Конституционного Суда РФ // Журнал российского права. 2004. №12. С. 4–7; *Лазарев Л.В.* Правовые позиции Конституционного Суда России. 2-е изд. М., 2008. С. 48–65.

² Данный подход в определенной мере получил отражение и в Постановлении КС РФ от 21 января 2010 г. №1-П. В этом случае, однако, на первом месте оказались интересы, связанные с поиском компромисса при выработке и принятии соответствующего «решения о прецеденте»: такое название это постановление получило в прессе после его оглашения. Впрочем, при всей компромиссности данного решения в нем определенно проводится идея недопустимости отождествления юридических характеристик решений КС РФ, с одной стороны, и решений Высшего Арбитражного Суда РФ (в лице и его Пленума, и Президиума) — с другой. Об этом свидетельствует, например, положение о том, что Высший Арбитражный Суд РФ при реализации своего права давать на основе обобщения судебной практики абстрактное толкование применяемых арбитражными судами норм права и формировать соответствующие правовые позиции не может выходить за пределы своих полномочий, определяемых Конституцией РФ и федеральными конституционными законами, и вторгаться в компетенцию других органов государственной, в том числе судебной, власти (абз. 4 п. 3.1 мотивировочной части).

имманентно присущих этим актам юридических свойств конституционно-правового характера. И эти юридические характеристики являются специфичными, характерными исключительно для актов Конституционного Суда.

Речь в конечном счете идет о том, что решения органов конституционного правосудия — не простые акты судебной практики; ведь Конституционный Суд не квазисуд¹ как некий «ненастоящий», «мнимый» суд, он — «больше, чем суд». Это проявляется, в частности, в том, что, будучи непосредственным и активным носителем судебной власти, Конституционный Суд РФ не может рассматриваться как квазисуд, но он является «квазиправотворческим» органом. По самой природе, сущностным характеристикам и своим результатам деятельность Конституционного Суда РФ не исчерпывается правоприменением, а имеет значительно более сложный характер: конституционное правосудие в своих итогово-правовых характеристиках все более сближается с нормативно-установительной юридической практикой, с правотворчеством.

Природой Конституционного Суда как особого, квазиправотворческого органа как раз и определяются его возможности, связанные с погружением на уровень метаюридических основ сущности и смысла, самого духа Конституции, в которых содержится высокая степень концентрации политических, нравственно-этических, социокультурных начал и доступность которых для Консти-

¹ Мысль о характеристиках КС РФ как «квазисуда» недавно неожиданно повторил мой коллега Г.А. Гаджиев, вкладывая в этот тезис некие положительные статусные характеристики Конституционного Суда, которые отличают его от других высших судов (Верховного и Высшего арбитражного суда) и которые якобы «спасли» Конституционный Суд от его объединения с другими высшими судами (В Конституционном Суде обсудили «правовые скрепы» с юридической элитой // Коммерсант. 2013. 22 октября). Со всей определенностью хотелось бы повторить, что не «неполноценность», не «квази»-характеристики Конституционного Суда следует учитывать в этом, как и в других, случаях, а тот факт, что Конституционный Суд — «больше, чем суд» (См.: Бондарь Н.С. Конституционный Суд России: не «квазисуд», а больше, чем суд // Журнал конституционного правосудия. 2010. №3).

туционного Суда позволяет ему не только констатировать наличные, непосредственно выраженные в Конституции ценности, но и выводить, извлекать конституционные ценности из системы конституционно-правового регулирования и реальной конституционной практики. Соответственно, принимаемые Конституционным Судом решения в порядке осуществления конституционного контроля как бы примыкают к Конституции, составляя вместе с ней *особый вид конституционных источников права, существующий наряду с законами, подзаконными актами, судебной практикой, иными видами источников права.*

При этом именно специфическими характеристиками конституционных полномочий по конституционно-судебному контролю, а не наличием или отсутствием у Конституционного Суда РФ правотворческих функций в их классическом проявлении определяется его роль в нормативном правовом пространстве государства и, в конечном счете, в правотворческом процессе, что, кстати, подтверждается практикой конституционного правосудия и в других странах континентального права.

Деятельность Конституционного Суда РФ играет значительную роль не только в развитии конституционно-правовой науки, но и в становлении и развитии всей системы современного российского конституционализма, включая Конституцию РФ и конституционное законодательство, а посредством этого — и отраслевое законодательство. Признавая ту или иную норму неконституционной, Конституционный Суд лишает ее юридической силы (ст. 79 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»), т.е. отменяет ее. Уже отсюда следует, что соответствующее решение Конституционного Суда не лишено свойств нормативного акта, направленного, как известно, на установление, изменение либо отмену правовых норм или на изменение сферы их действия.

Специфика нормативной энергии решений Конституционного Суда такова, что она имеет *предметом (сферой) своего влияния* и одновременно — формой ценност-

но-юридического бытия, прежде всего, *нормативные величины наиболее высокого, абстрактного уровня — общие принципы права, конституционные принципы, декларации, конституционные презумпции, статусно-категориальные характеристики субъектов конституционного права и конституционных явлений, получающие реализацию во всех отраслях системы действующего права. На этой основе происходит своего рода приращение и актуализация нормативного содержания соответствующих категорий как нормативных величин наиболее высокого, конституционного уровня, а также установление их сбалансированного взаимодействия, обеспечивается процесс конституционно-судебного генерирования конституционных ценностей. Это особенно важно, если иметь в виду, что Конституционный Суд нередко сталкивается с ситуациями, когда возникают противоречия между представлениями о различных конституционных ценностях, да и сами конституционные ценности могут восприниматься как внутренне противоречивые; это означает, что задача преодоления противоречий и коллизий, обеспечения баланса может касаться не только буквы, но и духа Конституции. Достаточно отметить такие, нередко вступающие друг с другом в конфликт конституционные принципы и ценности, как, например, ценности правового государства, с одной стороны, и ценности социального государства, с другой, и т.д. В результате такого рода деятельности Конституционного Суда формируется особый вид нормативных начал, конституционно-судебные нормоустановления, которые в отличие от обычных юридических норм не обладают, например, традиционными структурными элементами (гипотеза, диспозиция, санкция) и некоторыми другими формально-юридическими признаками правовой нормы, исходящей от законодательного органа. Главная же специфика конституционно-судебных нормоустановлений заключается в том, что, являясь конституционным*

источником права, они сочетают нормативность с доктринальными началами.

Нормативность и доктринальность — эти две ценностные характеристики решений Конституционного Суда в своем единстве создают некое новое, интегральное качество данного вида актов как особых источников права — их нормативно-доктринальную природу.

Это означает, что, во-первых, *нормативные начала решений Конституционного Суда*, обладая высокой степенью информационно-правовой насыщенности и обобщенности, способностью отражать посредством своих конституционно-интерпретационных характеристик высшие конституционные ценности на основе выявленного в решении Суда баланса государственных (публичных) и частных интересов, воплощая в себе сплав концептуальных научно-теоретических подходов с реальной практикой современного конституционализма и международно-правовой регламентацией, во многом приобретают *признаки конституционной доктрины*. Во-вторых, заложенные в решениях Конституционного Суда аксиологические оценки, идеи и принципы, сформулированные на основе Конституции РФ и опосредующие отношение органа конституционного контроля к юридическому оформлению муниципальных отношений и муниципальной практике, придают доктринальным началам решений Конституционного Суда *качества общеобязательности, нормативной доктринальности*. В этом, кстати, кроются глубинные характеристики конституционного правосудия как фактора модернизации российской государственности, здесь находятся истоки генерирования и развития посредством конституционного правосудия конституционной идеологии, что не противоречит требованиям ч. 2 ст. 13 Конституции РФ («Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной»), хотя — попутно будет отмечено — данное конституционное по-

ложение нуждается в специальном конституционно-судебном толковании.

Нормативно-доктринальной природой решений Конституционного Суда предопределяется их *двойственное назначение в системе источников права*.

Решения Конституционного Суда РФ являются *источником конституционного права*, и в этом качестве они всегда содержат нормативную энергию (негативного либо позитивного характера), направленную на сферу конституционного регулирования. И несмотря на то, что в силу своих полномочий Конституционный Суд «решает исключительно вопросы права» (ч. 3 ст. 3 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»), его решения как нормативно-доктринальные источники конституционного права, обладая прежде всего правовым содержанием, воплощают в себе и политические начала — имеется в виду, что при проверке конституционности норм отраслевого законодательства приходится решать соответствующие вопросы, например, с точки зрения не только сущего, но и должного, строго руководствуясь при этом конституционными принципами и ценностями как носителями не только формально-юридических, но и политических, нравственно-этических императивов общества и государства. В этом смысле решения Конституционного Суда — безусловный источник конституционного права: они обладают конституционной природой в силу своих собственных характеристик, независимо от предмета конституционного контроля и в данном качестве всегда являются — в единстве с Конституцией — *конституционными источниками права*¹. Одновременно в этом проявляется важная закономерность развития современного конституционализма, связанная с расширением «конституционно-правового разнообразия», усилением

¹ Очевидно, что понятия «источник конституционного права» и «конституционные источники права» в данном случае несовпадающие, во многом равноуровневые категории.

элементов политизации и социализации в конституционном праве¹ и в системе конституционализма в целом.

В то же время с учетом предмета конкретных дел решения Конституционного Суда РФ выступают источниками и других отраслей права, обеспечивая «сцепку» собственно конституционно-правовых норм и норм отраслевого законодательства, создают нормативное единство, основанное на выявленной в процессе рассмотрения дела объективной взаимосвязи, переплетения конституционных и иных отраслевых правоотношений. Основу такого единства составляет выявляемый Конституционным Судом баланс конституционных ценностей, что способствует в свою очередь конституциализации не только отраслевого законодательства, но и соответствующей сферы социальной действительности.

На основе особой, нормативно-доктринальной природы решений Конституционного Суда РФ обеспечивается воздействие конституционного правосудия на состояние и развитие конституционного правопорядка в целях гармонизации конституционного должного (нормативных установлений) и конституционного сущего (фактической конституционной практики), происходит согласование буквы и духа Конституции с помощью средств конституционного нормоконтроля. Тем самым Конституционный Суд РФ выступает гарантом, с одной стороны, формально-юридической ценности Конституции как акта высшей юридической силы, обладающего свойствами верховенства и прямого действия, а с другой стороны — ее социальной ценности как формы выражения и поддержания национального согласия, инструмента преодоления социальных противоречий, коллизий, конфликтов. Это происходит на основе учета и отражения в решениях Конституционного Суда РФ: *во-первых*, реальных социокультурных факторов национального развития, что ярко проявилось, например,

¹ См.: Тихомиров Ю.А. Конституция — основа правовой системы // Конституция и законодательство / Отв. ред. Г.Я. Хабриева и Ю.А. Тихомиров. По мат. междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 29.10.2003). М., 2003. С. 35.

при решении Конституционным Судом РФ вопросов о конституционности создания и деятельности религиозных¹, региональных² политических партий; *во-вторых*, обстоятельств и условий, в которых принималась Конституция, в соотношении с конкретно-историческими условиями современного развития национальной государственности (без этого невозможной была бы, в частности, всесторонняя оценка на соответствие Конституции РФ института главы (руководителя) субъекта Российской Федерации на различных этапах его исторического развития³); *в-третьих*, целей, на достижение которых сориентирована Конституция и отдельные ее положения; *в-четвертых*, формально-юридических характеристик Конституции как системно-целостного, единого документа, не имеющего пробельности и внутренней противоречивости; *в-пятых*, всей системы общепризнанных принципов и норм международного права, что обусловлено требованиями ч. 4 ст. 15 Конституции РФ и получает свою реализацию практически во всех решениях органа конституционного нормоконтроля.

Концентрированное отражение нормативно-доктринальные ценностные характеристики получают в правовых позициях Конституционного Суда.

3.2. ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ — КВИНТЭССЕНЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ НАЧАЛ В РЕШЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

Юридическая природа решений Конституционного Суда как источников права и нормативно-доктринального феномена современного конституционализма решающим

¹ См.: Постановление КС РФ от 15 декабря 2004 года №18-П // СЗ РФ. 2004. №51. Ст. 5260.

² См.: Постановление КС РФ от 1 февраля 2005 года №1-П // СЗ РФ. 2005. №6. Ст. 491.

³ См.: Постановления КС РФ: от 18 января 1996 года №2-П // СЗ РФ. 1996. №4. Ст. 409; от 21 декабря 2005 года №13-П // СЗ РФ. 2006. №3. Ст. 336; от 24 декабря 2012 года №32-П // СЗ РФ. 2012. №53 (ч.2). Ст. 8062.

образом связана с получающими отражение в соответствующих решениях правовыми позициями¹, которые и являются концентрированным выражением содержащейся в решениях Конституционного Суда ценностно-нормативной энергии.

В конечном счете именно правовые позиции, с одной стороны, придают актам Конституционного Суда юридические (нормативно-правовые) качества источников права, а с другой — предопределяют конституционно-доктринальную природу данного вида правовых источников, что порой, при недостаточном учете особенностей этого нового для нас явления правовой жизни, становится причиной сомнений в правомерности отнесения данного вида судебных актов к источникам права. В правовой позиции Конституционного Суда отражается суть, нормативно-доктринальная квинтэссенция принятого решения, однако источником права является не сама по себе правовая позиция, а решение Конституционного Суда, в котором она сформулирована².

В чем конкретно проявляются ценностные характеристики правовой позиции Конституционного Суда? Как «извлечь» ее нормативно-доктринальный эквивалент из решения Конституционного Суда? Это вопросы, имеющие не только теоретическое, но и важное практическое значение.

¹ См.: Лазарев Л.В. Правовые позиции Конституционного Суда России. 2-е изд. М., 2008. С. 66–89; Гаджиев Г.А. Правовые позиции Конституционного Суда РФ как источник конституционного права // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 1999. №3. С. 81–85; Витрук Н.В. Правовые позиции Конституционного Суда РФ: понятие, природа, юридическая сила и значение // Конституционное правосудие в посткоммунистических странах. М., 1999; Кряжкова О.Н. Правовые позиции Конституционного Суда РФ: теоретические основы и практика реализации судами России. М., 2006. С. 24–28.

² Для автора настоящей работы данный подход явился следствием уточнения, развития его собственной позиции, представленной в более ранних работах. См., например: Бондарь Н.С. Власть и свобода на весах конституционного правосудия: защита прав человека Конституционным Судом Российской Федерации. С. 134–140.

Выявление подлинного смысла любого решения Конституционного Суда и его правовой позиции невозможно без учета того обстоятельства, что решение как нормативно-доктринальный источник права — это единый, целостный акт конституционного правосудия, внутренняя структура и содержание которого подчинены логике концептуально-теоретических и конституционно-правовых доводов и аргументов, значимых для оценки оспариваемых в рамках конкретного дела правовых норм; в своей взаимосвязи они определяют содержание итогового вывода, составляют суть решения по делу. Соответственно, было бы ошибочным интерпретировать выраженную в постановлении правовую позицию в качестве простой совокупности обособленных положений, равно как и возводить на уровень самостоятельных правовых позиций Конституционного Суда каждое отдельное положение постановления. Правовая позиция Конституционного Суда РФ — это некая основополагающая или, по крайней мере, одна из важных правовых идей, сформулированных Конституционным Судом по итогам рассматриваемого дела, которая может быть выражена в концентрированном виде как в качестве отдельного положения, так и (чаще всего) представляющая собой сквозную идею, характеризующуюся единой предметно-целевой направленностью и едиными доктринально-конституционными началами, находящимися, как правило, в логическом соподчинении с резолютивной частью итогового решения Конституционного Суда РФ.

В связи с этим правовая позиция Конституционного Суда не может быть истолкована безотносительно к заложенной в решении аргументации и характеру взаимосвязей между теми отправными конституционными положениями и принципами, в соответствии с которыми сформулирован итоговый вывод решения. Соответственно, можно выделить основные характеристики правовых позиций Конституционного Суда как весьма своеобразных носителей ценностных начал решений Суда.

Так, в правовых позициях Суда проявляется их *концептуальный, ценностно-доктринальный характер*, в связи с чем не просто дается ответ о конституционности конкретной правовой нормы (по принципу «да» — «нет»), но приводятся теоретико-методологические по своему уровню конституционно-правовые решения рассматриваемых проблем.

Одновременно следует обратить внимание и на такое свойство правовых позиций, как их *юридическая обязательность, в которой выражается их нормативно-ценностное (регулятивное) значение*. Правовые позиции Конституционного Суда имеют такую же юридическую силу, как и сами решения Конституционного Суда. В определении от 8 октября 1998 г. Конституционный Суд РФ сформулировал принципиальный подход в отношении обязывающего значения правовых позиций, согласно которому положения мотивировочной части постановления Конституционного Суда РФ, содержащие толкование конституционных норм либо выявляющие конституционный смысл закона, на которых основаны выводы Конституционного Суда РФ, сформулированные в резолютивной части этого же постановления, отражают правовую позицию Конституционного Суда РФ и также носят обязательный характер¹.

Правовые позиции, как и решения Конституционного Суда в целом, обязательны на всей территории Российской Федерации для всех представительных, исполнительных и судебных органов государственной власти, органов местного самоуправления, предприятий, учреждений, организаций, должностных лиц, граждан и их объединений. Уже в силу этого вряд ли можно согласиться с попытками деления правовых позиций Конституционного Суда на юридически обязательные (например, те, которые сформулированы в решениях о толковании Конституции, а

¹ См.: Определение КС РФ от 8 октября 1998 г. №118-О // Архив КС РФ. 1998.

также содержатся в резолютивной части иных решений) и имеющие рекомендательный, ориентирующий характер. Действительно, в общем массиве правовых позиций Конституционного Суда возможно выстраивание определенной иерархической системы, где приоритет принадлежит, как отмечалось, правовым позициям о толковании Конституции: по юридической силе они фактически находятся на одном уровне с Конституцией.

Юридическая обязательность правовых позиций распространяется и на сам Конституционный Суд. Однако это не означает, что правовые позиции не могут уточняться. Практика свидетельствует, что при выявлении конституционного смысла ряда положений законодательства правовые позиции углубляются и обогащаются.

Итогово-обобщающий характер правовых позиций также представляет важную их аксиологическую характеристику, позволяющую увидеть ценностно-методологическое значение правовых позиций как в рамках практики конституционного правосудия, так и в более широкой сфере собственно российского права. Правовые позиции лежат в основе решений Конституционного Суда, хотя по своему объему содержание решений (постановлений, определений) заметно шире, богаче и не сводится только к сформулированным в них правовым позициям. Правовые позиции определяют внутренний смысл решений Конституционного Суда, составляют юридическую quintessence принятого судебного решения в порядке конституционного контроля.

С этим связана также *непосредственно-оценочная роль правовых позиций*, в которых получает выражение отношение Конституционного Суда к конкретной правовой норме, составляющей предмет запроса. Главным в этом случае является ответ на вопрос о конституционности рассматриваемой Конституционным Судом нормы. Вместе с тем правовая позиция — это не только итоговый вывод, содержащийся в резолютивной части решения

Конституционного Суда. Мотивировочная часть решения нередко содержит не менее важные правовые позиции, усиливающие значение решений как источников права. Более того, без глубокого проникновения в содержание мотивировочной части решения Суда невозможно адекватное реальному значению понимание конституционно-правовых выводов, содержащихся в резолютивной части.

Правовые позиции Конституционного Суда есть результат истолкования конкретных положений законодательства, итог выявления конституционного смысла рассматриваемых положений в пределах компетенции Конституционного Суда. Тем самым обеспечивается своего рода «конституционная доводка» норм российского законодательства без дисквалификации, признания неконституционной той или иной нормы, но при этом преодолевается ее конституционно-правовая неопределенность. В конечном счете это *специфическая форма правотворческой деятельности* Конституционного Суда РФ, так как с помощью конституционного истолкования: а) уточняется нормативное содержание статьи закона; б) преодолевается коллизия между несколькими нормами путем поиска баланса содержащихся в них конкурирующих конституционных ценностей; в) выявляются системные, иерархические связи и зависимости между отдельными нормами правовых институтов конкретной отрасли права; г) придается новое, современное содержание норме «доконституционного» закона и т. д.

Важно обратить внимание также на *общий характер правовых позиций* Конституционного Суда. Ценность этого свойства правовых позиций Конституционного Суда определяется не только тем, что они распространяются на всех субъектов права на всей территории России, — это универсальная характеристика всех социальных, в том числе правовых, явлений, имеющих не индивидуализированную, адресную направленность своего воздействия, а общий характер. Наряду с данным прояв-

лением общности (или — что несколько иное, но также относится к данной характеристике — обобщенности) ценность правовой позиции Конституционного Суда, как имеющей общий характер, раскрывается еще и в том плане, что она распространяется не только на тот конкретный случай, который стал предметом рассмотрения в Конституционном Суде, но и на все аналогичные случаи, имеющие место в правовой практике. Внешне это сближает правовую позицию Конституционного Суда с судебным прецедентом. Но это лишь внешнее сходство, если иметь в виду, что под «аналогичными случаями» в конституционном правосудии имеются в виду аналогичные правовые нормы, получившие оценку в рамках правовой позиции Конституционного Суда. Так, признание неконституционной нормы закона одного субъекта РФ распространяется на аналогичные нормы регионального законодательства всех других субъектов Федерации.

При этом само содержание решений Конституционного Суда РФ, сформулированные в них правовые позиции служат критерием для установления того, воспроизводится ли в тех или иных нормах положение, признанное неконституционным, являются ли данные нормы такими же либо основанными на этом положении и, следовательно, насколько они тождественны, аналогичны, идентичны или подобны, чтобы рассматривать их в качестве воспроизводящих положения, признанные неконституционными, или являющихся такими же, исходя из оценки аналогичности (идентичности) соответствующих норм с использованием известных методов толкования — телеологического, систематического, исторического, логического и др.¹

Если возникнет сомнение, насколько соответствующую норму права можно рассматривать как аналогичную признанной неконституционной, этот вопрос может быть

¹ См.: Определение КС РФ от 6 декабря 2001 г. №249-0 // СЗ РФ. 2002. №4. Ст. 374.

решен в суде общей юрисдикции. Однако суд общей юрисдикции, признав норму закона аналогичной той, которая является неконституционной, может признать ее лишь недействующей, что не влечет дисквалификации этой нормы, она в этом случае не может применяться, но сохраняет свое «присутствие» в правовой системе; недействительной же, т. е. утратившей юридическую силу, эта норма может быть признана лишь Конституционным Судом РФ. Эта правовая позиция, заключающаяся в том, что утрата законом юридической силы возможна лишь в результате признания его неконституционным (кроме решения об этом самого законодательного органа) была выражена в Постановлении Конституционного Суда РФ от 11 апреля 2000 г. по делу о проверке конституционности отдельных положений п. 2 ст. 1, п. 1 ст. 21 и п. 3 ст. 22 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». В связи с этим имели место случаи, когда суды общей юрисдикции и арбитражные суды, приходя в процессе судебного разбирательства к выводу о том, что оспариваемые нормы аналогичны ранее признанным Конституционным Судом РФ не соответствующими Конституции РФ, приостанавливали производство и обращались с запросом в Конституционный Суд РФ в целях их дисквалификации¹.

Соответственно представленным подходом возможно дать и самоопределение понятия правовых позиций Конституционного Суда как получающих обоснование в процедуре конституционного правосудия нормативно-доктринальных выводов, установок и оценок по вопросам права в рамках решения Конституционного Суда, принятого по итогам рассмотрения конкретного дела.

Правовая позиция Конституционного Суда может быть сформулирована как в постановлении, так и в определении данного органа. Причем речь идет — и это под-

¹ См., напр.: Определение КС РФ от 2 ноября 2000 г. №236-0 // СЗ РФ. 2001. №2. Ст. 214.

тверждается практикой конституционного правосудия — не только о так называемых определениях с «позитивным» содержанием (базирующихся на ранее выработанной Судом правовой позиции), но и о чисто «отказных» определениях. Приходится лишь сожалеть, что на практике, в том числе в работе общеюрисдикционных и арбитражных судов, это не всегда последовательно воспринимается, в связи с чем Конституционному Суду порой приходится рассматривать повторные жалобы, связанные фактически с неисполнением ранее принятого конституционно-судебного решения¹.

3.3. АКТЫ КОНКРЕТНОГО И АБСТРАКТНОГО НОРМОКОНТРОЛЯ В ЦЕННОСТНОМ ИЗМЕРЕНИИ: СООТНОШЕНИЕ ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ НАЧАЛ

Конституционная ценность актов конституционного правосудия определяется не только природой самих по себе решений Конституционного Суда РФ, но и особенностями конкретного и абстрактного конституционно-судебного контроля.

Абстрактный нормоконтроль связан с проверкой конституционности нормативных актов при наличии обоснованного предположения уполномоченного лица о наличии противоречия между нормативным актом и Конституцией, т.е. безотносительно к конкретному делу (спору), в котором этот нормативный акт применен или подлежит применению. В свою очередь, конкретный нормоконтроль возникает как следствие нарушения конституционных прав и свобод законом, примененным в конкретном деле юрисдикционным органом (в условиях действующе-

¹ См., напр.: Определения КС РФ: от 1 ноября 2007 г. №827-О-П // СЗ РФ. 2007. №53. Ст. 6675; от 7 декабря 2006 г. №542-0 // СЗ РФ. 2007. №10. Ст. 1260; от 17 января 2012 г. №147-О-О // Архив КС РФ. 2012; от 4 июня 2013 г. №874-О // Архив КС РФ. 2013.

го российского законодательства — непременно судом). Следовательно, ценность абстрактного контроля связана с его ориентацией преимущественно на защиту общих интересов, он открывает наиболее широкие возможности для осуществления конституционно-судебной проверочной деятельности, вовлекает Конституционный Суд РФ в процесс становления и развития суверенной демократической государственности. Основная ценность же конкретного нормоконтроля определяется возможностями защиты и восстановления нарушенных конституционных прав и свобод заявителя. Однако следует учитывать, что такое ценностное различие абстрактного и конкретного нормоконтроля во многом условно, поскольку каждый из этих видов конституционно-судебной контрольной деятельности характеризуется определенным сочетанием в ней частных и публичных начал. И соответственно в рамках конкретного нормоконтроля, реализуемого через конституционную жалобу, присутствуют и вполне определенным образом проявляются цели, свойства, выходящие за пределы собственно индивидуальных интересов заявителя, т.е. имеющие публично-правовое значение. Выявление оснований и пределов соотношения частных и публичных начал в институтах конституционного нормоконтроля можно продемонстрировать на примере наиболее активно развивающегося и имеющего основополагающее значение для конституционного правосудия конкретного нормоконтроля. Это предполагает прежде всего необходимость осмысления сущности, содержания, закономерностей и тенденций развития института конституционной жалобы.

С институтом конституционной жалобы связаны достаточно важные процессы современного развития российского конституционного правосудия, в том числе касающиеся изменений в соотношении публичных и частных начал не только самого по себе института индивидуальной жалобы, но и конституционного правосудия в целом.

Об этом можно судить, в том числе, на фоне весьма заметного количественного роста конституционных жалоб. Если до недавнего времени, в частности в так называемый «московский период» деятельности Конституционного Суда РФ (до мая 2008 г., когда Суд поменял место своего постоянного пребывания), количество конституционных жалоб составляло около 12 тыс. в год, то на нынешнем, «санкт-петербургском этапе», их стало в среднем более 18 тыс. в год.

Отмеченный рост индивидуальных жалоб не является изолированным процессом; он напрямую сопряжен с другой, не менее значимой, но вряд ли позитивной тенденцией — с существенным уменьшением количества обращений в Конституционный Суд РФ в порядке абстрактного нормоконтроля. Достаточно сказать, что в 2012 г., одном из рекордных по числу конституционных жалоб, в Конституционный Суд РФ поступило лишь 6 абстрактных конституционных запросов (в основном от высших государственных органов субъектов РФ), правда по четырем из них конституционно-судебные процедуры завершились принятием итоговых решений с проведением публичных слушаний (в виде постановлений)¹.

В этих новых для конституционного правосудия условиях происходят также качественные изменения института конституционной жалобы: сохраняя характеристики индивидуального нормоконтроля, он объективно приобретает дополнительное публично-правовое звучание. Благодаря этому данный институт как бы вырабатывает в своем нормативном содержании, своего рода, компенсаторные механизмы, с помощью которых восполняется (в

¹ См. Постановления КС РФ: от 18 июля 2012 года №19-П // СЗ РФ. 2012. №31. Ст. 4470 (принято по запросу Законодательного Собрания Ростовской области); от 15 ноября 2012 года №26-П // СЗ РФ. 2012. №48. Ст. 6744 (принято по запросу Законодательного Собрания Камчатского края); от 24 декабря 2012 года №32-П // СЗ РФ. 2012. №53 (ч. 2). Ст. 8062 (принято по запросу группы депутатов Государственной Думы); от 27 декабря 2012 года №34-П // СЗ РФ. 2013. №1. Ст. 78 (принято по запросу группы депутатов Государственной Думы).

определенной мере) недостаток обращений в порядке абстрактного нормоконтроля, т.е. фактически расширяют функции индивидуальной жалобы. Однако, очевидно, что институт конституционной жалобы, опирающийся на нормативную правовую модель, закрепленную в Конституции РФ, не может развиваться под воздействием практики в сторону искажения его конституционной природы. В этих условиях важно установить пределы возможного использования конституционной жалобы в целях разрешения вопросов, выходящих за рамки собственно защиты индивидуальных конституционных прав заявителя по конкретному делу, и определиться, может ли конституционная жалоба приобретать, в конечном счете, такое значение, когда публичные начала могут превалировать в ней над частными.

При решении этой проблемы, вероятно, не лишним будет вспомнить, что еще Солон, формируя судебные механизмы афинской демократии, придавал определяющее значение тому, чтобы посягательства на права и свободы конкретного человека рассматривались не как «обида» частному лицу, а как посягательство на интересы общества в целом. В этом плане необходимо отметить, что Конституционный Суд РФ, хотя он и связан определенным образом при рассмотрении конкретной конституционной жалобы ее предметом и содержанием, тем не менее, Суд проверяет в порядке конституционного нормоконтроля подвергнутое сомнению в конституционности законоположение, что, по сути, отражает не только частный, но и публичный интерес. Подтверждением этого является, в частности, и тот факт, что Конституционный Суд оценивает в рамках конкретного нормоконтроля проверяемую норму на соответствие не только букве, но и духу Конституции, ее конституционным ценностям, целям, принципам, которые имеют отчетливо выраженное публично-правовое значение.

Более того, сама природа защищаемых на основе индивидуальных жалоб прав и свобод содержит возможности

для использования, своего рода, компенсаторных механизмов дефицита по соответствующим вопросам обращений в порядке абстрактного нормоконтроля. Речь идет о том, что усиление публичных начал в институте конституционной жалобы основано, прежде всего, на особенностях сочетания индивидуально-личностных (субъективных) и публично-правовых начал в самих по себе конституционных правах и свободах человека и гражданина.

По своей юридической природе конституционные права носят, как известно, не только всеобщий, но и нормативно-обобщенный характер, воплощают взаимосвязь личных и публичных интересов, как правило, на высшем уровне положения личности — в ее взаимоотношениях с обществом и государством в целом. Это предполагает, что меры защиты конституционных прав конкретного заявителя, реализуемые в порядке конституционно-судебного контроля, направлены на преодоление деформации в нормативном содержании закона, распространяющегося на неопределенно-широкий круг лиц, которые являются субъектами конституционного правопользования. Так, например, Конституционный Суд РФ в одном из недавних решений, принятом по жалобам отдельных граждан, выявил конституционно-правовой смысл положений Федерального закона «О государственной гражданской службе Российской Федерации», ограничивавших возможности государственных служащих на публичное выражение своего мнения, суждения, оценки, в том числе в средствах массовой информации, в отношении деятельности государственных органов, их руководителей¹. Это важное решение Конституционного Суда РФ, гарантирующее право на публичную критику и укладываемое в комплекс мер по противодействию проявлениям коррупции в государственном аппарате, напрямую касается более 1 млн человек, занятых в сфере государственной службы. В этом плане

¹ См.: Постановление КС РФ от 30 июня 2011 г. №14-П // СЗ РФ. 2011. №28. Ст. 4261.

защита прав и свобод в порядке рассмотрения индивидуальной жалобы способствует, в том числе, укреплению демократических основ российской государственности, что позволяет оценить сам по себе институт индивидуальной жалобы в качестве важного фактора не только гарантирования прав и свобод граждан, но и охраны основ конституционного строя РФ. Поэтому проблема сочетания в институте конституционной жалобы частных и публичных начал имеет ярко выраженное онтологическое, практико-прикладное значение.

При этом важно учитывать, что Конституционный Суд РФ не только применяет соответствующий институт в своей практике, но и выявляет его сущностные характеристики, а также обеспечивает их определенное преобразование в условиях модернизации конституционного правосудия и национальной правовой системы в целом. Вполне естественно, что Конституционный Суд РФ реагирует на новые социально-политические условия и изменяющиеся тенденции в развитии института конституционной жалобы значительно более оперативно, чем законодатель, что проявляется и в изменениях — в том числе под влиянием практики правосудия — соотношения частных и публичных начал в данном институте.

В ряду основных, наиболее важных правовых позиций Конституционного Суда РФ, оказавших заметное влияние на институт конституционной жалобы и на усиление публичных начал в данном институте, можно выделить, прежде всего те, которые были связаны, *во-первых*, с обоснованием возможности защиты посредством конституционной жалобы не только субъективно-личностных (индивидуальных), но и коллективных прав; *во-вторых*, с существенным расширением признаваемых Судом надлежащими субъектов конституционной жалобы, имея в виду, прежде всего, коллективные (социально-политические, предпринимательские, муниципальные и т.п.) формирования; *в-третьих*, с конкретизацией и уточнением вытекающих из законодательного регулирования критериев допустимо-

сти конституционной жалобы; *в-четвертых*, с «доводкой» установленных, но не всегда эффективно работающих механизмов исполнения принятых по итогам рассмотрения конституционных жалоб решений Конституционного Суда РФ (с учетом особенностей их природы) всеми ветвями власти.

В чем это проявляется, если иметь в виду более конкретные характеристики соответствующих направлений влияния правовых позиций КС РФ на усиление публичных начал в институте конституционной жалобы?

При том, что как в Конституции РФ (ст. 125), так и в ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» содержится самая общая формула, определяющая возможность конституционно-судебной защиты прав и свобод граждан, самой практикой конституционного правосудия выработаны подходы, в соответствии с которыми *конституционные права выступают объектом конституционно-судебной защиты как в индивидуально-личностном, так и коллективном проявлениях*, т.е. — и как права человека и гражданина, и как коллективные конституционные права. При этом субъективно-личностные и коллективно-публичные аспекты находятся в тесной внутренней взаимосвязи. В результате, как это вытекает из правовых позиций Конституционного Суда РФ, с одной стороны, члены объединения (социальной общности) могут обращаться в защиту конституционных прав объединения, а, с другой, объединения вправе выступать в защиту интересов своих членов.

Так, именно Конституционный Суд РФ обосновал допустимость защиты посредством индивидуальной жалобы *права на осуществление местного самоуправления*, субъектом которого является население муниципального образования (местное сообщество) и которое реализуется путем референдума, выборов, иных форм прямого волеизъявления, через выборные и другие органы самоуправления¹. Это

¹ См. Постановления КС РФ: от 30 ноября 2000 г. №15-П // СЗ РФ. 2000. №50. Ст. 4943; от 2 апреля 2002 г. №7-П // СЗ РФ. 2002. №14. Ст. 1374; от 7 июля 2011 г. №15-П // СЗ РФ. 2011. №29. Ст. 4557.

право является коллективным, однако, граждане вправе участвовать — непосредственно или через своих представителей — в осуществлении публичной власти в рамках муниципального образования, вследствие чего в нормативном содержании права на осуществление местного самоуправления воплощается как общий интерес местного населения, так и индивидуальный интерес каждого члена местного сообщества. Поэтому гражданин может обращаться в Конституционный Суд РФ в защиту прав всего местного сообщества как права на осуществление местного самоуправления. Публичные начала и, более того, неизбежные вкрапления элементов абстрактного нормоконтроля в институте конституционной жалобы в этом случае налицо.

Взаимосвязь индивидуальных и коллективных начал и, соответственно, частных и публичных интересов прослеживается также в *конституционных избирательных правах*. Как неоднократно указывал в своих решениях Конституционный Суд РФ, избирательные права, выступая в качестве элемента конституционного статуса избирателя, в то же время являются элементом публично-правового института выборов, в них воплощаются как личный интерес каждого конкретного избирателя, так и публичный интерес, реализующийся в объективных итогах выборов и формировании на этой основе органов публичной власти¹. Это означает, что рассмотрение Конституционным Судом РФ дел по жалобам граждан в защиту избирательных прав объективно выходит на уровень анализа важнейших публично-правовых институтов и затрагивает вопросы, связанные с высшими конституционными принципами устройства государства. Примечательно в этом плане, что именно в связи с конституционной жалобой граждан на нарушение их конституционного права избирать и быть избранными и права на судебную защиту были признаны не соответствующими Конституции РФ ряд

¹ См., напр.: Постановление КС РФ от 29 ноября 2004 г. №17-П // СЗ РФ. 2004. №49. Ст. 4948; Определение КС РФ от 4 декабря 2007 г. №797-О-О // СЗ РФ. 2007. №52. Ст. 6533.

законоположений избирательного и гражданского процессуального законодательства, которые, закрепляя право избирателей на обращение в суд за защитой своих избирательных прав, вместе с тем в силу неопределенности нормативного содержания в отношении субъектов, порядка и условий обращения в суд в связи с обжалованием итогов голосования — по смыслу, придаваемому им сложившейся правоприменительной практикой, — исключали для граждан, принимавших участие в выборах в качестве избирателей, возможность обжалования решений и действий (бездействия) избирательных комиссий, связанных с установлением итогов голосования на том избирательном участке, на котором эти граждане принимали участие в выборах (Постановление Конституционного Суда РФ от 22 апреля 2013 года №8-П).

Здесь же уместно обратить внимание на возможности конституционно-судебной защиты посредством института конституционной жалобы *прав национальных меньшинств*. В условиях российского законодательства реализации права этнической общности на национально-культурную автономию сопутствует реализация права отдельных лиц, относящихся к таким общностям, создавать и регистрировать в соответствии с законодательством РФ общественные объединения. Тем самым право на национально-культурную автономию, совместно реализуемое гражданами РФ, относящими себя к соответствующей этнической общности, связано с правом на объединение в его индивидуальном аспекте, которое осуществляется каждым непосредственно через общественное объединение, пользующееся установленными законодательством РФ правами. Отсюда ясно, что защита средствами конституционного правосудия права лиц, относящих себя к национальному меньшинству, на объединение в его индивидуальном проявлении (по жалобе гражданина) будет означать и защиту соответствующих коллективных прав и интересов данной этносоциальной группы. Соответствующие вопросы были предметом оценки, в частности, при

выработке Конституционным Судом РФ Постановления от 3 марта 2004 г. №5-П¹.

Признание коллективных конституционных прав объектом конституционно-судебной защиты в рамках института конституционной жалобы отражается на *субъектном составе носителей права на обращение в Конституционный Суд РФ*, к которым, наряду с индивидуальными субъектами, относятся также коллективные субъекты конституционного обращения, что также усиливает элементы публичности в институте конституционной жалобы.

Говоря о субъектном составе носителей права на конституционную жалобу в аспекте соотношения в этом институте частных и публичных начал, следует отметить прежде всего то обстоятельство, что по смыслу положений ч. 4 ст. 125 Конституции РФ и ст. 96 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», граждане могут обращаться в Конституционный Суд РФ как с индивидуальной, так и с совместной (коллективной) жалобой. Это находит подтверждение в практике конституционного правосудия, когда в Конституционный Суд РФ поступают обращения в форме своего рода коллективных петиций.

Так, в 2003 году получила конституционно-правовое разрешение коллективная жалоба, поданная от имени 97(!) заявителей об оспаривании абз. 1 п. 7 ст. 84 Налогового кодекса РФ². В начале 2004 года Конституционным Судом РФ было принято решение по нескольким коллективным жалобам граждан-акционеров ряда акционерных обществ о проверке конституционности положений ст. 74 и 77 ФЗ «Об акционерных обществах», регламентирующих вопросы, связанные с проведением акционерными обществами консолидации акций³. В апреле 2011 года Конституционный Суд РФ принял решение по коллективной жалобе ряда граждан на на-

¹ См.: СЗ РФ. 2004. №11. Ст. 1033.

² См.: Определение КС РФ от 10 июля 2003 г. № 287-О // ВКС РФ. 2003. №6.

³ См.: Постановление КС РФ от 24 февраля 2004 г. № 3-П // СЗ РФ. 2004. № 9. Ст. 830.

рушение их конституционных прав положениями п. 16 ст. 38 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»¹.

Важное значение с точки зрения уяснения соотношения частных и публичных начал в институте конституционной жалобы имеет то обстоятельство, что субъектами права на обращение в Конституционный Суд РФ в конституционно-судебной практике признаются не только группы, но и объединения граждан. Они выступают своего рода институциональной формой воплощения общего интереса их участников и по своим целям вписываются в процесс реализации публичных целей.

Истолковывая положения Конституции РФ и ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», касающиеся критериев допустимости конституционной жалобы по субъектному составу, Конституционный Суд РФ изначально взял курс на максимально широкое понимание содержащегося в соответствующих законоположениях понятия «объединение граждан», с тем, чтобы обеспечить как можно более полную защиту конституционных прав коллективных субъектов конституционного правопользования².

В Постановлении от 24 октября 1996 г. №17-П Конституционный Суд РФ, рассмотрев жалобы *товариществ с ограниченной ответственностью*³, пришел к выводу о возможности признания их в качестве допустимых, указав при этом, что заявители по своей сути являются объ-

¹ См.: Определение КС РФ от 12 апреля 2011 г. №434-О-О // Архив КС РФ. 2011.

² Следует отметить, что не всеми активная позиция КС РФ по данному вопросу оценивается положительно. Есть мнение, что ч. 4 ст. 125 Конституции РФ устанавливает исчерпывающий перечень субъектов, обладающих правом на обращение с запросом (все суды Российской Федерации) и жалобой (все индивидуальные и коллективные частные субъекты права) о нарушении конституционных прав и свобод человека. См.: *Абросимова Е.* Проблемы свободного доступа к правосудию в Российской Федерации // Конституционное право: восточно-европейское обозрение. 2001. №3. С. 174.

³ См.: Постановление КС РФ от 24 октября 1996 г. №17-П // СЗ РФ. 1996. №45. Ст. 5202.

единениями — юридическими лицами, которые созданы гражданами для совместной реализации конституционных прав, нарушение которых, в свою очередь, служит основанием для обращения за их защитой в Конституционный Суд РФ. Данная правовая позиция получила свое развитие в Постановлении от 12 октября 1998 г. № 24-П¹, в котором Суд дальше расширил категорию «объединение граждан», включив в нее, в том числе *акционерные общества и государственные унитарные предприятия*.

Конституционный Суд РФ в качестве допустимых рассматриваются жалобы, поступающие и от некоммерческих объединений, включая *религиозные, правозащитные и иные общественные объединения*. Особым субъектом обращения в Конституционный Суд РФ является *население муниципального образования*, представляющее собой коллективного носителя права на осуществление местного самоуправления и, соответственно, располагающее возможностью защищать гарантируемые Конституцией РФ права и свободы, связанные с осуществлением местным сообществом самостоятельной и под свою ответственность деятельности по решению вопросов местного значения в рамках судебной процедуры, включающей и конституционное судопроизводство. Не имея прямого законодательного закрепления, это положение получило свое обоснование в виде имеющей общеобязательное значение правовой позиции Конституционного Суда (Постановление от 2 апреля 2002 года №7-П).

Все названные объединения могут обращаться в Конституционный Суд РФ независимо от наличия у них статуса юридического лица. Во всех случаях они правомочны использовать конституционную жалобу как в защиту основных прав своих членов, так и в защиту данных прав самого объединения². Соответственно можно выделить

¹ См.: Постановление КС РФ от 12 октября 1998 г. № 24-П // СЗ РФ. 1998. №42. Ст. 5211.

² См.: Определение КС РФ от 4 декабря 1995 г. №113-О // Архив КС РФ. 1995.

такие конституционные жалобы с преобладающим публичным элементом и, напротив, судебные запросы с преобладающим частным элементом.

К первым можно отнести, например, разрешенные Конституционным Судом РФ жалобы ряда коммерческих организаций на нарушение их конституционных прав отдельными положениями арбитражного процессуального законодательства, регулирующими порядок пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам, в их истолковании Высшим Арбитражным Судом РФ¹. Заявители исходили из того, что Высший Арбитражный Суд РФ, разъяснивший в своем постановлении порядок применения оспариваемых законоположений, сформировал не предусмотренный законом механизм пересмотра судебных актов. Фактически заявители настаивали на том, чтобы Конституционный Суд РФ сформулировал конституционно-правовую оценку внедрения Высшим Арбитражным Судом РФ прецедентных начал в судебно-арбитражную систему, и по своему содержанию и духу их конституционные обращения выходили за рамки защиты собственных правовых интересов. Итогом рассмотрения соответствующих обращений стало принятие Конституционным Судом РФ важнейшего решения, касающегося дальнейшего развития российской судебной и правовой систем. Конституционный Суд РФ признал за Высшим Арбитражным Судом РФ право давать на основе обобщения судебной практики абстрактное толкование применяемых арбитражными судами норм права и формировать соответствующие правовые позиции, а также признал возможным осуществление пересмотра решений арбитражных судов, принятых вопреки правовым позициям Высшего Арбитражного Суда РФ. Тем самым Конституционный Суд РФ по существу произвел на основе инди-

¹ См.: Постановление КС РФ от 21 января 2010 г. №1-П // СЗ РФ. 2010. №6. Ст. 699.

видуальной жалобы конституционализацию судебного прецедента и судебного правотворчества, установив при этом их конституционно приемлемые параметры.

Наряду с правомочием гражданина или объединения обращаться в Конституционный Суд РФ с конституционной жалобой непосредственно, ч. 4 ст. 125 Конституции РФ предусматривает и косвенную (опосредованную) форму защиты гражданином нарушенных законом прав и свобод, а именно — через *конституционный запрос соответствующего судебного органа*, на рассмотрении которого находится дело гражданина (объединения граждан). Эта форма заключается в обязанности суда любого вида юрисдикции и любой инстанции в случае, если при рассмотрении конкретного дела суд придет к выводу о несоответствии Конституции РФ закона, примененного в указанном деле, приостановить разбирательство и обратиться в КС РФ с запросом о проверке конституционности данного закона (ст. 101–103 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ, абз.6 ст. 215 и абз. 5 ст. 217 ГПК РФ, ч. 3 ст. 13 и п. 1 ч. 1 ст. 143 АПК РФ). При этом суд может направить запрос в КС РФ как по собственной инициативе, так и по ходатайству заинтересованного лица. Однако вне зависимости от того, связано направление запроса с активностью одной из сторон по делу или же это проявление самостоятельной инициативы суда, по своей правовой природе такой запрос представляет опосредованную конституционную жалобу. Это объясняется, в частности, тем, что регулирование непосредственной конституционной жалобы и судебного запроса в Конституционный Суд РФ содержится в рамках одной и той же нормы Конституции РФ (ч. 4 ст. 125), что свидетельствует об их сущностном единстве с точки зрения конституционного законодателя. В то же время предпосылкой допустимости судебного запроса является реальная возможность применения оспариваемого закона в конкретном деле. Поэтому ходатайство перед судом о направлении запроса в Конституционный Суд РФ может рассматриваться в качестве специфической процес-

суальной формы возбуждения процедуры конституционной защиты прав и свобод конкретного лица, а инициативный запрос суда — как выражение правозащитной функции правосудия и помощи конкретному лицу защитить его права и свободы в наиболее полном объеме.

Как и непосредственная конституционная жалоба, судебный запрос в Конституционный Суд РФ имеет в качестве своего сущностного наполнения определенное сочетание частного и публичного элементов, каждый из которых получает большее или меньшее содержательное наполнение в зависимости от конкретных обстоятельств дела. Из этого непосредственно вытекает внутреннее единство индивидуальной и судебной процедур инициирования конституционного судопроизводства, заключающееся в сбалансированности механизма конституционно-судебной защиты прав и свобод конкретного индивида, а также иных субъектов, подпадающих под действие оспариваемой нормы, и, таким образом, отражающее оптимальный баланс частных и публичных интересов.

Запросы судов также могут быть с преобладающими началами как частных, так и публичных интересов. Применительно к *запросам судов с преобладающим частным элементом* следует заметить, что большинство судебных обращений в КС РФ необходимо отнести именно к данной категории по причине возбуждения судебной процедуры защиты прав самими гражданами. Вместе с тем существуют и *судебные запросы с отчетливо выраженным публичным интересом*. Ярким примером служит ходатайство Президиума Верховного Суда РФ о разъяснении решения Конституционного Суда РФ, касающегося применения наказания в виде смертной казни¹. Конституционный Суд РФ по итогам рассмотрения данного обращения принял содержательное определение с достаточно высоким удельным весом положений, которые

¹ См.: Определение КС РФ от 19 ноября 2009 г. №1344-О-П // СЗ РФ. 2009. №48. Ст. 5867.

вряд ли могут вписаться — при ортодоксальном подходе к данному вопросу — в классические представления об индивидуальной жалобе и конкретном нормоконтроле.

Для правильного понимания параметров сочетания частных и публичных интересов в институте конституционной жалобы важное значение имеет уяснение критериев допустимости обращения гражданина в Конституционный Суд РФ, которые не только отражают необходимые юридические условия для признания обращения приемлемым, но и раскрывают правовые основания и цели инициирования процедур судебно-конституционного контроля.

Согласно положениям ч. 4 ст. 125 Конституции РФ и ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» (глава XII), гражданин вправе обратиться в Конституционный Суд РФ, если его конституционные права нарушены законом, примененным в конкретном деле. Раскрывая в своей практике смысл соответствующих нормативных положений, Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что гражданин вправе обратиться с жалобой на нарушение своих конституционных прав и свобод законом и такая жалоба признается допустимой, если оспариваемым законом, примененным в деле заявителя, затрагиваются его конституционные права, а восстановление нарушенных прав осуществимо лишь посредством конституционного судопроизводства¹; по жалобам граждан на нарушение конституционных прав и свобод Конституционный Суд РФ устанавливает соответствие закона, примененного в конкретном деле, только положениям Конституции РФ, а не другим законам и иным нормативным актам². В другом Определении (от 18 апреля 2000 г. №58-О) Конституционный Суд РФ констатировал, что если заявитель сам не являлся лицом, участвующим в деле, в отношении которого совершались предусмотренные обжалованной нормой

¹ См.: Определение КС РФ от 6 марта 2001 г. №59-О // ВКС РФ. 2001. №4.

² См.: Определение КС РФ от 18 апреля 2000 г. №58-О // СЗ РФ. 2000. №21. Ст. 2257.

процессуальные действия, и не представлено документов, которые подтверждали бы его полномочие обратиться с жалобой в Конституционный Суд РФ от имени субъекта, выступавшего в качестве стороны в процессе, его жалоба должна квалифицироваться как исходящая от ненадлежащего лица. Из приведенных нормативных положений и правовых позиций Конституционного Суда РФ следует, что для признания конституционной жалобы гражданина допустимой одинаково важным является как наличие конкретного дела, в котором нарушены конституционные права соответствующего лица (т.е. его частные интересы), так и то, что такое нарушение вызвано применением к лицу нормы права, содержащей неопределенность с точки зрения ее соответствия требованиям Конституции РФ. Поскольку же эта норма по своей природе имеет универсальный характер и всеобщий масштаб действия, она затрагивает интересы неопределенного круга лиц, а вопрос о сохранении ее действия и порядке применения выходит на уровень проблематики надлежащего устройства и функционирования правовой системы, т.е. в целом образует проблему публично значимого характера.

При этом понятие «закон» Конституционный Суд РФ толкует расширительно, рассматривает его не в строго формальном, а и в материальном смысле. В соответствии с этим под законом понимаются не только федеральные законы, но и федеральные конституционные законы, конституции и уставы, а также законы субъектов РФ, нормативные указы Президента РФ, постановления Верховного Совета СССР и РСФСР, постановления СНК СССР. Однако, все эти акты «приравняются» к закону (в целях конституционного судопроизводства) только в тех случаях, когда они фактически выполняют роль закона. Так, в Постановлении от 27 января 2004 г. №1-П Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что в случае если правовое регулирование прав и свобод человека и гражданина осуществляется не непосредственно федеральным законом,

а постановлением Правительства РФ, причем именно в силу прямого предписания данного закона, на основании и во исполнение которого оно издано и который оно конкретизирует, тем самым предопределяя практику его исполнения, проверка конституционности такого закона, выявление его конституционно-правового смысла не могут быть осуществлены без учета смысла, приданного ему актом Правительства РФ; при этом Конституционный Суд РФ разрешается вопрос о соответствии Конституции РФ как самого закона, так и постановления Правительства РФ, без применения которого невозможно и применение закона; следовательно, если имеет место прямая нормативная связь постановления Правительства РФ федеральным законом и если эти акты применены или подлежат применению в конкретном деле в неразрывном единстве, Конституционный Суд РФ может признать допустимой жалобу гражданина на нарушение конституционных прав и свобод, в которых оспаривается конституционность как федерального закона, так и нормативного акта Правительства РФ¹.

Расширяя предметный объем конституционно-судебного нормоконтроля, Конституционный Суд РФ тем самым не только усиливает гарантии конституционных прав граждан, но и усиливает возможности защиты публичных интересов. При этом публично значимые характеристики нормативных актов, подведомственных Конституционному Суду РФ, как бы переносятся на институт конституционной жалобы, которая позволяет устранить из правовой системы все более широкий массив конституционно дефектных нормативно-правовых положений.

Недавно законодательное регулирование института конституционной жалобы, а также связанного с ним порядка конституционного судопроизводства претерпело

¹ См.: Постановление КС РФ от 27 января 2004 г. №1-П // СЗ РФ. 2004. №5. Ст. 403.

существенные изменения¹. Согласно поправкам, с момента их вступления в силу (9 февраля 2011 г.) граждане и объединения могут обратиться в Конституционный Суд РФ лишь в том случае, если оспариваемые ими законоположения применены в конкретном деле, рассмотрение которого завершено в суде (ст. 97 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»), что предполагает для заинтересованных лиц необходимость первоначально искать защиты своих прав в обычном судебном порядке и лишь затем инициировать процедуру конституционно-судебного контроля. В то же время полномочия по направлению запроса в Конституционный Суд РФ со стороны судов связываются только с теми случаями, когда сомнения в неконституционности у суда вызывает норма, подлежащая применению в конкретном деле (ст. 102 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ»). Это означает, что при наличии сомнений в конституционности нормы, подлежащей применению для разрешения конкретного дела, суд общей юрисдикции или арбитражный суд обязан приостановить разбирательство и обратиться с соответствующим запросом в Конституционный Суд РФ, однако он не вправе направлять такой запрос в том случае, если, несмотря на возникшие у него сомнения в конституционной дефектности законоположения, он применил его, положив в основу принятого решения. Вместе с тем механизм конституционного правосудия дополнен институтом так называемого «письменного» судопроизводства, при котором конституционная жалоба (запрос суда) в случае принятия его к рассмотрению разрешается без проведения публичного слушания в ускоренном порядке.

Эти и иные внесенные в правовое регулирование конституционного судопроизводства законодательные изменения свидетельствуют в том числе о стремлении за-

¹ См.: ФКЗ от 3 ноября 2010 г. №7-ФКЗ «О внесении изменений в ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010. №45. Ст. 5742.

конодателя повысить удельный вес публично-правовых начал в институте конституционной жалобы, связав ее именно и только с теми случаями нарушения конституционных прав, которые не устранимы в ином ординарном судебном порядке и образуют существенную, системную проблему публично-правового характера. Вместе с тем практическая реализация этих и иных изменений (в числе которых — и упразднение палат Конституционного Суда РФ), как представляется, не должна приводить к уменьшению возможностей конституционно-судебной защиты прав граждан в сравнении с ранее достигнутым уровнем, а цели процессуальной экономии не должны противопоставляться задачам защиты конституционных прав.

Взаимосвязь и сочетание частных и публичных интересов (начал), характерные для института конституционной жалобы, пронизывают все его нормативное содержание, охватывают собой все стадии его реализации и оказывают определенное воздействие на характер и содержание решений Конституционного Суда РФ, принимаемых по итогам рассмотрения конституционных обращений граждан и объединений. Это не случайно, если иметь в виду, что само конституционное право на судебную защиту включает в свое нормативное содержание не только правомочие на обращение в суд, но и право на вынесение справедливого решения, а также право на исполнение этого решения в полном объеме и в установленный срок.

Как следует из взаимосвязанных положений ст. 71, 75 и гл. XII ФКЗ «О Конституционном Суде РФ», Конституционный Суд РФ по итогам рассмотрения жалобы на нарушение законом конституционных прав и свобод граждан принимает решение о том, соответствует ли оспариваемое законоположение Конституции РФ и одновременно, в случае признания оспариваемой нормы неконституционной, указывает на необходимость пересмотра дела в отношении заявителя, который производится компетент-

ным органом в обычном порядке. Юридическим последствием решения Конституционного Суда РФ о признании неконституционным нормативного правового акта или его отдельных положений, в том числе с учетом смысла, который им придан сложившейся правоприменительной практикой, является утрата соответствующими правовыми актами юридической силы (ч. 6 ст. 125 Конституции РФ). Это означает, что с момента вступления в силу решения Конституционного Суда РФ такие акты не могут применяться и реализовываться какими-либо субъектами права, правоприменительными, в том числе судебными, органами: акт, признанный неконституционным, является недействительным и, стало быть, недействующим. В соответствии со ст. 80 ФКЗ «О Конституционном Суде РФ» признание нормативного акта не соответствующим Конституции РФ полностью или частично либо вытекающая из решения Конституционного Суда РФ необходимость устранения пробела в правовом регулировании обязывают соответствующие компетентные органы внести требуемые изменения в законодательство.

Таким образом, *принятие Конституционным Судом РФ решения по конституционной жалобе влечет за собой двудеиные последствия, включающие в себя* (во многом по аналогии с механизмом реализации решений Европейского Суда по правам человека) *меры как общего, так и индивидуального характера*, что также подтверждает сочетание в институтах конкретного нормоконтроля, конституционной жалобы конституционных ценностей защиты индивидуальной свободы и публично-правового (конституционного) правопорядка.

Общие меры связаны с устранением всех существующих предпосылок для нарушения конституционных прав граждан, вызванных действием нормы, признанной Конституционным Судом РФ не соответствующей Конституции РФ, а также предотвращением аналогичных нарушений в будущем. Главное здесь — внесение изменений в

нормативный правовой акт, который был предметом конституционного контроля.

Меры индивидуального характера связаны с восстановлением нарушенных прав заявителя; они реализуются в специальном режиме, предполагающем придание решению Конституционного Суда РФ в этой части обратной силы и пересмотр состоявшихся по делу заявителя судебных и иных правоприменительных актов, если для этого нет иных препятствий.

Вместе с тем разделение указанных мер на общие и индивидуальные не следует рассматривать таким образом, что первые обеспечивают только публичный интерес, а вторые — частный. В действительности, меры во исполнение решений Конституционного Суда РФ общего характера, в конечном счете, призваны исключить нарушение конкретных прав граждан и их объединений, а меры индивидуального (частного) характера выполняют важную публичную функцию. В самом деле, применение к заявителям в Конституционный Суд РФ института пересмотра его судебного дела в случае принятия положительного решения свидетельствует о том, что институт конституционной жалобы является в том числе мерой государственного поощрения (своего рода бонусом) лицу, проявившему активную гражданскую позицию и конституционно-правовой активизм. Эта мера — некая награда за предварительное выявление в рамках «народного конституционного контроля» дефектной, антиконституционной, вредной для общества и государства нормы, и, соответственно, за обращение на нее внимания органа конституционной юстиции.

Таковы лишь некоторые вопросы сочетания частных и публичных начал в институте конституционной жалобы, реализуемом в системе российского конституционного правосудия, характеризующие конституционную ценность институтов конкретного конституционно-судебного контроля и конституционной жалобы.

4. КОНСТИТУЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ СООТНОШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ И ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИОННОЙ ЮРИСДИКЦИИ

4.1. О КОНСТИТУЦИОННО-ЦЕННОСТНОМ ЗНАЧЕНИИ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОНВЕНЦИОННОЙ ЮРИСДИКЦИИ

Постановка проблемы конституционных ценностей в контексте соотношения национальной и европейской конвенционной юрисдикции вытекает из требований ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, согласно которой общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы; если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора. Эти нормативные положения в силу ст. 16 Конституции РФ относятся к основам конституционного строя Российской Федерации и, как и иные конституционные нормы, имеют высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории России и соответственно являются равнообязательными как для законодателя, так и для правоприменителя. На основе этих конституционных положений осуществляется *проникновение наднациональных, в том числе европейских, ценностей современного конституционализма в пространство российской правовой системы*, обеспечивается их определенное взаимодействие с национальными конституционными и иными правовыми ценностями, и вместе с тем открываются возможности для *дополнительного обеспечения, гарантирования и защиты национальных консти-*

туционных ценностей наднациональными институтами. В силу ч. 4 ст. 15 Конституции РФ предполагается, в частности, что реализация ценностей, принципов, институтов национального конституционализма обеспечивается не только внутригосударственными правовыми механизмами и юрисдикционными процедурами, но и за счет применения международных, в том числе региональных, средств защиты права и, соответственно, в рамках функционирования наднациональных контрольно-юрисдикционных институтов. Такое взаимодействие национальных и наднациональных элементов в реализации ценностей конституционализма присуще не только России, но отражает общую тенденцию развития цивилизации. В пределах Европы, например, оно выражается в формировании общеевропейского конституционного пространства¹.

Наиболее ярко интеграционно-правовые процессы в сфере конституционализма проявляются применительно к институту прав и свобод человека и гражданина. В этом плане для России как члена Совета Европы и участницы Конвенции о защите прав человека и основных свобод особое значение имеют взаимоотношения с Европейским Судом по правам человека. Это определяется уже тем, что, будучи юрисдикционным органом конвенционного контроля, Европейский Суд оказывает существенное влияние на состояние и развитие всех национальных правовых систем государств — участников Конвенции, но в особенности тех из них, которые принадлежат к романо-германской семье права, включая правовую систему России, для которых Европейский Суд является одним из важнейших источников (проводников) прецедентно-правового начала.

При этом в условиях современного конституционализма проблемы соотношения международного и внутригосударственного права имеют не только доктринальное, но и

¹ См.: Зорькин В.Д. Интеграция европейского конституционного пространства: вызовы и ответы // Журнал российского права. 2006. №12.

важное практическое значение. Особым образом, наиболее рельефно эти проблемы проявляются в тех случаях, когда проводником, интегратором международно-правовых норм в национальные правовые системы выступают не сами по себе национальные государства, принявшие на себя соответствующие обязательства, а наряду с ними и специализированные юрисдикционно-контрольные органы, призванные обеспечивать соблюдение международного (регионального) права, в том числе посредством привлечения национальных государств к ответственности за нарушение тех или иных международных (региональных) обязательств. Именно таким юрисдикционно-контрольным институтом выступает Европейский Суд по правам человека по отношению ко всем государствам — участникам Конвенции о защите прав человека и основных свобод, в том числе по отношению к России.

Практическая проблематика функционирования Европейского Суда по правам человека обширна. Однако следует признать, что наиболее чувствительный ее сегмент связан с объектами европейского конвенционного контроля (с точки зрения возможности отнесения к ним норм внутригосударственного права), а также последствиями принятия Европейским Судом по правам человека решений по делам о нарушении указанной Конвенции и, в частности, значением такого рода решений для национальных, в том числе конституционных, судов.

Теория европейского конституционного права до настоящего времени не выработала универсальных подходов к названным проблемам. Несмотря на достаточно длительный период существования Конвенции о защите прав человека и основных свобод и ее контрольного органа, единая методология решения обозначенных вопросов вызывает острые дискуссии, с трудом вырабатывается правоприменительной и конституционно-судебной практикой национальных государств. Так, в частности, она получила весьма обстоятельную — и, надо признать, не

во всем общепризнанную — проработку в практике Федерального конституционного суда ФРГ, который исходит из того, что предметом проверки Европейского Суда по правам человека являются решения и действия национальных властей, а не нормативно-правовые акты; в соответствии со своей компетенцией Европейский Суд не определяет конкретные субъективные права и обязанности заявителя, а потому его решения, являясь основанием для восстановления нарушенных конвенционных прав и свобод, должны исполняться в системе внутрисударственного права с учетом всего комплекса фактических обстоятельств по делу лица, в отношении которого Европейским Судом признано нарушение Конвенции. В рамках этой логики Федеральный конституционный суд ФРГ не считает, что принятие Европейским Судом решения о наличии или, напротив, отсутствии нарушения конвенционных прав гражданина со стороны национальных властей устраняет предмет конституционного контроля и выводит за пределы допустимости конституционную жалобу на нарушение прав и свобод человека и гражданина нормами внутрисударственного права, примененными при тех фактических обстоятельствах, которые уже получили конвенционную оценку Европейского Суда.

Для конституционного правосудия Российской Федерации эти проблемы пока еще только обозначаются в непосредственной предметно-практической плоскости. По существу, впервые вопрос соотношения европейской конвенционной и национальной конституционной юрисдикций принципиально рассмотрен Конституционным Судом РФ в 2009 г.¹

В своих жалобах заявители по данному делу — граждане, признанные по заявлениям своих близких родственников недееспособными, поставили под сомнение кон-

¹ См.: Постановление КС РФ от 27 февраля 2009 г. №4-П // СЗ РФ. 2009. №11. Ст. 1367.

ституционность отдельных положений ГПК РФ, а также Закона РФ «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», которые, по их мнению, недопустимым образом ограничили процессуальные права этой категории лиц. В частности, как это проявилось и в конкретных делах заявителей, процессуальное законодательство в его интерпретации правоприменительной практикой не предусматривало извещение соответствующих лиц о времени и месте рассмотрения их дел, если по результатам назначенных для определения их психического состояния судебно-психиатрических экспертиз был сделан вывод, что характер заболевания не позволяет им понимать значение своих действий и руководить ими и что они не могут присутствовать в судебном заседании. Соответственно, не предполагалось и их личное участие в решении судом вопроса о признании их недееспособными, так же как и возможность впоследствии самостоятельно оспаривать принятое решение в вышестоящих судебных инстанциях. При этом в рамках конкретного дела одного из заявителей — гражданина Ш. еще до момента его обращения в Конституционный Суд РФ Европейским Судом по правам человека в постановлении от 27 марта 2008 г., принятом по его жалобе, было констатировано наличие нарушения национальными властями прав и свобод заявителя, в связи с чем Европейский Суд постановил начать процедуру восстановления прав первоначально путем выработки самостоятельных договоренностей между властями Российской Федерации и гражданином Ш.

Закономерно перед Конституционным Судом РФ встал вопрос о том, вправе ли он рассматривать поступившее обращение гражданина Ш., имея в виду состоявшееся решение Европейского Суда по правам человека, и, в частности, может ли Конституционный Суд установить соответствие оспариваемых законоположений Конституции РФ, при том что Европейский Суд признал нарушение конвенционных прав заявителя? Ведь в схожих ситуа-

циях, при принятии к моменту обращения гражданина в Конституционный Суд РФ или в период конституционно-судебного разбирательства правоприменительного акта, направленного на восстановление нарушенных прав заявителя, конституционное судопроизводство прерывается. Но не является ли такая схожесть мнимой и не требует ли данная ситуация иных (новых) конституционно-правовых подходов?

В итоговом решении по названному делу Конституционный Суд счел жалобы всех заявителей *допустимыми*, а себя *правомочным* к их рассмотрению и на этой основе в рамках проведенного конституционно-правового анализа решил, что оспариваемые законоположения не соответствуют требованиям Основного закона. И хотя вопросы взаимоотношений Конституционного Суда и Европейского Суда по правам человека не получили развернутого конституционного обоснования в тексте постановления, принятому Конституционным Судом решению — с учетом характера и содержания его итоговых выводов — присуща вполне определенная методология оценки соотношения конституционной и конвенционной юрисдикции, что подтвердилось и в последующей конституционно-судебной практике. Ее уяснение предполагает необходимость учета более общих проблем, связанных прежде всего с определением юридической природы конвенционных прав и свобод, а также конвенционной юрисдикции Европейского Суда по правам человека и места его решений в правовой системе Российской Федерации.

4.2. КОНВЕНЦИОННЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ В ЕВРОПЕЙСКОМ ПРАВОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ, ИХ КОНСТИТУЦИОННАЯ ПРИРОДА

Не касаясь оценки Конвенции о защите прав человека и основных свобод как международного договора особого рода, следует признать, что Конвенция, без сомнения,

регулирует универсальные для европейских стран — членов Совета Европы вопросы конституционного значения. Этот факт сам по себе, независимо от особенностей национальных конституционных систем с точки зрения их отношения к общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам, можно квалифицировать как, своего рода, *квазиконституционный акт*. Вместе с тем, в этом качестве Конвенция не может рассматриваться в качестве составной части национальной конституционной системы, по крайней мере, до тех пор, пока сама конституционная система государства (как, например, это имеет место в Австрии) не признает за ней такое значение. Но не менее важен и другой аспект: даже для тех стран, которые не придают приоритетного значения Конвенции в соотношении с национальными законами (например, Венгрия¹), очевидным является *конституционное значение этого акта*, прежде всего, с точки зрения закономерностей формирования общеевропейского конституционного пространства.

Что касается Российской Федерации, то этот вопрос решается на основании положений ч. 4 ст. 15 Конституции, в соответствии с которыми составной частью правовой системы России и имеющими приоритетное значение в соотношении с законами России признаются, в том числе, правила международных договоров Российской Федерации. Это означает, что Конвенция, обладая приоритетом перед законами Российской Федерации, не только в международно-правовом аспекте, но и с точки зрения национальной правовой системы, может рассматриваться как квазиконституционный акт, что находит свое подтверждение, в том числе, в практике Конституционного Суда РФ.

¹ В этом плане уместно обратиться к материалу, наличествующему в содержательной статье судьи Конституционного Суда Венгрии Андраша Брагьова: Брагьов А. Право толкования: конституционные суды и Конвенция о защите прав человека и основных свобод (на примере Венгрии) // Сравнительное Конституционное Обозрение. 2011. №2 (81). С. 83–95.

Причем, речь идет не только о значении Конвенции для отправления национального конституционного нормоконтроля (что само по себе тоже важно), но и о фактическом *признании конституционной природы за конвенционными правами и свободами* в их соотношении с национальным институтом прав человека. Пожалуй, первые национальный орган конституционного правосудия Европы (в лице Конституционного Суда РФ) сделал столь определенный вывод на предмет юридической природы конвенционных прав и свобод: «...Права и свободы человека и гражданина, признанные Конвенцией о защите прав человека и основных свобод, — это те же по своему существу права и свободы, что закреплены в Конституции Российской Федерации»¹.

Речь идет, таким образом, о признании *принципиальной идентичности конвенционных и национальных конституционных прав и свобод*, из чего Конституционный Суд РФ делает еще один, не менее принципиальный, вывод: «Подтверждение их нарушения соответственно Европейским Судом по правам человека и Конституционным Судом Российской Федерации — в силу общей природы правового статуса этих органов и их предназначения — предполагает возможность использования в целях полного восстановления нарушенных прав единого институционального механизма исполнения принимаемых ими решений»². В этом находит свое подтверждение тот факт, что происходит не только прямое влияние международных (европейских) институтов защиты прав человека на национальные конституционные системы, но и, своего рода, конституционализация общепризнанных принципов и норм международного права и на этой основе — проникновение внутригосударственных юридико-правовых (конституционных) начал в сферу международных отно-

¹ См.: Постановление КС РФ от 26 февраля 2010 г. №4-П, абз. 2 подп. 3.3 мотивир. части // СЗ РФ. 2010. №11. Ст. 1255.

² Там же.

шений, определяющих, в частности, сферу европейского конституционного пространства.

В то же время нельзя не признать, что взаимоотношения Европейского Суда с национальными органами конституционной юрисдикции — пожалуй, наиболее чувствительный сегмент современного европейского конституционного пространства.

4.3. СТЕПЕНЬ ОБЯЗАТЕЛЬНОСТИ РЕШЕНИЙ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ДЛЯ НАЦИОНАЛЬНОГО КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОСУДИЯ: СООТНОШЕНИЕ КАЗУАЛЬНЫХ И НОРМАТИВНЫХ НАЧАЛ В КОНТЕКСТЕ ЦЕННОСТНОГО ПОДХОДА

Юрисдикция Европейского Суда по правам человека в отношении Российской Федерации и характер принимаемых им решений, их ценность в условиях российской правовой системы, опосредованы нормами Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также требованиями Конституции РФ и федерального законодательства. Российская Федерация, реализуя полномочия, вытекающие из положений п. «в» и «к» ст. 71 Конституции РФ, согласно которым в ведении Российской Федерации находятся вопросы регулирования и защиты прав и свобод человека и гражданина и международные договоры Российской Федерации, в целях обеспечения конституционных ценностей, воплощенных, в частности, в положениях ст. 1 (ч. 1), 2, 17 (ч. 1) и 18 Конституции РФ, подписала и ратифицировала Конвенцию, приняв на себя вытекающие из нее обязательства, в том числе и по выполнению решений Европейского Суда по правам человека. В ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. №54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»¹ прямо установлено, что Российская

¹ СЗ РФ. 1998. №14. Ст. 1514.

Федерация в соответствии со ст. 46 Конвенции признает *ipso facto* и без специального соглашения юрисдикцию Европейского Суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случаях предполагаемого нарушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после их вступления в действие в отношении Российской Федерации.

Но следует ли из этого, что Российская Федерация признает для себя обязательными все решения Европейского Суда по правам человека? По своему буквальному смыслу данное положение предполагает обязательность для России лишь той части практики Европейского Суда, которая формируется *при рассмотрении дел в связи с предполагаемыми нарушениями Российской Федерацией своих конвенционных обязательств*. Это в полной мере соотносится с общим принципом связанности судебным решением сторон спора, но не третьих лиц. Что же касается вопроса о значении для национальной правовой системы практики Европейского Суда, сформированной без участия Российской Федерации, то он не получил прямого разрешения в Конвенции и Федеральном законе «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» и не имеет однозначной оценки в отечественной научной литературе¹. При этом в ряде зарубежных исследований высказывается точка зрения, согласно которой, несмотря на то, что формально решения Европейского Суда необязательны для не участвовавших в Европейской Конвенции государств, фактически государства следуют сформированной им практике, поскольку контрольные органы Конвенции признают себя связанными прецедентом².

¹ См., например: Самостоятельность и независимость судебной власти Российской Федерации / Под ред. В.В. Ершова. М., 2006. С. 147–170.

² См.: Гомьен Д., Харрис Д., Зваак Л. Европейская конвенция о правах человека и Европейская социальная хартия. М., 1998. С. 29.

Очевидно, однако, что готовность государств — участников Конвенции добровольно следовать практике Европейского Суда по правам человека, сформированной вне связи с рассмотрением дел в отношении соответствующих государств, подчеркивает не общеобязательность, нормативность таких решений конвенционно-судебного органа в рамках конкретного дела, а степень их собственного усмотрения при решении вопроса о признании таких решений Европейского Суда как имеющих для них обязывающий характер.

Не свидетельствует об универсальной обязательности решений Европейского Суда по правам человека и то обстоятельство, что сам конвенционный орган рассматривает себя связанным ранее сформулированными положениями и выводами, приобретшими значение прецедента, поскольку прецедентный характер имеет не все судебное решение целиком, а лишь содержащаяся в нем фундаментальная (основная) правовая позиция (или ряд таких позиций), в которой заключено ядро обоснования разрешения судом новой юридической ситуации.

В связи с этим нельзя не отметить и то обстоятельство, что сам Европейский Суд дает поводы для утверждения, что его собственные решения не всегда воспринимаются им как имеющие абсолютное значение прецедентов. Например, после принятия известного решения Европейского Суда о приемлемости жалобы Р. на нарушение ст. 1 Протокола №1 к Конвенции (стало известно как дело о восстановлении сбережений граждан) спустя лишь несколько месяцев Суд принял решение от 29 августа 2002 г. о признании аналогичной жалобы А. неприемлемой к рассмотрению.

И это несмотря на то, что Европейский Суд признает свои решения, впервые вынесенные по определенной категории дел, значимыми и подлежащими учету при разрешении последующих споров по соответствующим вопросам и в своих решениях зачастую прямо указы-

вает на сформировавшуюся прецедентную практику¹. Вместе с тем в ряде случаев Европейский Суд полагает необходимым учитывать контекст того или иного своего прецедентного решения и, по существу, не исключает пересмотра ранее сформулированной им позиции при существенном изменении юридически значимых для понимания и оценки сути конкретного дела обстоятельств. Наиболее отчетливо данный подход Европейского Суда проявился в рамках рассмотрения им споров, касающихся коллизии свободы слова и свободы совести и вероисповедания. Так, в своем решении по делу «Отто Премингер Институт против Австрии» от 20 сентября 1994 г. Европейский Суд указал, что поскольку по смыслу п. 2 ст. 10 Конвенции всякий кто пользуется предусмотренными в п. 1 данной статьи правами и свободами, берет на себя обязанности и ответственность, в число которых — в контексте религиозных мнений и убеждений — правомерно может быть включена обязанность избегать по мере возможности выражений, которые беспричинно оскорбительны для других, являются ущемлением их прав и не привносят в публичные обсуждения ничего, что способствовало бы прогрессу в делах человеческих, постольку по принципиальным соображениям в некоторых демократических обществах может быть сочтено необходимым подвергать санкциям или предотвращать неподобающие нападки на предметы религиозного культа при непременном соблюдении требования, что любые «формальность», «условие», «ограничение» или «санкция» будут соразмерны преследуемой правомерной цели. Как и в случае с моралью, невозможно вычленивать единообразное для всей Европы пред-

¹ См., напр.: Решения Европейского Суда по правам человека по делу «Колоцца против Италии» от 12 февраля 1985 г., по делу «Греческие нефтеперерабатывающие заводы «Стрэн» и Стратис Андреадис против Греции» от 9 декабря 1994 г., по делу «Ван Мехелен и другие против Нидерландов» от 23 апреля 1997 г., по делу «Стирановски против Польского Государства» от 30 октября 1998 г., постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Иммо-билиаре Саффи» против Италии» от 28 июля 1999 г. и др.

ставление о значении религии в обществе; даже внутри одной страны такие представления могут быть различны. По этой причине невозможно прийти к всеохватывающему определению того, что представляет собой допустимое вмешательство в осуществление права на свободу слова там, где такое слово направлено против религиозных чувств других лиц. Поэтому национальные власти обладают широким полем усмотрения при оценке потребности и степени такого вмешательства.

Таким образом, Европейский Суд прямо указывает на необходимость соотнесения применимого к делу правового подхода с культурной средой соответствующего государства, а также — в случае возможности выделения таковых — с общеевропейскими культурными представлениями. Их изменение потребует от Европейского Суда корректировки ранее принятых подходов. Более определенно на возможность пересмотра ранее выработанных позиций Европейский Суд указал в решении по делу «Гишар против Франции» от 2 сентября 2003 г., где, напомнив о нормах прецедентного права Европейской комиссии (имевших до реформирования европейского контрольного механизма по общему правилу обязывающее решение для Европейского Суда), созданных по вопросу о праве на уважение семейной жизни, он отметил, что не видит в данном случае никаких оснований для отступления от этих норм прецедентного права¹. Аналогичная позиция была сформулирована в решении по делу «Мюррей против Соединенного Королевства» от 28 октября 1994 г.

Разрешение вопроса о значении актов Европейского Суда по правам человека для не участвовавших в конкретном деле государств предполагает уяснение специфики статуса данного конвенционного органа, реализующего двуединую функцию по контролю за соблюдением поло-

¹ См.: Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2004. №1.

жений Конвенции посредством установления наличия или отсутствия их нарушения государствами-участниками (правоприменительная функция), с одной стороны, и по толкованию положений Конвенции в рамках каждого конкретного дела (функция толкования), с другой. Этим предопределяется *необходимость учета двуединой юридической природы и, соответственно, двойственной правовой ценности судебных актов Европейского Суда по правам человека*: во-первых, как казуальных решений конкретных дел, находящихся в сфере юрисдикции европейского судебного органа, что определяет их ценностное значение главным образом как актов защиты нарушенных конвенционных прав; во-вторых, с точки зрения содержащегося в них официального толкования положений Конвенции, имеющих значение не только для разрешения данного конкретного спора, но и — в силу сложившегося общеевропейского правового обыкновения — прецедентное значение для разрешения последующих аналогичных споров.

Отсюда следует, что *обязывающее значение решений Европейского Суда как бы раздваивается*: по конкретным спорам оно распространяется по общему правилу на те государства — участники Конвенции, которые являлись стороной в споре; для иных государств, не участвовавших в деле, решения Европейского Суда по правам человека *обязательны лишь в части содержащегося в них официального (нормативного) толкования конвенционных положений*, приобретающих значение правовых позиций Европейского Суда. Прецедентно-обязывающая сила таких решений проистекает из того обстоятельства, что толкование международного договора органом, юрисдикция которого признана государствами-участниками, является неотъемлемым элементом юридического содержания договорных норм, которые не могут применяться в отрыве, а тем более вопреки данному толкованию. Именно в таком двойственном качестве — как акты казуального решения споров о соответствии Конвенции действий российских

национальных властей и как акты официального (нормативного) толкования конвенционных положений — решения Европейского Суда по правам человека входят в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ в состав правовой системы Российской Федерации.

Такое понимание роли решений Европейского Суда по правам человека в рамках национальной правовой системы подтверждается, в частности, судебной практикой. Так, из п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»¹ следует, что выполнение постановлений Европейского Суда по правам человека, касающихся Российской Федерации, предполагает в случае необходимости обязательство со стороны государства принять *меры частного характера*, направленные на устранение нарушений прав человека, а также *меры общего характера* с тем, чтобы предупредить повторение подобных нарушений; суды в пределах своей компетенции должны действовать таким образом, чтобы обеспечить выполнение обязательств государства, которые вытекают из участия Российской Федерации в Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

При этом, говоря о вхождении решений Европейского Суда по правам человека в состав российской правовой системы, следует учитывать, что из ч. 4 ст. 15 Конституции РФ вытекает, что *правовые позиции Европейского Суда как положения конвенционного истолкования имеют большую по отношению к положениям национального законодательства юридическую силу*². Вместе с тем обладание ре-

¹ БВС РФ. 2003. №12.

² Понятие «конвенционное истолкование» в данном случае выводится во многом по аналогии с выработанным в теории национального конституционного правосудия понятием «конституционное истолкование», которое не тождественно известному в общей теории права понятию толкования права.

шениями Европейского Суда по правам человека большей юридической силы по отношению к федеральным законам оставляет открытым вопрос о соотношении с нормами Конституции РФ. Принципиальные подходы к его разрешению были сформулированы Конституционным Судом РФ в постановлении от 30 ноября 2000 г. №15-П¹. Признав не соответствующими Конституции РФ ряд положений устава Курской области, регламентирующих, в частности, вопросы государственного контроля за местным самоуправлением, Конституционный Суд РФ указал, что на оценку конституционности оспариваемых норм не влияет то, что некоторые из них, по существу, воспроизводят положения Европейской хартии о местном самоуправлении, устанавливающей минимальные гарантии самостоятельности местного самоуправления; Конституция РФ и федеральные законы закрепляют более высокий, чем это предусмотрено международными обязательствами России, уровень гарантий самостоятельности местного самоуправления, который субъекты РФ не вправе занижать или ограничивать.

Данная правовая позиция Конституционного Суда РФ имеет универсальный характер и в полной мере применима к правовым позициям Европейского Суда по правам человека. Она предполагает, что, если Конституцией РФ предусмотрен более высокий стандарт гарантирования прав и свобод человека и гражданина, нежели в выявленном Европейским Судом по правам человека смысле конвенционных положений, применению подлежат нормы Конституции РФ, и соответственно, наоборот, если более высокий уровень обеспечения прав и свобод человека и гражданина вытекает из правовой позиции Европейского Суда по правам человека, то она имеет приоритетное значение перед конституционными нормами.

Однако эта правовая позиция Конституционного Суда РФ ни в коей мере не может рассматриваться как

¹ СЗ РФ. 2000. №50. Ст. 4943.

ставящая под сомнение положение ч. 4 ст. 15 Конституции РФ. Ведь в данном деле речь шла не о соотношении принципов и норм международного права с национальными нормами Российской Федерации, а о конституционной оценке конкретных норм проверяемого закона субъекта РФ, которые произвольно расширяли пределы государственного контроля за деятельностью органов местного самоуправления, допуская, в частности, такой контроль с точки зрения не только законности, но и целесообразности принимаемых решений, что противоречит требованиям Конституции РФ. Справедливости ради следует признать, что такого рода ситуации, когда международные стандарты в области прав человека, уступая российской Конституции и тем самым дезориентируя законодателя, как бы провоцируют его на принятие неконституционных актов, носят исключительный характер. Об этом свидетельствует и практика Конституционного Суда РФ, в том числе связанная с использованием решений Европейского Суда по правам человека при проверке конституционности нормативных правовых актов как федерального, так и регионального уровня.

Что же касается характера влияния решений Европейского Суда на практику Конституционного Суда РФ, то это во многом предопределяется особенностями юридической природы конвенционно-толковательных положений, в которых находит свое воплощение специфическая форма реализации Европейским Судом нормоконтрольной функции.

4.4. КОНВЕНЦИОННОЕ ИСТОЛКОВАНИЕ В СООТНОШЕНИИ С НАЦИОНАЛЬНЫМ КОНСТИТУЦИОННЫМ НОРМОКОНТРОЛЕМ

Рассматривая соотношение конвенционного нормативного толкования с национальным конституционно-судебным нормоконтролем, необходимо, во-первых, опре-

делить пределы полномочий Европейского Суда по правам человека, связанные с его вторжением в национально-правовую сферу при рассмотрении конкретных дел и, во-вторых, выявить значение правовых позиций Европейского Суда по правам человека для Конституционного Суда РФ.

Определяя *пределы допустимого вторжения Европейского Суда по правам человека в национально-правовую сферу*, следует учитывать, что Европейский Суд по правам человека по своему юридическому статусу, вытекающему из положений Конвенции, является конвенционным органом, реализующим контрольную функцию, которая направлена на обеспечение соответствия национальной публично-властной практики положениям Конвенции. Вместе с тем, реализуя данную функцию, Европейский Суд по правам человека не свободен в выборе форм, методов и средств воздействия на национальные правовые системы с целью достижения стоящих перед ним задач.

Контрольная функция Европейского Суда по правам человека связана с разрешением обоснованных предположений частных лиц о том, что они явились жертвой нарушения одной из Высоких Договаривающихся Сторон их прав, признанных в Конвенции или в Протоколах к ней (ст. 34 Конвенции), что предполагает исследование Судом фактических и юридических обстоятельств, послуживших основанием для обращения заявителя за конвенционной защитой. Следовательно, отвечая на поставленный перед ним в жалобе вопрос, Европейский Суд должен проанализировать конкретную, имевшую место в деле заявителя, правоприменительную практику и соотнести ее с вытекающими из конвенционных положений требованиями. Таким образом, именно *правоприменительная практика конкретного государства в конкретном деле является объектом контроля Европейского Суда*.

Вместе с тем, поскольку правоприменительная практика имеет своим основанием национальное законода-

тельное регулирование соответствующих общественных отношений, постольку, принимая решение по делу, Европейский Суд по правам человека неизбежно реализует и *элементы конвенционно-надзорной функции в отношении национального законодательства*, выявляя, в частности, нормативные правовые условия, ставшие поводом для оценки конвенционного правонарушения. Об этом свидетельствует и уже упоминавшееся постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. №5, согласно которому исполнение постановлений Европейского Суда по правам человека предполагает в том числе противодействие повторению нарушений прав и свобод человека и гражданина, установленных Европейским Судом.

Следует отметить, что соответствующие полномочия Европейского Суда конвенционно-надзорного характера могут быть реализованы лишь «попутно», в рамках конкретного дела по оценке правоприменительной практики государства — участника Конвенции. Напрямую же в функции Европейского Суда, как справедливо отмечается в одном из совместных отдельных мнений судей Европейского Суда Холмбэка, Роденбурга, Росса, Фавра и Бильге по делу «де Вильде, Оомс и Версип против Бельгии» от 18 июня 1971 г.¹, не входит рассмотрение *in abstracto* соответствия законодательных или конституционных норм требованиям Конвенции, вследствие чего он не может выносить решение об общем соответствии норм национального законодательства Конвенции. Задача Европейского Суда состоит в определении того, привело ли применение национального законодательства к нарушению Конвенции, к ограничению в осуществлении прав, гарантируемых в соответствии с Конвенцией. Суд не уполномочен ни отменять национальные законы, ни давать указания национальному законодателю отменить те положения,

¹ См.: Европейский Суд по правам человека. Избранные решения: в 2 т. М., 2000. Т. I. С. 34.

которые обжалует заявитель. Он на основании толкования Конвенции должен рассмотреть в порядке контроля решения, вынесенные в соответствии с национальным законодательством.

В то же время нельзя не отметить и определенную непоследовательность, противоречивость практики Европейского Суда по этим вопросам. Так, например, Европейским Судом по правам человека была признана приемлемой жалоба Класа и ряда других заявителей из Федеративной Республики Германия, в которой ими обжаловались положения п. 2 ст. 10 Основного закона Германии и Закона от 13 августа 1968 г. (Закон G10) на предмет несоответствия ст. 6 (п. 1), 8 и 13 Конвенции. При этом Суд указал, что «в принципе для индивидуального заявителя недостаточно утверждать, что само существование закона нарушает его право, установленное Конвенцией; необходимо, чтобы закон был применен с причинением ему вреда. Тем не менее... закон может сам по себе нарушать права отдельных лиц, если они испытывают его действие даже в отсутствие каких-либо конкретных мер по его применению (*выделено мной. — Н. Б.*)». В решении по делу «Маркс против Бельгии» Суд отметил: «...ст. 25 Конвенции предоставляет лицу право утверждать, что закон нарушает его права, если он подвергается риску быть непосредственным объектом таких нарушений... Именно таковой и является позиция заявителец. Они возражают против нескольких статей Гражданского кодекса, которые автоматически применялись или применяются по отношению к ним. Утверждая, что эти статьи противоречат Конвенции и Протоколу №1, заявительницы требуют от Суда не абстрактной оценки внутреннего законодательства, что не соответствовало бы ст. 25 Конвенции».

В то же время, имея в виду — как это видно из приведенных решений Европейского Суда по правам человека — возможность определенного погружения Европейско-

го Суда по правам человека при рассмотрении конкретных дел в оценку национального законодательства с точки зрения его соответствия Конвенции, следует обратить внимание на то обстоятельство, что в делах, связанных с оспариванием только национального законодательства, а не конкретных мер, принятых в соответствии или в нарушение требований данного законодательства, Европейский Суд исходит из того, что условием признания жалобы приемлемой может быть в этом случае обращение заявителя в национальный орган конституционного контроля, являющийся эффективным внутригосударственным средством правовой защиты по смыслу ст. 35 Конвенции.

4.5. ПРАВОВЫЕ ПОЗИЦИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА КАК ЦЕННОСТЬ КОНСТИТУЦИОННО-СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В РОССИИ

Практика национального конституционного правосудия в целом убедительно свидетельствует о том, что Конституционный Суд РФ признает за актами Европейского Суда по правам человека и сформированными в них правовыми позициями как доктринально-методологическую, так и собственно юридическую ценность. При этом воздействие правовых позиций Европейского Суда по правам человека на практику Конституционного Суда РФ различается в зависимости от формы конституционно-судебного нормоконтроля, а также от характера осуществляемых Конституционным Судом РФ полномочий.

Оценивая влияние решений Европейского Суда по правам человека на практику Конституционного Суда РФ в зависимости от формы осуществляемого Конституционным Судом РФ нормоконтроля — абстрактного или конкретного — следует заметить, что из почти 300 решений Конституционного Суда РФ, в которых по состоянию на

1 октября 2013 г.¹ непосредственно использованы правовые позиции Европейского Суда по правам человека упоминаются принятые им решения, 266 решений принято Конституционным Судом в порядке конкретного нормоконтроля, 8 — в порядке абстрактного, и 5 — в рамках «совмещенного» нормоконтроля. И это вполне объяснимо, если иметь в виду, что, во-первых, предназначением Европейского Суда является именно защита предусмотренных Конвенцией прав и свобод от нарушений и потому именно в данной области Европейский Суд правомочен устанавливать правовые стандарты, обязывающие Договаривающиеся Стороны. Во-вторых, Европейский Суд является субсидиарным по отношению к национальному механизму (в том числе и конституционно-судебному) защиты прав человека. И наконец, в-третьих, определяющим фактором движения дела в рамках конкретного конституционного нормоконтроля являются конституционные права и свободы человека и гражданина, с предполагаемым нарушением которых связано инициирование конституционного судопроизводства и его развитие.

Влияние правовых позиций Европейского Суда по правам человека на практику Конституционного Суда РФ в зависимости от характера реализуемых им полномочий проявляется прежде всего в связи с оценкой конституционности оспариваемых законоположений.

В качестве непосредственного критерия оценки оспариваемых на соответствие Конституции РФ законоположений решения Европейского суда по правам человека по общему правилу не могут использоваться Конституционным Судом РФ. Оно и понятно: исходя из ст. 125 Конституции РФ и конкретизирующих ее положений Федерального конституционного закона о Конституцион-

¹ В данном случае речь идет о количественных показателях использования Конституционным Судом РФ решений Европейского Суда. Что же касается самой Конвенции о защите прав человека и основных свобод, то она использовалась в практике КС РФ значительно чаще (таких решений более 800).

ном Суде РФ, Конституционный Суд РФ проверяет оспариваемые законы и иные нормативные правовые акты на соответствие именно Конституции РФ, а не на соответствие общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам Российской Федерации, которые, являясь, как уже было сказано, составной частью российской правовой системы, зачастую лишь опосредованно влияют на формирование правовой позиции Конституционного Суда РФ по делу.

Вместе с тем в отдельных случаях используемые Конституционным Судом РФ для разрешения поставленного вопроса решения Европейского Суда по правам человека имеют столь существенный вес для конкретного дела, что оказывают во многом определяющее влияние на решение вопроса о конституционности. Так, например, в деле о проверке конституционности положений ч. 2 ст. 170 и ч. 2 ст. 235 Кодекса законов о труде РФ и п. 3 ст. 25 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности»¹ Конституционный Суд РФ оценивал установленный названными законоположениями запрет на увольнение работников, имеющих детей-инвалидов или инвалидов с детства до достижения ими возраста 18 лет, в случаях совершения ими дисциплинарных проступков, являющихся в соответствии с законом основанием для расторжения с ними трудового договора по инициативе работодателя. Конституционный Суд установил, что данный запрет, по существу, исключает для работодателя возможность доказывать в суде необходимость и обоснованность увольнения таких недобросовестных работников, совершивших дисциплинарный проступок, и тем самым лишает его возможности защищать в судебном порядке свои права и законные интересы, т. е. существенно ограничивает его конституционное право на судебную защиту. Между тем,

¹ См.: Постановление КС РФ от 24 января 2002 г. №3-П // СЗ РФ. 2002. №7. Ст. 745.

как указал Конституционный Суд РФ, из Конституции РФ и международно-правовых актов следует, что правосудие должно отвечать требованиям справедливости и обеспечивать эффективное восстановление в правах, а судебная защита должна быть полной, что предполагает не только возможность для каждого обратиться в суд, но и обязанность суда вынести справедливое и обоснованное решение. Право на универсальную судебную защиту подтверждено Европейским Судом по правам человека, в частности, в решениях по делу «Голдер (Golder) против Соединенного Королевства» от 21 февраля 1975 г. и по делу «Девеер (Deweer) против Бельгии» от 27 февраля 1980 г. Исходя из этого названные нормы были признаны не соответствующими Конституции РФ, в том числе по указанному основанию.

В ряде решений Конституционного Суда РФ конвенционные нормы в их интерпретации Европейским Судом по правам человека использованы не только для обоснования правовой позиции Конституционного Суда РФ по делу, но и вынесены в резолютивную часть решения. Так, в постановлении от 25 января 2001 г. №1-П по делу о проверке конституционности положения п. 2 ст. 1070 ГК РФ (п. 1 резолютивной части)¹ Конституционный Суд РФ признал не противоречащим Конституции РФ положение п. 2 ст. 1070 ГК РФ, согласно которому вред, причиненный при осуществлении правосудия, возмещается в случае, если вина судьи установлена приговором суда, вступившим в законную силу, поскольку на основании этого положения подлежит возмещению государством вред, причиненный при осуществлении правосудия посредством гражданского судопроизводства в результате принятия незаконных судебных актов, разрешающих спор по существу. При этом Суд указал, что данное положение в его конституционно-правовом смысле, выявленном в данном постановлении, и во взаимосвязи со

¹ СЗ РФ. 2001. №7. Ст. 700.

ст. 6 и 41 Конвенции по защите прав человека и основных свобод, не может служить основанием для отказа в возмещении государством вреда, причиненного при осуществлении гражданского судопроизводства в иных случаях (а именно когда спор не разрешается по существу) в результате незаконных действий (или бездействия) суда (судьи), в том числе при нарушении разумных сроков судебного разбирательства, — если вина судьи установлена не приговором суда, а иным соответствующим судебным решением.

В соответствии с данным постановлением Конституционным Судом РФ вынесены решения об отказе в принятии к рассмотрению ряда жалоб граждан, оспаривавших указанные положения ГК РФ, поскольку соответствующий вопрос разрешен в конституционном производстве. Резолютивная часть соответствующих определений также включила в себя нормы Конвенции о защите прав человека и основных свобод (определения от 8 февраля 2001 г. №42-0¹, от 8 февраля 2001 г. №43-0³).

В п. 1 резолютивной части постановления от 17 июля 2002 г. №13-П Конституционный Суд РФ постановил: признать не соответствующими Конституции РФ, ее ч. 4 ст. 15, ч. 1 ст. 46, 49, 50, ч. 3 ст. 55 и ч. 3 ст. 123, находящиеся в нормативном единстве положения п. 1 и 2 ст. 342, ч. 1 и п. 1 ч. 2 ст. 371, п. 2 ч. 1 ст. 378, ч. 1 ст. 379 и ч. 3 ст. 380 УПК РСФСР, а также п. 1 и 2 ст. 36 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» — в части, допускающей пересмотр и отмену в порядке надзора по протесту прокурора вступившего в законную силу оправдательного приговора ввиду односторонности или неполноты расследования или судебного следствия, а также несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела в случаях, когда в предшествующем разбирательстве не были допущены нарушения, которые отвечали бы критериям,

¹ СЗ РФ. 2001. №15. Ст. 1530.

предусмотренным п. 2 ст. 4 Протокола №7 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹.

В постановлении от 11 мая 2005 г. №5-П по делу о проверке конституционности ст. 405 УПК РФ предметом проверки являлась содержащаяся в названной статье УПК РФ норма, устанавливающая абсолютный запрет на поворот к худшему для осужденного в надзорном порядке. Конституционный Суд РФ разрешил это дело сообразно с постановлением Европейского Суда по правам человека по делу «Никитин против России» от 20 июля 2004 г., в котором Европейским Судом отмечалось, что требования правовой определенности и стабильности не являются абсолютными и не препятствуют возобновлению производства по делу в связи с появлением новых или вновь открывшихся обстоятельств или при обнаружении существенных нарушений, которые были допущены на предыдущих стадиях процесса и привели к неправильному исходу дела².

Признав оспариваемую норму не соответствующей Конституции РФ, Конституционный Суд РФ использовал свое право на восполнение возникающего в результате признания оспариваемого положения неконституционным правового пробела, указав, что впредь до внесения соответствующих изменений и дополнений в уголовно-процессуальное законодательство пересмотр обвинительного приговора в порядке надзора по жалобе потерпевшего, его представителя и по представлению прокурора, а также определения и постановления суда в связи с необходимостью применения уголовного закона о более тяжком преступлении, ввиду мягкости наказания или по иным основаниям, влекущим за собой ухудшение положения осужденного, а также оправдательного приговора либо определения или постановления суда о прекращении уголовного дела допускается лишь в течение года по вступле-

¹ СЗ РФ. 2002. №31. Ст. 3160.

² См.: СЗ РФ. 2005. №22. Ст. 2194.

нии их в законную силу. Непосредственным основанием соответствующей позиции Конституционного Суда РФ, как прямо следует из его решения, явилась позиция Европейского Суда, сформулированная им по уже упомянутому делу «Никитин против России», в соответствии с которой возможность рассмотрения требования о пересмотре оправдательного приговора только в течение одного года с момента вступления его в силу согласуется с требованиями Конвенции о защите прав человека и основных свобод (§ 39, 55 и 56 постановления).

Чаще всего Конституционный Суд РФ обращается к *практике Европейского Суда по правам человека в рамках конституционного истолкования норм текущего законодательства* в целях подкрепления своей позиции в процессе уяснения, в частности: нормативного содержания того или иного правового института, его ключевых (универсальных) параметров; нормативного содержания конституционных прав; порядка разрешения коллизий конституционных ценностей, воплощенных в конституционных правах, свободах и иных конституционных институтах; пределов допустимого ограничения конституционных прав.

Так, например, в постановлении от 14 июля 2005 г. №9-П по делу о проверке конституционности положений ст. 113 НК РФ в связи с жалобой гражданки Г.А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа¹, Конституционный Суд РФ через практику Европейского Суда раскрыл *юридическую природу института давности привлечения к налоговой ответственности*. В решении по данному делу он установил, что давность привлечения к налоговой ответственности — институт, общий для правовых систем государств — участников Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Европейский Суд по правам человека рассматривает ее как право, предоставляемое законом лицу, совершившему

¹ СЗ РФ. 2005. №30. Ч. II. Ст. 3200.

налоговое правонарушение, не быть преследуемым по истечении определенного срока с момента совершения деяния, с тем чтобы достигалась правовая защищенность и не подвергалось посягательствам право на защиту, которое было бы скомпрометировано, если бы суды выносили решения, основываясь на неполной в силу истекшего времени доказательственной базе (постановление по делу «Коэм и другие против Бельгии» от 22 июня 2000 г.

В постановлении от 27 июня 2000 г. №11-П по делу о проверке конституционности положений ч. 1 ст. 47 и ч. 2 ст. 51 УПК РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова¹ Конституционный Суд РФ на основе правовых позиций Европейского Суда по правам человека пришел к выводу о том, что *нормативное содержание конституционного права обвиняемого на помощь адвоката* охватывает собой правомочия обвиняемого и на досудебных стадиях производства по уголовному делу. В постановлении Конституционного Суда отмечается следующее. Рассматривая право обвиняемого на получение помощи адвоката как распространяющееся на досудебные стадии производства (решение от 24 мая 1991 г. по делу Quaranta, Series A, по. 205, para 27; решение от 24 ноября 1993 г. по делу Ymbrioscia, Series A, по. 275, para 36), Европейский Суд по правам человека сформулировал ряд положений, согласно которым отказ задержанному в доступе к адвокату в течение первых часов допросов полицией в ситуации, когда праву на защиту мог быть нанесен невосполнимый ущерб, является — каким бы ни было основание такого отказа — несовместимым с правами обвиняемого, предусмотренными ст. 6 (п. 3с) Конвенции о защите прав человека и основных свобод (решение от 8 февраля 1996 г. по делу Murray, 1996-1, para 66). При этом под обвинением в смысле ст. 6 Конвенции Европейский Суд по правам человека понимает не только официальное уведомление об

¹ СЗ РФ. 2000. №27. Ст. 2882.

обвинении, но и иные меры, связанные с подозрением в совершении преступления, которые влекут серьезные последствия или существенным образом сказываются на положении подозреваемого (решение от 27 февраля 1980 г. по делу Deweer, Series A, по. 35, para 44, 46; решение от 15 июля 1982 г. по делу Eckle, Series A, по. 51, para 73; решение от 10 декабря 1982 г. по делу Foti, Series A, по. 56, para 52), т.е. считает обязательным исходить из содержательного, а не формального понимания обвинения.

В этом же ряду находятся касающиеся проблем *права собственности, имущественных прав граждан* постановления Конституционного Суда РФ от 30 июля 2001 г. №13-П по делу о проверке конституционности положений подп. 7 п. 1 ст. 7, п. 1 ст. 77 и п. 1 ст. 81 Федерального закона «Об исполнительном производстве»¹, 16 мая 2000 г. №8-П по делу о проверке конституционности отдельных положений п. 4 ст. 104 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»², от 13 декабря 2001 г. №16-П по делу о проверке конституционности ч. 2 ст. 16 Закона г. Москвы «Об основах платного землепользования в городе Москве» в связи с жалобой гражданки Т.В. Близинской³ и др.

Столкнувшись с проблемой определения конституционных оснований *права на объединение в политические партии*, Конституционный Суд РФ установил, что несмотря на отсутствие прямого терминологического закрепления данного права в Конституции РФ и международных правовых актах, Европейский Суд по правам человека неоднократно указывал на то, что политические партии подпадают под действие общих норм о праве на объединение (например, решение по делу «Объединенная коммунистическая партия Турции и другие против Турции» от 30 января 1998 г.); следовательно, право граждан на объединение в политические партии, включающее право создания политической партии

¹ СЗ РФ. 2001. №32. Ст. 3412.

² СЗ РФ. 2000. №21. Ст. 2258.

³ СЗ РФ. 2001. №52. Ст. 5014.

и право участия в ее деятельности, является неотъемлемой частью права каждого на объединение, а свобода деятельности политических партий как общественных объединений гарантируется. Возможность для граждан свободно объединиться в политическую партию, образовать партию как юридическое лицо с тем, чтобы действовать коллективно в области реализации и защиты своих политических интересов, — одна из необходимых и наиболее важных составляющих права на объединение, без чего данное право лишалось бы смысла¹.

В ряде случаев Конституционный Суд РФ апеллирует к практике Европейского Суда по правам человека в целях определения надлежащего *порядка разрешения коллизий конституционных ценностей*, воплощенных в конституционных правах, свободах и иных конституционных институтах.

Так, при выработке постановления Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 г. №15-П, ключевым вопросом которого являлось *соотношение свободы слова и права на свободные выборы*, активно было использовано решение Европейского Суда по правам человека по делу «Боуман против Соединенного Королевства» от 19 февраля 1998 г. В данном решении, касающемся аналогичной проблемы, Европейский Суд отметил, в частности, следующее: свободные выборы и свобода слова, в особенности свобода политической дискуссии, образуют основу любой демократической системы, оба права взаимосвязаны и укрепляют друг друга; по этой причине особенно важно, чтобы всякого рода информация и мнения могли циркулировать свободно в период, предшествующий выборам; тем не менее при некоторых обстоятельствах эти два права могут вступить в конфликт, и тогда может быть сочтено необходимым, чтобы до или во время проведения выборов были

¹ См. Постановления КС РФ: от 15 декабря 2004 г. №18-П // СЗ РФ. 2004. №51. Ст. 5260; от 1 февраля 2005 г. №1-П // СЗ РФ. 2005. №6. Ст. 791.

установлены определенные ограничения свободы слова, которые в обычных условиях были бы неприемлемы; их цель — обеспечить свободное выражение мнений народа при избрании законодательной власти¹.

Обращения Конституционного Суда РФ к решениям Европейского Суда по правам человека были связаны и с установлением допустимых пределов ограничения конституционных прав.

В постановлении Конституционного Суда РФ от 23 ноября 1999 г. №16-П по делу о проверке конституционности абз. 3 и 4 п. 3 ст. 27 Федерального закона от 26 сентября 1997 г. «О свободе совести и о религиозных объединениях» в связи с жалобами Религиозного общества Свидетелей Иеговы в городе Ярославле и религиозного объединения «Христианская церковь Прославления»² указывается следующее. В демократическом обществе с присущим ему религиозным плюрализмом, как следует из ч. 3 ст. 17 и ч. 3 ст. 55 Конституции РФ и корреспондирующих им положений п. 2 и 3 ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также п. 2 ст. 9 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, подобного рода ограничения могут быть предусмотрены законом, если это необходимо в интересах общественного спокойствия, охраны общественного порядка, здоровья и нравственности или для защиты прав и свобод других лиц. Государство вправе предусмотреть определенные преграды, с тем чтобы не предоставлять статус религиозной организации автоматически, не допускать легализации сект, нарушающих права человека и совершающих незаконные и преступные деяния, а также воспрепятствовать миссионерской деятельности (в том числе в связи с проблемой прозелитизма), если она несовместима с уважением к свободе мысли, совести и религии других и к иным консти-

¹ СЗ РФ. 2003. №44. Ст. 4358.

² СЗ РФ. 1999. №51. Ст. 6363.

туционным правам и свободам, а именно сопровождается предложением материальных или социальных выгод с целью вербовки новых членов в церковь, неправомерным воздействием на людей, находящихся в нужде или в бедственном положении, психологическим давлением или угрозой применения насилия и т.п. На это, в частности, обращается внимание в постановлении Европейского парламента от 12 февраля 1996 г. «О сектах в Европе» и в рекомендации Совета Европы №1178 (1992) «О сектах и новых религиозных движениях», а также в постановлениях Европейского Суда по правам человека от 25 мая 1993 г. (Series AN^o. 260-A) и от 26 сентября 1996 г. (Reports of Judgments and Decisions, 1996-IV), разъяснивших характер и масштаб обязательств государства, вытекающих из ст. 9 названной Конвенции.

Зачастую решения Европейского Суда по правам человека интегрируются Конституционным Судом РФ в осуществляемое им конституционное истолкование оспариваемых законоположений.

Так, в определении от 12 апреля 2005 г. №113-0 по жалобе гражданина Маслова Александра Ивановича на нарушение его конституционных прав ч. 1, 2 и 3 ст. 30.11 КоАП РФ¹ на основе, в частности, постановлений Европейского Суда по правам человека по делу «Вернер против Польши» от 15 ноября 2001 г. по вопросу процессуального равноправия и по делу «Рябых против Российской Федерации» от 24 июля 2003 г. по вопросу принципа правовой определенности в приложении к процессуальным отношениям, Конституционный Суд РФ дал конституционное истолкование оспариваемым положениям КоАП РФ, согласно которым предполагается обязанность суда надзорной инстанции известить лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, о факте

¹ СЗ РФ. 2005. №22. Ст. 2195.

принесения протеста прокурора, предоставить возможность ознакомления с протестом и представить свои возражения на него.

Что касается *решений Конституционного Суда, связанных с толкованием Конституции РФ*, то лишь в одном постановлении о толковании Конституции РФ Конституционный Суд обратился к нормам Конвенции о защите прав человека и основных свобод (постановление от 16 июня 1998 г. №19-П по делу о толковании отдельных положений ст. 125, 126 и 127 Конституции РФ¹).

В то же время некоторые из принятых Европейским Судом по правам человека решений вполне могут быть использованы для толкования отдельных положений Конституции РФ. К примеру, окончательное решение Европейского Суда по правам человека от 16 сентября 2004 года по вопросу приемлемости жалобы «Галина Петровна Герасимова против Российской Федерации»², в котором Европейскому Суду по правам человека пришлось обратиться к вопросу о природе органов местного самоуправления, может послужить для выявления содержания нормы ст. 12 Конституции РФ о самостоятельности местного самоуправления и не вхождении органов местного самоуправления в систему органов государственной власти. В названном решении Европейский Суд по правам человека указан, что в соответствии с прецедентной практикой конвенционных органов органы местного самоуправления, несомненно, являются государственными органами в том смысле, что они действуют на основании публичного права и осуществляют государственные функции, переданные им на основании Конституции и иных законов (см., *mutatis mutandis*, решение Европейской комиссии по делу «Ротентурм Коммюн против Швейцарии» от 14 декабря 1988 г., жа-

¹ СЗ РФ. 1998. №25. Ст. 3004.

² Журнал российского права. 2005. №1. С. 115–119.

лоба №13252/87; Решение Европейской комиссии по делу «Аюнтамьенто де Х. против Испании» от 7 января 1991 г., жалоба №15090/89, Decisions and Reports (DR) 59, p. 251. Европейский Суд напомнил, что в международном праве термин «государственная организация» не сводится только к центральным органам власти. В тех случаях, когда государственная власть децентрализована, указанное понятие распространяется на любой национальный орган власти, осуществляющий публичные функции (см. упоминавшееся выше решение Европейской комиссии по делу «Аюнтамьенто де Х. против Испании»).

При этом обязательность официального нормативного толкования конвенционных положений, формулируемого Европейским Судом по правам человека, для конституционно-судебной практики в Российской Федерации предполагает, что соответствующие правовые позиции Европейского Суда должны использоваться национальными органами конституционного правосудия корректно, с учетом всего комплекса юридически значимых для разрешения конкретного конституционно-правового спора обстоятельств, а не только лишь на основе фактического сходства «фабул» конвенционных и конституционных дел.

Конвенционная юрисдикция Европейского Суда по правам человека является важным фактором утверждения и развития общеевропейских конституционных ценностей, их защиты национальными органами конституционного контроля. Это, однако, не исключает возможности возникновения и, соответственно, необходимости повышенного внимания к проблемным вопросам, определенным коллизиям и противоречиям между общеевропейскими и национальными институтами гарантирования прав и свобод человека и гражданина, между конвенционной юрисдикцией Европейского Суда и компетенцией национальных органов конституционного контроля.

4.6. АКТЫ КОНВЕНЦИОННОГО КОНТРОЛЯ КАК ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ПЕРЕСМОТРА КОНКРЕТНОГО ДЕЛА ЗАЯВИТЕЛЯ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ: ПОЗИЦИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ

Отношения между Европейским Судом по правам человека и Конституционным Судом РФ строятся на основе прямых и обратных связей и, соответственно, имеют двусторонний характер и сложное содержание. Это проявляется, в частности, в том, что правовые позиции Европейского Суда по правам человека, оказывая заметное воздействие на практику конституционного правосудия, в то же время во многом именно благодаря решениям Конституционного Суда РФ приобретают качества внутригосударственной формально-юридической значимости, через конституционно-судебное правоприменение и нормативно-интерпретационную деятельность Конституционного Суда наращивают свой нормативный потенциал.

Речь в данном случае идет не только об использовании Конституционным Судом РФ практики европейского конвенционного контроля для целей конституционного судопроизводства, но и о конституционно-судебном обосновании решений Европейского Суда в качестве источника права. В постановлениях от 5 февраля 2007 г. №2-П и от 26 февраля 2010 г. №4-П, Конституционный Суд прямо указан, что не только Конвенция о защите прав человека и основных свобод, но и решения Европейского Суда по правам человека — в той части, в какой ими, исходя из общепризнанных принципов и норм международного права, дается толкование содержания закрепленных в Конвенции прав и свобод, включая право на доступ к суду и справедливое правосудие, — являются составной частью российской правовой системы, а потому *должны учитываться федеральным законодателем при регулировании общественных отношений и*

правоприменительными органами при применении соответствующих норм права¹.

Такое конституционное понимание места и роли актов конвенционного контроля означает, в частности, что *лицо, по жалобе которого вынесено постановление Европейского Суда по правам человека, во всяком случае должно иметь возможность обратиться в компетентный суд с заявлением о пересмотре вынесенных по его делу судебных постановлений и быть уверенным, что его заявление будет рассмотрено.* Это тем более важно, если иметь в виду, что в силу особенностей полномочий Европейского Суда по правам человека, осуществляющего свою деятельность на основе принципа субсидиарности, и специфики рассматриваемых им дел, не всякое его решение, обязывающее государство-ответчика выплатить соответствующую денежную компенсацию, обеспечивает тем самым и полное восстановление нарушенного права. Европейский Суд по правам человека только констатирует нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод в отношении заявителя, но не вправе принять дальнейшие меры, с тем чтобы устранить его, в частности в тех случаях, когда выявленное нарушение носит длящийся характер либо обусловлено допущенными национальным судом существенными нарушениями норм процессуального права. В таких случаях эффективное восстановление нарушенного права может блокироваться вступившим в законную силу национальным судебным актом, в связи с вынесением которого заявитель обратился в Европейский Суд по правам человека и который является обязательным на территории соответствующего государства и должен исполняться. Поскольку национальный судебный акт не подлежит пересмотру в системе международной юрисдикции, принятое государством обязательство исполнять окончательные постановления Европейского Суда по пра-

¹ См.: Постановление КС РФ от 5 февраля 2007 г. №2-П; Постановление КС РФ от 26 февраля 2010 г. №4-П.

вам человека, в том числе констатирующие такие нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, для устранения которых требуется отмена судебных актов, вынесенных в рамках национальной юрисдикции, обуславливает введение в национальном законодательстве механизма восстановления прав заинтересованных лиц в случае, если эти права не могут быть восстановлены путем присуждения и выплаты одной лишь денежной компенсации. Иное свидетельствовало бы об умалении и ограничении права каждого на судебную защиту, предполагающего конкретные гарантии, которые позволяют реализовать его в полном объеме и обеспечить эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости¹.

¹ Следует, однако, признать что для целей исполнения решений Европейского Суда по правам человека государствами — участниками Конвенции о защите прав человека и основных свобод могут и должны приниматься необходимые и разнообразные меры как правосознательного, так и правоохранительного (превентивного и гарантийного) характера, которые, конечно, не могут быть ограничены или сведены к пересмотру того или иного правоприменительного или судебного акта. В принципе же на соответствующих государствах лежит конвенционная обязанность, прежде всего, самостоятельно, без применения процедур и средств наднационального принуждения соблюдать свои обязательства, вытекающие из содержания Конвенции и обеспечивать восстановление нарушенных прав и основных свобод человека и гражданина через применение национальных (внутригосударственных) механизмов. В связи с этим обращает на себя внимание Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. №68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» (Российская газета. 2010. 5 мая). Призванный оградить граждан от нарушений, связанных с необоснованными задержками сроков осуществления правосудия, — а они составляют существенную долю нарушений Российской Федерацией положений ст. 6 Конвенции о праве на справедливое судебное разбирательство в разумный срок — и тем самым «разгрузить» Европейский Суд по правам человека. Упомянутый Федеральный закон вместе с тем прямо предусматривает, что в течение шести месяцев со дня вступления его в силу лица, подавшие в Европейский Суд по правам человека жалобу на предполагаемое нарушение их права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок, в отношении которой не вынесено решение по вопросу ее приемлемости или по существу дела, могут обратиться в порядке, установленном настоящим Федеральным законом и процессуальным законодательством Российской Федерации, в суд с заявлением о присуждении им соответствующей компенсации (ч. 2 ст. 6).

Опираясь на эти правовые подходы, Конституционный Суд РФ в названном постановлении от 26 февраля 2010 г. №4-П фактически удовлетворил требования заявителей о нарушении их конституционного права на судебную защиту таким процессуальным регулированием, которое не содержит определенного механизма исполнения вынесенного Европейским Судом по правам человека решения о нарушении национальными властями конвенционных прав и, в частности, не предусматривает возможности пересмотра конкретного дела гражданина, в связи с которым и состоялось решение Европейского Суда по правам человека.

Заявители по этому делу — гражданине, в отношении которых Европейский Суд по правам человека установил, что при рассмотрении гражданских дел с их участием органами правосудия Российской Федерации были допущены нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод (выразившиеся в отмене в порядке надзора, вступивших в законную силу судебных постановлений, рассмотрении гражданского дела составом суда, который не может быть признан судом, созданным на основании закона), обратились с заявлениями о пересмотре соответствующих судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам, в удовлетворении которых им, однако, был отказано. При этом судебные органы исходили из того, что ст. 392 ГПК РФ, регулирующая вопросы пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам, содержит исчерпывающий перечень оснований для такого пересмотра, в число которых вынесение Европейским Судом по правам человека решения в пользу заявителя не входит.

В связи с этим обратившиеся в Конституционный Суд РФ граждане настаивали на признании нормы ч. 2 ст. 392 ГПК РФ неконституционной, поскольку она не предусматривает в числе оснований для пересмотра вступивших в законную силу судебных актов установленное Европейским Судом по правам человека нарушение положений

Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом общей юрисдикции конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Европейский Суд по правам человека, и тем самым вступает в противоречие с требованиями ст. 1, 2, 15 (ч. 1, 2 и 4), 17 (ч. 1), 18, 19 (ч. 1), 42, 46 (ч. 1 и 2), 55 (ч. 2), 79 и 120 Конституции РФ.

Не признавая оспариваемое законоположение неконституционным, Конституционный Суд РФ выявил его конституционно-правовой смысл, удовлетворяющий как запросам заявителей по данному конкретному делу, так и общей конституционной потребности в исполнимости и действительности всех законных судебных актов.

По мнению Конституционного Суда, решения Европейского Суда по правам человека, вынесенные в связи с нарушением властями Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина, должны безусловно исполняться на территории Российской Федерации и предполагают при необходимости ревизию ранее принятых правоприменительных актов (включая судебные). Возникает вопрос, в каком именно процессуальном порядке это должно происходить?

Апелляционное и кассационное производство предназначены для проверки лишь не вступивших в законную силу судебных постановлений и, соответственно, не могут использоваться для целей исполнения решений Европейского Суда по правам человека. Что же касается надзорного порядка пересмотра судебных актов по названным обстоятельствам, то в условиях действующего законодательства он практически невозможен¹. Обращение в суд надзорной инстанции ограничено сроком в шесть месяцев со дня их вступления в законную силу и условием исчерпанности иных установленных способов обжалования судебного постановления до его вступления в законную силу (ч. 2 ст. 376 ГПК РФ). При этом восстановление указанного процессуального срока допускается только в исключительных

случаях, когда суд признает уважительными причины его пропуска по обстоятельствам, объективно исключающим возможность подачи надзорной жалобы в установленный срок (тяжелая болезнь, беспомощное состояние и др.), и которые имели место в период не позднее одного года со дня вступления обжалуемого судебного постановления в законную силу (ч. 4 ст. 112 ГПК РФ). Наличие указанного пресекательного процессуального срока для обращения в суд надзорной инстанции является непреодолимым препятствием для использования названного механизма пересмотра судебных актов, в связи с выявлением Европейским Судом по правам человека нарушений Конвенции, так как постановление выносится им по его истечении.

При таких обстоятельствах единственной возможностью защиты конституционных прав граждан на доступ к правосудию, судебную защиту и справедливое судебное разбирательство должно быть использование механизма, установленного гл. 42 ГПК РФ, поскольку пересмотр дела по вновь открывшимся обстоятельствам, будучи особой стадией судопроизводства, является дополнительной процессуальной гарантией защиты прав и охраняемых законом интересов участников процессуальных отношений. Указанный вид производства, имеющий резервное значение, используется, когда неприменимы или были исчерпаны все другие средства процессуально-правовой защиты.

Однако отсутствие в ч. 2 ст. 392 ГПК РФ соответствующего основания приводит в судебной практике к отказу от рассмотрения этих заявлений (как это имело место в делах заявителей по настоящему делу) и тем самым — вопреки предписанию ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, согласно которой если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора, — к блокированию действия Конвенции о защите прав человека и основных свобод на территории Российской Федерации.

Вместе с тем Конституционным Судом РФ было принято во внимание, что национальному процессуальному праву известен механизм исполнения решений Европейского Суда по правам человека, и он связан именно с институтом пересмотра судебных актов по вновь открывшимся обстоятельствам. Соответствующее правовое регулирование предусмотрено, в частности, в п. 7 ст. 311 АПК РФ и в п. 2 ч. 4 ст. 413 УПК РФ. Конституция РФ же предполагает равное право граждан на судебную защиту независимо от ее процессуальной формы и при этом ориентирует на принципиальную соотносимость (сходство) основных черт гражданского судопроизводства, посредством которого осуществляют судебную власть суды общей юрисдикции и арбитражные суды. Соответственно, по мнению Конституционного Суда, установление различного уровня гарантий защиты прав граждан при формулировании перечня оснований для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам судебных актов в результате принятия Европейским Судом по правам человека постановления, констатирующего нарушение Конвенции о защите прав человека и основных свобод, не может быть оправдано спецификой дел, рассматриваемых судами общей юрисдикции. В такой ситуации для заинтересованных лиц не исключается возможность обращения с соответствующим заявлением в суды общей юрисдикции, которые при рассмотрении таких заявлений — в силу ч. 4 ст. 1 ГПК РФ, предписывающей им в случае отсутствия нормы процессуального права, регулирующей отношения, возникшие в ходе гражданского судопроизводства, применять норму, регулиющую сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии такой нормы действовать, исходя из принципов осуществления правосудия в Российской Федерации (аналогия права), — обязаны руководствоваться как п. 7 ст. 311 АПК РФ, так и п. 5 ч. 2 ст. 392 ГПК РФ, с тем чтобы обеспечить, насколько это возможно исходя из фактических обстоятельств

конкретного дела и характера спорных правоотношений, восстановление нарушенных прав¹.

Одновременно Конституционным Судом было констатировано, что наличие в правовой системе государства процедур пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений, в связи с вынесением которых были констатированы нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод, выступает в качестве меры общего характера, обязательность осуществления которой в целях реализации предписаний данной Конвенции вытекает из ее ст. 46 во взаимосвязи со ст. 19, 46 и 118 Конституции РФ, а следовательно, требует законодатель-

¹ Заняв такую позицию, Конституционный Суд согласился с представленными в его адрес мнениями специалистов по данному делу, которые в своих заключениях отмечали, что отсутствие в ст. 392 ГПК РФ прямого указания на пересмотр судебного акта по вновь открывшимся обстоятельствам в связи с принятием постановления Европейского суда не исключает возможности устранить пробел путем применения аналогии закона и руководствоваться нормой, содержащейся в п. 7 ст. 311 АПК РФ, поскольку рассмотрение гражданских дел в арбитражных судах и судах общей юрисдикции осуществляется в форме гражданского судопроизводства (ч. 2 ст. 118 Конституции РФ); применение аналогии закона в гражданском судопроизводстве позволяет пересматривать вступившие в законную силу судебные постановления, в которых Европейским судом установлены нарушения Конвенции, по вновь открывшимся обстоятельствам (см.: Заключение доцента кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса Алтайского государственного университета, канд. юрид. наук И.В. Рехтиной по вопросам правового регулирования механизма исполнения постановлений Европейского суда по правам человека в рамках гражданского судопроизводства, подготовленное на основании материалов по жалобам граждан Л.Л. Дорошка, А.Е. Кота и Е.Ю. Федотовой // Архив КС РФ. 2010; Экспертное заключение, подготовленное на кафедре гражданского процесса Уральской государственной юридической академии по жалобам граждан Л.Л. Дорошка, А.Е. Кота и Е.Ю. Федотовой // Архив КС РФ. 2010). Отсутствие же унифицированного правового регулирования однотипных процессуальных отношений, по мнению специалистов, ведет к нарушению ст. 19 Конституции РФ, закрепляющей принцип равенства граждан перед законом и судом: в случае рассмотрения дела арбитражным судом указанное основание для пересмотра по вновь открывшимся обстоятельствам судебных актов предусмотрено, а в случае рассмотрения дела мировым судьей и судом общей юрисдикции — нет (см.: Заключение Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ по вопросу соответствия Конституции РФ ст. ст. 392 и 393 ГПК РФ // Архив КС РФ. 2010).

ного закрепления механизма исполнения окончательных постановлений Европейского Суда по правам человека, который позволит обеспечить адекватное восстановление прав, нарушение которых выявлено Европейским Судом по правам человека. В соответствии с этим Суд обязал федерального законодателя внести изменения в ГПК РФ, с тем чтобы гарантировать возможность пересмотра вступивших в законную силу судебных постановлений в случаях установления Европейским Судом по правам человека нарушения положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении судом общей юрисдикции конкретного дела, в связи с принятием решения по которому заявитель обращался в Европейский Суд по правам человека.

Впредь же до внесения федеральным законодателем необходимых изменений положения ч. 2 ст. 392 ГПК РФ подлежат истолкованию и применению на практике в том смысле, который был выявлен в постановлении Конституционного Суда РФ, и предполагает, что суд общей юрисдикции не вправе отказывать в пересмотре по заявлению гражданина вынесенного им судебного постановления по вновь открывшимся обстоятельствам в случае, если Европейским Судом по правам человека установлено нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод при рассмотрении конкретного дела, по которому было вынесено данное судебное постановление, послужившее поводом для обращения заявителя в Европейский Суд по правам человека.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: КОНСТИТУЦИОННЫЕ ЦЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПОИСКА НОВЫХ ЦЕННОСТНЫХ КРИТЕРИЕВ ПРАВОВОГО ПРОГРЕССА

Правовая глобализация является весьма сложным, но вполне объективным фактором повышения значения конституционных ценностей. В условиях современного глобализирующегося мира, имеющего тенденцию усиления юридизации социальных отношений и склонного к существенному уплотнению правового регулирования на основе универсализации юридических подходов к организации социальной жизнедеятельности, *ценность конституции, конституционного права и конституционализма в целом объективно возрастает*. В практическом плане это проявляется, в первую очередь, в актуализации конституционно-правового обеспечения ценностей демократии и прав человека в условиях новых глобальных угроз человечеству, в необходимости усиления конституционно-правового воздействия на общественные отношения.

Всеобъемлющие, имеющие универсальный характер процессы глобализации можно оценить не только как «пространственные», распространяющиеся на все сферы социальной действительности и на все страны в планетарном масштабе, но и как гуманистические, философско-мировоззренческие, натуралистические (отношения человека с природой), нравственно-этические, социально-политические, юридико-правовые и проч. В этом плане вполне оправданным является выделение — наряду с экономической, политической, иными формами проявления глобализационных процессов — еще и правовой их формы. При этом очевидным представляется тот

факт, что правовые аспекты глобализации не сводятся к воздействию соответствующих процессов глобализации на правовые системы отдельных государств мирового сообщества: само понятие «правовая глобализация» не тождественно понятию «глобализация в правовой сфере».

Правовая глобализация отражает не столько пространственные (количественные), сколько качественные характеристики интернационализации правовой жизни. В центре ее внимания — нарастание общего, универсального в нормативно-правовых стандартах бытия современной цивилизации. Но особенно важно то, что *правовая глобализация является отражением тенденций юридизации, точнее — правового нормирования основных сфер социальной действительности* в условиях перехода современной цивилизации к плюралистической демократии, утверждения во всемирном масштабе ценностей постиндустриального общества и постепенного «врастания» национальных социально-политических систем в единую всемирную информационную систему. Но это — только одна сторона. Другая же заключается в том, что правовая глобализация представляет собой реакцию на возникновение в XXI в. новых глобальных угроз человечеству в виде международного терроризма, природных и техногенных катастроф, экологического и энергетического кризисов и т.д.

В особой степени течения глобализации, столкновения международных и внутригосударственных институтов, ценностей, затронули, безусловно, европейский континент с тенденциями интеграции национальных правовых систем, прежде всего, на основе выработки международных европейских стандартов прав человека, механизмов их защиты и утверждения ценностей верховенства права и демократии. В этом плане вполне заслуживают внимания многие новые проблемы правовой действительности, как-то проблема европейского конституционализма.

В ряду других заслуживающих внимания в связи с этим вопросов может быть поставлен и *вопрос о европейском конституционализме, о том, что это такое: «правовоглобализация» или конституционная интеграция национальных правовых систем?*

В конституционном развитии государств европейского континента, включая страны новых демократий, достаточно очевидно проявляются находящиеся в противоречивом единстве общие закономерности современного правового прогресса. Процессам объективно развивающейся *правовой глобализации*, которая сводится не только к сближению, взаимопроникновению, но и конкуренции, соперничеству ведущих правовых систем современности и на этой основе — к унификации нормативно-правовой жизни современной цивилизации, здесь сопутствуют *тенденции конституционно-правовой суверенизации*. Речь идет об усиливающемся в последнее время, в том числе в системе западноевропейских демократий, осознании необходимости защиты суверенных прав, учета, сохранения социокультурных особенностей национально-государственных конституционных систем, функционирующих в тесном взаимодействии с международно-правовыми институтами.

Это порождает проблемы, связанные не только с сотрудничеством и взаимодействием национальных правовых систем (между собой и с международными юрисдикциями), но и неизбежные конфликты, что актуализирует проблему поиска оптимальных механизмов преодоления противоречий, нахождения компромиссов. Как замечено в этой связи В.Д. Зорькиным, концептуальная проработка проблемы взаимосвязи конституционного и международного правопорядков, соотношения компетенций национального законодательства и норм международного права становится одной из важнейших и неотложных задач современной юридической науки, и в этой сфере, как показывает опыт эскалации глобальных вызовов,

уже нет места промедлению и отдельным паллиативным решениям¹.

Главными сферами возникающего в рамках процессов глобализации нормативно-правового интеграционного взаимодействия на европейском континенте становятся европейские институты международного публичного права, с одной стороны, и национальные институты конституционного права, с другой, имея в виду, что в современных условиях эти две отрасли — международное публичное и конституционное право — регулируют отношения, во многом сходные по своей природе и значительно совпадающие по сферам². Именно на этой основе становится возможным возникновение качественно нового транснационального правового явления, связанного с формированием европейского конституционализма.

При этом важно учитывать, что европейский конституционализм не есть некий региональный «правоглобализм» в европейских масштабах его распространения. Это качественно новая философско-мировоззренческая категория, призванная отразить не столько наднациональную правовую универсализацию, сколько *национально-конституционную интеграцию* государственно-правовых систем Европы на основе их взаимообогащения при сохранении юридического суверенитета правовых систем. Этому обстоятельству не противоречит и тот факт, что европейский конституционализм естественным образом — не только в силу глобальных для европейского правового пространства последствий, но и по самой своей природе, с учетом обретения новых качеств — выходит далеко за пределы простого (суммарного) сложения национальных конституционно-правовых систем; в этом плане он нуждается в неких универсальных, международно-правовых

¹ См.: Зорькин В.Д. Право в условиях глобальных перемен. М.: Норма, 2013. С. 392.

² См.: Конюхова И.А. Международное и конституционное право: теория и практика взаимодействия. М.: Формула права, 2006. С. 16–17.

доктринальных, нормативных и правоприменительных решениях.

Определенные начала европейского конституционализма могут проявлять себя (в различных социально-политических, правовых формах) уже на начальных этапах становления единого конституционного пространства Европы. Имеется в виду, что конституционализм вообще и европейский в частности можно представить как взаимосвязанный комплекс различных компонентов, включая: его доктринальную составляющую как особую философско-правовую теорию конституционализации экономического, политического, правового пространства Европы; нормативно-правовой компонент, представляющий собой специфическое иерархическим образом (в том числе с точки зрения международно-правовых, наднациональных и национальных составляющих) организованное европейское правовое поле; онтологический компонент, воплощающий практику формирования и развития европейского конституционализма, включая конвенционную (европейскую) юрисдикционную и национальную конституционную практику реализации европейских конституционных ценностей; наконец, это одна из форм проявления общественного сознания, выступающая предпосылкой, условием формирования и, в определенной мере, проявлением нового типа юридического видения мира — европейского конституционного мировоззрения.

В сегодняшних условиях, когда отсутствует единый нормативный массив «европейского конституционного права», *нормативную правовую основу формирования европейского конституционализма* составляет сложная, достаточно своеобразная нормативная система, воплощающая единство международно-правовых европейских компонентов и национально-государственных конституционных институтов. Применительно к государствам — членам Совета Европы это выглядит в виде нормативного комплекса, который формируется: во-первых, на основе

конвенционного регулирования, имея в виду Европейскую конвенцию о защите прав человека и основных свобод и прецедентную практику ее толкования Европейским Судом по правам человека, а также иное международное договорное (европейское) правовое регулирование; во-вторых, на основе национального конституционного регулирования, включая практику национальных органов конституционной юрисдикции, которые наиболее органично и активно включаются в систему охраны европейских демократических ценностей, приобретающих конституционное значение как для отдельных государств, так и европейского правового пространства в целом.

Таким образом, процессы правовой глобализации, усиливающиеся проявления принципов конституционализма в региональном и всеобщем масштабе, возникновение явлений подобных описанному выше европейскому конституционализму, объективно нуждаются прежде всего в конституционных оценках на уровне национальных государственно-правовых систем, хотя в то же время нельзя не учитывать, что они естественным образом — не только в силу глобальных последствий, но и по самой своей природе — выходят далеко за их пределы.

Одновременно характерная для правовой глобализации *универсализация конституционных ценностей* сопровождается не только транснациональными тенденциями развития, но и трансформацией этих ценностей (в том числе на международном уровне) из мифологизированных политико-декларативных характеристик существующих в действующие нормативно-правовые императивы должного.

В юридико-глобализационном плане эти, интеграционные в своей основе, процессы могут быть представлены в различных аспектах: а) институциональном, правотворческом, состоящем в сближении правовых систем современности на основе единства их конституционных ценностей; б) правореализационном, где особый интерес вызы-

вает формирование наднациональных юрисдикционных органов по защите общепризнанных ценностей (прежде всего прав и свобод человека); в) в аспекте утверждения новой правовой идеологии, нового типа правосознания и правовой культуры, что выражается в том числе в унификации правовых ценностей и сближении фундаментальных характеристик национальных правовых культур; г) в конституционализации общепризнанных принципов и норм международного права и на этой основе — проникновении внутригосударственных юридико-правовых начал в сферу международных отношений и др.

Важное значение в этом плане имеет уяснение ценностных критериев и ориентиров, лежащих в основе правовой глобализации и соответственно правового прогресса демократических государств, если исходить из непреложности того, что процессы правового глобализма должны развиваться в направлении *юридизации свободы, власти, собственности* как основополагающих компонентов современных социально-политических и экономических систем.

Учитывая, что каждая эпоха неизбежно вносит свои коррективы в систему ценностей, на которые она ориентируется, представляется, что *аксиологической и, во многом, праксиологической основой правовой глобализации* являются, и безусловно должны сохраниться, имеющие всеобщее признание *универсальные конституционные ценности современной демократии* как общее достояние человеческой цивилизации. В ряду таких ценностей: свобода и права человека, социальная справедливость и равенство всех перед законом, правовое социальное государство, разделение властей, политический, идеологический и экономический плюрализм и др.

Для современной государственно-правовой действительности с точки зрения глобалистских тенденций ее развития принципиальное значение имеет вопрос об иерархических связях и зависимостях в системном ряду соответствующих конституционных ценностей, о ценностных

приоритетах в рамках процессов правовой глобализации. В наши дни актуален, в частности, вопрос о том, являются ли глобалистскими приоритетами свобода и права человека или же в основу таких приоритетов должны быть положены ценности безопасности.

Еще недавно основой интернационализации, сближения правовых систем, в том числе в направлении формирования единого правового пространства в Европе, безоговорочно признавались права человека. Благодаря имманентно присущей им ценностно-интегративной функции права человека приобрели наднациональный, интернациональный характер. Их признание на международном уровне и закрепление в нормах международного права лишь усилило всеобщность и обязательность заложенных в них требований в масштабах всего мирового сообщества. С момента международно-правового признания права человека как общесоциальная категория приобрели новое, дополнительное качество: они стали международными правами человека, получили четко выраженные в нормах международного права характеристика, что способствовало формированию *международного права прав человека*, международного гуманитарного права и позволило ретранслировать национальный ценностно-правовой потенциал в общемировом масштабе.

Принципиально иная ситуация сложилась на рубеже XX–XXI вв. На смену интернационализации на основе демократических ценностей приходит тенденция глобализации на основе критериев (принципов) безопасности личности, общества, государства.

Однако можно ли рассматривать сами по себе ценности безопасности в качестве универсальных основ правового прогресса, интеграции социокультурных систем современности? Положительный ответ на этот вопрос представляется по меньшей мере спорным. И прежде всего по той причине, что при очевидной конкуренции конституционных ценностей прав и свобод человека, с одной

стороны, и безопасности — с другой, вряд ли правильным является их полное, как это чаще всего случается, противопоставление.

Безопасность — категория конституционная, нормативно-правовое содержание которой не ограничивается чисто публичной направленностью (на общество и государство). Как конституционная категория понятие безопасности призвано отражать *состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства* на основе последовательного обеспечения их баланса. Уже поэтому категория безопасности призвана отражать как публичные, так и частные интересы в их взаимосвязи и сбалансированности. Не случайно Конституция РФ в ч. 1 ст. 56 определяет в качестве равнозначимых оснований возможных ограничений прав и свобод в условиях чрезвычайного положения: а) обеспечение безопасности граждан; б) защиту конституционного строя. Одновременно Конституция достаточно детально отражает различные стороны безопасности: во-первых, *правовую (юридическую) безопасность личности*, имея в виду физическую безопасность (ст. 20–23, ч. 2 ст. 63), информационную безопасность (ст. 24, 29), экономическую безопасность (ст. 34, 35), экологическую безопасность (ст. 58, п. «е» ст. 71) и т. п.; во-вторых, *безопасность государства*, высшим проявлением которой является суверенитет государства (ч. 3 ст. 4, ч. 5 ст. 13, ч. 3 ст. 55, ст. 67, п. «м» ст. 71, п. «д» ч. 1 ст. 114); в-третьих, *безопасность общества* (ч. 2 ст. 7, ст. 14, п. «б» ч. 1 ст. 72, п. «е» ч. 1 ст. 114).

Из этих подходов, основанных на понимании того, что между конституционными ценностями «права человека» и «безопасность» существуют сложные взаимосвязи, основанные в том числе на «присутствии» прав человека в конституционном режиме безопасности, следует исходить при поиске конституционных критериев современных процессов глобализации и правового прогресса.

В современном мире главным является поиск баланса между ценностями публичного характера, с одной стороны, и личными, частными ценностями — с другой. В формализованном, нормативно-правовом выражении это проблема соотношения суверенной государственной власти (на характеристике власти как «суверенной» делаю акцент) и свободы, которая прямо или косвенно пронизывает всю систему конституционного регулирования, присутствует в каждом конституционном институте, каждой норме и статье Конституции.

Уже поэтому весьма острой является *проблема конкуренции конституционных ценностей*, лежащих в основе современных процессов глобализации и правового прогресса. В частности, игнорирование социокультурной природы отдельных правовых систем, их национальных и исторических особенностей может привести в право-глобализационном процессе (и уже нередко приводит) к политической, идеологической, правовой экспансии экономически, военно-политически господствующих стран и блоков, в основе чего лежит не сила права, а право силы и соответственно отказ от фундаментальных конституционных идей демократии и государственного суверенитета.

Это в одинаковой мере опасно как для внутригосударственного, так и для международного мироустройства, что с особой остротой проявилось в контексте глубокой коллизии между двумя общепризнанными и, соответственно, императивными принципами международного права — самоопределения народов и территориальной целостности государств. Политика двойных стандартов, когда на международном уровне (включая ООН, Евросоюз и т. п., не говоря уже об отдельных государствах) за одними народами признается правомерность борьбы за государственное самоопределение (например, Косово), а другие народы такого права лишаются, может привести к разрушению основополагающих принципов современного международного права и заложенных в них

ценностей. Поиск же баланса между соответствующими несовпадающими ценностями должен основываться, во-первых, на безусловном признании *коллизийного единства* указанных и всех других основных принципов современного международного права (закрепленных, в частности, в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН от 24 октября 1970 г.); во-вторых, на понимании (и признании!) того, что попрание тем или иным государством одного принципа (в частности, принципа равноправия и самоопределения народов) лишает данное государство права ссылаться на другие принципы, включая принцип территориальной целостности: ценность ни одного из принципов международного миропорядка не может рассматриваться как абсолютная, не зависящая от ценностных характеристик других принципов. В процессе же конституционализации соответствующих общепризнанных принципов международного права (применительно к Российской Федерации это, например, ч. 3 ст. 5 в системном единстве с ч. 4 ст. 15 Конституции) создается дополнительный нормативно-правовой потенциал для поиска баланса и преодоления коллизии между ними на основе проникновения внутригосударственных юридико-правовых начал в сферу международных отношений.

Одним словом, глобализация напрямую влияет на конституционные системы современных государств, предопределяет новые ценностные критерии их развития, модернизации и защиты. В условиях современного мира процессы модернизации являются неотъемлемым элементом универсальной тенденции глобализации, в рамках которой происходит взаимное переплетение, диффузия внутригосударственных и международных кризисов, конфликтов и противоречий, а преобразование жизнедеятельности конкретного общества и государства

обусловливается системой универсальных принципов развития всего человечества.

Одновременно конституционализм как основа современных процессов правовой глобализации проявляет себя в том числе посредством конституционализации правовых систем, национальных отраслей права и всей системы правопорядка в национальном и международном (глобальном) масштабах. В основе этих сложных, противоречивых процессов на пути к правовому прогрессу лежат демократические императивы Конституционных Ценностей.

ПОЧЕМУ МЕНЯЕТСЯ ПОНИМАНИЕ КОНСТИТУЦИИ?

Судья Конституционного суда Российской Федерации **Николай Семенович БОНДАРЬ** рассказал члену президиума Ассоциации юристов России Михаилу Барщевскому, чем Конституционный суд отличается от других высших судов (Верховного и Высшего арбитражного) и почему нормы Основного Закона можно понимать по-разному в разные времена.

– Сегодня, когда из двух высших судов — Верховного и Высшего арбитражного — планируют сделать один, в обществе вполне может возникнуть вопрос и о каких-либо изменениях в функциях Конституционного суда России. Не является секретом и то, что кое-кем из ученых высказывались соображения о «целесообразности» включения в единый верховный судебный орган и Конституционного суда. Сейчас его решения носят, скорее, абстрактный характер, касаются соответствия той или иной нормы Конституции. А это, возможно, придало бы Конституционному суду больше конкретных правоприменительных функций?

Николай Бондарь: В данном вопросе содержатся, по крайней мере в его подтексте, фактически два вопроса. Первый — перспективы объединения двух высших судов, второй — природа Конституционного суда, чем он отличается от других судов?

Что касается первого вопроса, то могу среагировать на него в предельно лаконичной форме... уклонившись от его обсуждения. Ведь объединение двух высших судов будет сопряжено с принятием новых законов, в том числе о

едином Верховном суде России. Как и любой другой, этот закон может стать предметом рассмотрения в Конституционном суде, а нам, судьям, недопустимо высказывать свое мнение по вопросам, которые могут стать предметом оценки Конституционного суда. К тому же аргументы в пользу объединения (впрочем, как и контраргументы) хорошо известны.

Что же касается Конституционного суда, то не только сейчас, но, надеюсь, и в будущем, по крайней мере на государственном, законотворческом уровне (а не просто как теоретическая идея), не возникнет желание «скрестить» конституционное правосудие с другими формами судебной юрисдикции. В отличие от США, которых нередко приводят в пример как «беспорный аргумент» в пользу единого верховного судебного органа, во всех странах Европы, включая Россию, избрана принципиально иная модель судебной проверки законов на их соответствие Конституции, предполагающая создание для этого специализированных судебных органов. И они есть во всех странах Европы, впрочем, как и в большинстве стран Азии, Африки и даже Латинской Америки.

Конституционный суд «больше, чем суд». Он «судит» не человека, а закон, принятый парламентом и подписанный президентом.

– В связи с этим перейдем к Конституции. От обычных граждан часто приходится слышать, мол, Конституция слишком далека от народа. Попробуйте сослаться на ее статьи какому-нибудь постовому полицейскому. Что сделать, чтобы люди воспринимали ее, как нечто, относящееся к реальной жизни?

Николай Бондарь: Конституция — это, конечно, не инструкция, призванная детально регламентировать конкретные ситуации. Но в самой Конституции записано, что это акт прямого действия, обладающий высшей юридиче-

ской силой. Это означает, во-первых, что всякая инструкция (как и текущие законы) должна отвечать Конституции и, во-вторых, постовой полицейский, как и гражданин во взаимоотношениях с полицейским, вполне могут напрямую сослаться на требования Конституции. Что для этого надо? Минимальное, но обязательное условие — знать Конституцию, свои права и обязанности, полномочия органов власти и т.п.

– Но этого явно недостаточно, чтоб воспринимать Конституцию как реально действующий, живой документ.

Николай Бондарь: Да, недостаточно. Но что касается вашего уточняющего вопроса — это уже проблема реализации Конституции, умение отстаивать на ее основе свои права. И решение этой проблемы в наибольшей степени опять же связано с судебной властью. Именно суд охраняет и, более того, как бы «оживляет» Конституцию. На первом месте здесь стоит, естественно, Конституционный суд. Сегодня наша Конституция — это не только принятый 12 декабря 1993 г. текст Основного Закона, но и «обволакивающие» его решения Конституционного суда, которые толкуют, оживляют Конституцию. По крайней мере государственные и муниципальные служащие, должностные лица от министра до мэра, которые призваны приводить в действие конституционные требования, обязаны знать не только сам по себе лаконичный текст Конституции, но и то, как понимаются ее статьи, как они могут применяться в соотношении с законами, подзаконными актами в нынешних условиях. В этом плане образование Конституционного суда стало решающим шагом к утверждению в нашей стране идей «живой» Конституции, формирования качественно нового состояния конституционализма, которое можно определить как «живой» (или — судебный) конституционализм.

– Но мы все знаем, что Конституционный суд призван быть хранителем Конституции. А это требует бережного отношения к ее тексту. Зачем же в таком случае текст, обладающий особыми юридическими качествами, о которых вы сами говорили, «разбавлять» решениями Конституционного суда?

Николай Бондарь: Для ответа на этот вопрос вынужден прибегнуть к образной характеристике Конституции (чтоб это было понятнее читателям, которые не обязательно обладают юридическим образованием). Дело в том, что Конституция — не только сам по себе текст, но это еще и дух Конституции, т.е. те основополагающие ценности, принципы, устои нашей жизни, которые не обязательно имеют конкретное текстовое закрепление в Конституции, но в конечном счете вытекают из нее. Например, понятия «добро», «справедливость» упоминаются лишь в преамбуле Конституции, которую не все рассматривают как полноценную, составную часть Конституции, что абсолютно неправильно. Но разве достаточно для нашего общества, впитывавшего в себя на протяжении всей тысячелетней истории идеи добра и справедливости в качестве основополагающих ценностей жизни, такого «мимолетного» упоминания о них?! Эти, как и многие другие, конституционные по своему значению идеи Конституционный суд развивает, углубляет применительно к различным ситуациям, сферам жизни. И такие решения, не меняя текст Конституции, обогащают его, как бы оживляют.

– А не приведет ли такое «оживление» Конституции к политизации, к толкованию тех или иных ее положений в соответствии с «политической целесообразностью»? Должен ли Конституционный суд оставаться вне политики или все же ему следует учитывать особенности момента?

Николай Бондарь: Для Конституционного суда (КС) является аксиомой — и это закреплено на законодательном уровне — КС решает исключительно вопросы права. Однако проверка на конституционность законов является одной из весьма специфичных форм властного (конституционного) воздействия и на те отношения, которые могут прямо соотноситься с наиболее важными вопросами политической жизни общества (выборы, митинги, демонстрации, взаимоотношения ветвей власти и т.д.). Уже поэтому вполне естественно, что конституционный анализ соотношения конституционного правосудия и политики не исчерпывается формально-юридическими оценками. При решении такого рода вопросов выход на социально-политические, социокультурные, конкретно исторические аспекты действия Конституции абсолютно необходим. Учитывая это, суд как бы «приращивает» к Конституции, к ее духу (сохраняя в неприкосновенности сам по себе текст!) нормативную энергию сегодняшнего дня. Тем самым с помощью КС происходит своего рода актуализация Конституции, ее преобразование, развитие с изменением, развитием самой жизни.

– А как же быть с политизацией..?

Николай Бондарь: Уверен, любой читатель может вспомнить те или иные политически значимые решения КС. Но являются ли они свидетельством «политизации» судебного органа? Конечно, нет. В этом плане сформулирую мысль в виде своего рода конституционной максимы: для нас приемлема не политизация конституционного правосудия, а конституционализация политики, ее осуществление в строгом соответствии с требованиями Конституции. И в этом тоже роль Конституционного суда очевидна.

– Одно время в среде юристов считалось, что Конституцию не стоит трогать. Сейчас мы все-таки понем-

ногу стали «открывать» Основной Закон для поправок. Как вы считаете: допустимо ли менять Конституцию? Что важнее — стабильность или развитие, изменение Конституции с учетом того, что жизнь не стоит на месте?

Николай Бондарь: Не считаю правильным противопоставлять стабильность и динамизм, развитие Конституции. При этом одинаково ошибочно связывать динамику, развитие Конституции лишь с внесением в ее текст изменений, а стабильность — с особым, усложненным порядком таких изменений ее текста, внесения поправок (в подтверждение достаточно вспомнить, что поправки 2008 года были приняты очень оперативно). Возможно, покажется несколько парадоксальной мысль, но, думаю: главная гарантия стабильности Конституции — в ее динамизме.

– Почему?

Николай Бондарь: Потому что стабильность, как и динамизм Конституции, должны связываться — повторюсь — не столько с текстом Конституции, сколько с ее духом, принципами, ценностями (это прежде всего преамбула и две первые главы Конституции). Сегодня благодаря решениям Конституционного суда, в которых дано толкование многих этих и других положений с учетом современных условий, мы имеем не просто ту Конституцию, которая принималась в ситуации гражданского противостояния в кризисное время 90-х гг. прошлого века, а современную Конституцию XXI века. Это Основной Закон сегодняшнего общества, устремленного в будущее. Поэтому ценность Конституции не в неизменности смысла, который ей придавался реальными или мнимыми отцами-создателями (к каждому юбилею Конституции таких «отцов» становится все больше), а в ее способности гибко реагировать,

в частности с помощью решений Конституционного суда, на изменения в обществе, государстве и глобализирующемся мире. Поэтому сегодня основная наша задача — не изменение, а исполнение Конституции, раскрытие ее внутреннего потенциала.

Опубликовано в «Российской газете» 28 ноября 2013 г., № 6245

Научное издание

Бондарь Николай Семенович

АКСИОЛОГИЯ СУДЕБНОГО
КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА:
конституционные ценности
в теории и практике
конституционного правосудия

Scientific publication

N. S. Bondar

AXIOLOGY OF JUDICIAL CONSTITUTIONALISM:
CONSTITUTIONAL VALUES
IN THE THEORY AND PRACTICE OF CONSTITUTIONAL LAW

Editor: *D. V. Nefedov*. Proofreader: *P. V. Bagrov*. Designer: *D. V. Nefedov*.
Make-up and cover design: *Profpress Ltd*

Редактор — Д.В. Нефёдов. Корректор — П.В. Багров.
Верстка и дизайн обложки — ООО «Профпресс»

Издательство «Юрист», 115035, г. Москва, Космодамианская набережная,
д. 26/55, стр. 7, тел.: (495) 953-91-08, 617-18-88.

Сдано в набор 20.12.2013. Подписано в печать 05.02.2014.

Формат 64х80/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 11,5. Тираж 1500 экз.

ISBN 978-5-91835-214-4

9 785918 352144